

Гр. А. А. Мусинъ-Пушкинъ.

Н. И. ПИРОГОВЪ,
КАКЪ ПЕДАГОГЪ.

Цѣна 1 р. 50 к.

ПЕТРОГРАДЪ.
Типографія Главнаго Управленія Удѣловъ, Моховая, 40,
1916.

7

Гр. А. А. Мусинъ-Пушкинъ.

Н. И. ПИРОГОВЪ,

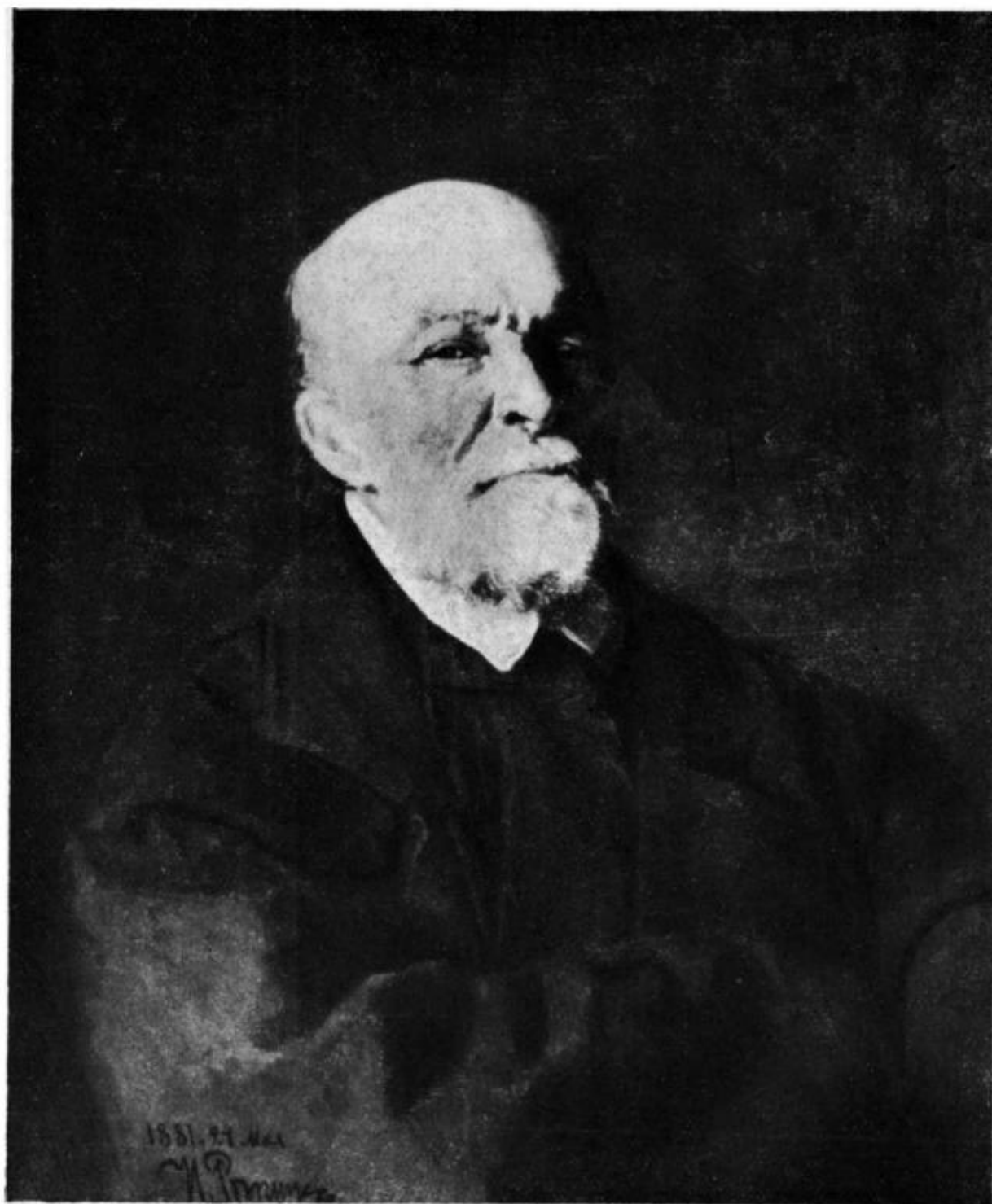
КАКЪ ПЕДАГОГЪ.

ПЕТРОГРАДЪ.

Типографія Главнаго Управленія Удѣлсвъ, Моховая, 40.
1917.

Петроградъ, дозволено военной цензурой 30 декабря 1916 г.

Н. И. Пироговъ.

Педагогическія мысли и статьи Н. И. Пирогова.

Въ русской журнальной литературѣ, особенно 80-хъ годовъ прошлаго вѣка, есть достаточное количество статей о жизни, дѣятельности и мысляхъ крупнѣйшаго русскаго мыслителя и педагога—Н. И. Пирогова ¹⁾.

¹⁾ Самыя вѣрныя свѣдѣнія о прохожденіи Пироговымъ его службы мы почерпаемъ изъ его «Автобіографіи», написанной имъ въ 1880 году 28-го сентября, помѣщенной въ „Русской школѣ“, 1896 годъ, стр. 11. Написана она въ его родномъ селѣ „Вишня“. Она составлена изъ собранія его писемъ къ лейбъ-медику Бертенсону. Началь онъ свою профессорскую клиническую дѣятельность въ тогдашнемъ Дерптскомъ Университетѣ, гдѣ пробылъ пять лѣтъ, послѣ чего его вызываютъ въ Медико-хирургическую Академію на кафедру госпитальной хирургіи при второмъ военно-сухопутномъ госпиталѣ и на должность старшаго врача хирургическаго отдѣленія этого госпиталя. Это относится къ 1841 году. Въ это-же время Пироговъ читалъ курсъ патологической анатоміи. По его инициативѣ учреждается анатомическій институтъ.

Въ 1846 году онъ отправляется за границу отъ Академіи, для ознакомленія съ устройствомъ анатомическихъ институтовъ. Еще раньше въ 1837 году, онъ былъ командированъ отъ Дерптскаго Университета въ Парижъ.

Въ 1846 году Пирогову удалось пригласить въ Россію знаменитаго впоследствии хирурга Грубера. Конецъ 40-хъ гг. Пироговъ провелъ на Кавказѣ, на войнѣ, впервые примѣняя анестизированіе эфиромъ. Я, конечно, не могу здѣсь подробно слѣдить за его медицинской дѣятельностью, крайне плодотворной, такъ какъ разсматриваю его исключительно, какъ педагога.

Онъ принималъ участіе въ Крымской кампаніи, тамъ-же произошло его знакомство съ С. П. Боткинымъ. Къ 1856 году относится появленіе въ печати его знаменитаго анатомическаго атласа, пріобрѣвшаго европейскую извѣстность. Въ концѣ 50-хъ гг. появляется его знаменитая статья въ „Морскомъ Сборникѣ“ „Вопросы жизни“, пропущенная только благодаря заступничеству В. Кн. Константина Николаевича. Отъ Министра Народнаго Просвѣщенія Норова онъ получаетъ приглашеніе занять постъ попечителя Одесскаго Учебнаго Округа. Съ 1857 г. начинается его научно-педагогическая дѣятельность, сперва въ Одессѣ.

Однако, всѣ эти статьи или пользуются не полнымъ матеріаломъ, или же пользуются имъ съ предвзятой цѣлью: выискиваютъ у Пирогова не мысли, а фразы, которыя такъ или иначе могутъ оправдать тѣ или другіе партійныя программы и взгляды.

Въ результатѣ получается, что у радикальнаго автора Н. И. Пироговъ—крайній радикаль, у консерватора же—онъ уже чистый консерваторъ!

Моя цѣль—объективно изучить личность этого замѣчательнаго русскаго педагога, являющагося крайне яркимъ исключеніемъ на нашемъ тускломъ педагогическомъ фонѣ, ориентироваться среди его взглядовъ и составить себѣ ясное представленіе о его міровоззрѣніи, столь выдѣляющемъ его изъ среды его современниковъ.

Для этого я не буду подбирать фразы изъ различныхъ сочиненій Пирогова съ похвальной, казалось бы, цѣлью привести въ систему его мысли, а чтобы быть безпристрастнымъ и дать исчерпывающее понятіе о взглядахъ великаго педагога, я разсмотрю всѣ его статьи по педагогическимъ вопросамъ и разсмотрю каждую изъ нихъ отдѣльно, стараясь уловить внутренній смыслъ и внутреннее содержаніе cadaго сочиненія въ отдѣльности.

Такимъ только путемъ намъ удастся выяснить умственнѣй обликъ Пирогова, его нравственное міровоззрѣніе, нашедшее позже свое полное выраженіе въ его педагогическихъ взглядахъ, которыя, къ сожалѣнію, онъ слишкомъ короткое время могъ проводить въ жизнь.

потомъ въ Кіевѣ. Его первая забота въ Одессѣ была—преобразование Ришельевскаго Лицея въ Университетъ. Ему препятствовалъ въ то время Министръ Финансовъ, не дозволявшій для содержанія Университета увеличить вывозную пошлину на пшеницу изъ портовъ Чернаго моря. Различіе во взглядахъ съ Министромъ Народнаго Просвѣщенія заставило Пирогова уйти съ поста попечителя Одесскаго Учебнаго Округа. Въ началѣ польскаго возстанія онъ получилъ назначеніе на должность попечителя Кіевскаго Учебнаго Округа.

Къ числу болѣе значительныхъ по содержанию его статей, гдѣ онъ высказываетъ основные свои педагогическіе взгляды, принадлежатъ двѣ изъ нихъ: 1) „Вопросы жизни“, появившіеся въ двухъ редакціяхъ, (вторая изъ нихъ является распространеннымъ текстомъ первой) и 2) статья „Быть и казаться“.

Статья Пирогова „Вопросы жизни“, появившаяся въ 1856 году въ „Морскомъ Сборникѣ“, обратила вниманіе всего образованнаго общества на хорошо извѣстнаго въ то время всей мыслящей Россіи, какъ хирурга и профессора анатоміи, Н. И. Пирогова, въ концѣ 1856 года, назначеннаго Попечителемъ въ Одессу, а затѣмъ въ Кіевъ, гдѣ онъ пробылъ въ этой должности до апрѣля 1861 года.

ГЛАВА I.

Основная мысль.—Основы воспитанія.—Ранняя спеціализація.—Реальные условія.—Роль учителя.—Наказанія.—Нравственное вліяніе личности учителя.—Интернаты для учениковъ.—Воспитательное значеніе науки.—Удаленіе изъ учебнаго заведенія.—„Знаніе“, а не „развитіе“.—Пироговъ и нынѣшніе попечители.

Основная мысль статьи Пирогова „Вопросы жизни“ Основная мысль. выражена въ эпиграфѣ, предшествующемъ первой ея редакціи. Вотъ онъ: „Къ чему вы готовите вашего сына? кто-то спросилъ меня. „Быть человѣкомъ“—отвѣчалъ я. „Развѣ вы не знаете“, сказалъ спросившій, „что людей собственно нѣтъ на свѣтѣ, это одно отвлеченіе, вовсе ненужное для нашего общества. Намъ необходимы негоціанты, солдаты, механики, моряки, врачи и юристы, а не люди. Правда ли это?“.

Каждый человѣкъ, по мнѣнію Пирогова, долженъ задавать себѣ вопросъ, для того чтобы сознательно жить: „Въ чемъ состоитъ цѣль моей жизни? Какое мое назначеніе? Къ чему я призванъ? Чего долженъ я искать?“

Изъ этого видно, что Пироговъ смотрѣлъ на чело-вѣческую жизнь—какъ на необходимый для каждаго трудъ умственный и нравственный, какъ на извѣстное призваніе, обязательное для каждаго къ выполненію. Въ виду этого совершенно отпадаетъ возможность отсутствія труда, борьбы и извѣстной, преслѣдуемой каждымъ индивидуумомъ, цѣли жизни. Главное въ чело-вѣкѣ, по Пирогову, не избранныя имъ занятія, не то, чѣмъ онъ является въ обществѣ, а выработанное въ немъ сознаніе необходимости прежде всего и раньше всего—быть „человѣкомъ“, то есть обладать общече-ловѣческими качествами и знаніями, которыя въ древ-ности носили названіе „*humaniora*“, т. е. свойствен-ныя каждому „человѣку“, отсутствіе которыхъ лишаетъ чело-вѣка этого почетнаго званія.

Сдѣлать насъ съ раннихъ лѣтъ „людьми“—это и есть, по мнѣнію Пирогова, и должна быть высшая цѣль педагогики, единственно важная, на которой должна быть основана она, какъ наука. „Этого, прибавляетъ Пироговъ, не достигнетъ ни одна *реальная школа* въ мірѣ, заботясь сдѣлать изъ насъ съ самаго нашего дѣтства негоціантовъ, солдатъ, моряковъ, духовныхъ пастырей или юристовъ“.

Основанія, которыя Пироговъ приводитъ противъ отдачи слишкомъ молодыхъ дѣтей въ реальное учи-лище, сводятся къ тому, что „реальное училище, имѣя цѣлью преимущественно практическое образованіе, не можетъ въ то же самое время сосредоточить свою дѣя-тельность на выработкѣ нравственной стороны ребенка, на той борьбѣ, которая предстоитъ ему впослѣдствіи, при вступленіи въ жизнь“.

Ранняя спеціали-
зація.

Пироговъ, вообще, противъ слишкомъ ранней спе-ціализаціи, противъ прикладной реальности. „Дайте, пишетъ онъ, созрѣть и окрѣпнуть внутреннему чело-вѣку. Дайте ему время и средства подчинить себѣ

наружнаго челоуѣка и у васъ будутъ и негоціанты, и солдаты, и моряки, и юристы, а главное—у васъ будутъ „люди“ и граждане. Ни одно правительство, какъ бы оно ни нуждалось въ спеціалистахъ, не могло не убѣдиться въ необходимости общечеловѣческаго образованія. Всѣ, готовящіеся быть полезными гражданами, должны сперва научиться быть „людьми“.

Итакъ, мы видимъ, что Пироговъ на первомъ планѣ ставитъ общечеловѣческое образованіе, а потомъ уже спеціальное. Онъ даже называетъ односторонняго спеціалиста „грубымъ эмпирикомъ“, или „уличнымъ шарлатаномъ“. Отсутствие этого общечеловѣческаго образованія и составляетъ существенный и гибельный пробѣлъ современнаго намъ общества.

„Вся бѣда въ томъ, пишетъ Пироговъ, что главные Основы воспитанія. основы нашего воспитанія находятся въ совершенномъ разладѣ съ направленіемъ, которому слѣдуетъ теперь общество“. Пироговъ считаетъ, что воспитаніе должно было бы вытекать изъ Откровенія, изъ той мысли, что здѣшняя жизнь есть только приготовленіе къ будущей, между тѣмъ всѣ стремленія современнаго общества направлены къ матеріальному завоеванію счастья и наслажденій. Мы невольно подчиняемся и отдаемся произволу—это тотъ средній путь, который удерживаетъ насъ отъ увлеченія пагубными стремленіями общества и вмѣстѣ съ тѣмъ мы не отвергаемъ совершенно все высокое, не отказываемся отъ спасительныхъ утѣшеній Откровенія, но, такимъ образомъ, мы оставляемъ основные нравственные вопросы нерѣшенными, а избираемъ своимъ руководителемъ *слѣпой случай*, подвергая себя, такимъ образомъ, вѣчнымъ колебаніямъ.

Пироговъ указываетъ на чрезвычайныя нравственныя мученія, черезъ которыя челоуѣкъ проходитъ, сомнѣваясь и колеблясь, на какой путь ему стать,

какой путь ему избрать. Въ концѣ-концовъ онъ приходитъ къ выводу, что „убѣжденія даются не каждому—это даръ неба.—Ни опытъ, ни время, ни логика не могутъ этому помочь. Приходится прожить полжизни, чтобы узнать и перевоспитать себя“.

Итакъ, для педагога самое важное, по мысли Пирогова, изложенной въ его „Вопросахъ жизни“, заключается въ томъ, что основная цѣль педагогики—это воспитаніе „человѣка“, снабженіе его всѣми общечеловѣческими свойствами и познаніями и *только, когда юноша сознательно будетъ проникнутъ ими*, надо позаботиться о причисленіи его къ той или другой специальности.

Къ этому необходимо слѣдуетъ прибавить, что индивидуальное воспитаніе, при которомъ только и возможно осуществленіе идеала Пирогова—образование прежде всего „человѣка“, а потомъ уже узкаго специалиста и возможно только *внѣ школы, въ частномъ воспитаніи*, когда имѣешь дѣло съ однимъ или много—съ двумя воспитанниками, но оно становится неосуществимымъ при школьномъ, классномъ, образованіи, когда приходится имѣть дѣло съ десятками и сотнями воспитанниковъ.

Такимъ образомъ, намъ представляется, что пожеланіе, что идеаль Пирогова является исключительно теоретическимъ. Онъ заключаетъ въ себѣ глубокую педагогическую мысль, но осуществленіе его въ школьной практикѣ является совершенно недостижимымъ.

Однако, этотъ идеаль имѣетъ глубокое значеніе въ томъ отношеніи, что указываетъ, въ какую сторону должны быть направлены усилія воспитательно-педагогической системы.

Пироговъ въ разбираемой статьѣ впервые, какъ педагогъ, обратилъ вниманіе на развитіе въ ученикѣ достоинства „человѣка“; онъ положилъ тѣмъ самымъ

начало здоровой гуманности, человечности въ воспитаніи. То было время пробужденія и раскрѣпощенія по всей Россіи человѣческой личности, дотолѣ вѣками угнетенной, время освобожденія Россіи отъ крѣпостной зависимости. Понятно, что его статья вполне гармонировала съ духомъ времени и причислила его къ числу либераловъ.

„Выработка убѣжденій, по Пирогову, полное самопознаніе должны быть цѣлью воспитанія и образованія“—это являлось по тому времени, въ концѣ 50-хъ годовъ прошлаго столѣтія, коренной реформой школы, измененіемъ основной задачи школы. „Только тотъ можетъ имѣть убѣжденіе, пишетъ Пироговъ, кто сумѣлъ проницательно взглянуть на себя. Но на это также способенъ не всякій. Для этого, по мнѣнію Пирогова, нужны вдохновеніе, способность отвлеченія“. Въ „Русской школѣ“ (за 1906 г. III т. 28 стр.) помѣщена статья А. Мощанскаго, озаглавленная: „Педагогическія идеи Н. И. Пирогова“ къ 25-ти лѣтію со дня его смерти (23 Ноября 1881 года). Г. Мощанскій высказываетъ такую мысль, что „педагогическія идеи Пирогова не получили полнаго, практическаго осуществленія, да и не могли его получить, потому что слишкомъ рѣзко расходились съ бюрократическимъ строемъ государства и только теперь (1906 г.), пишетъ г. Мощанскій, когда этотъ строй доживаетъ послѣдніе дни и когда на смѣну ему идутъ *свобода и демократія*, педагогическія идеи Пирогова перестаютъ быть мечтой и готовы *не сегодня—завтра сдѣлаться реальной дѣйствительностью*“. Изъ этой тирады видно, какъ г. Мощанскій смотритъ на педагогическія идеи Пирогова. Онъ видитъ связь между ними и безобразною эрою свободъ революціонной эпохи 1905/6 гг.

Этой тирады, въ сущности, было бы достаточно: мы могли бы дальше и не останавливаться на этой статьѣ,

предвидя впередъ основные взгляды ея автора, которымъ мы ни въ какомъ случаѣ сочувствовать не можемъ, но въ виду того, что эта статья оказывается очень извѣстной въ литературѣ выбранной нами темы, я все-таки, для полноты картины, считаю не лишнимъ хоть вкратцѣ на ней остановиться. „Пироговъ, какъ извѣстно, пишетъ г. Мощанскій, находилъ, что основная цѣль воспитанія — *быть человекомъ*. Затрудненіе тутъ, по мнѣнію Мощанскаго, заключается въ томъ, что „во всѣ времена и въ настоящее время наша школа находится въ рукахъ государственной власти, или бюрократіи, сдѣлавшей все народное образованіе своею монополіей. Она даетъ на него средства, назначаетъ учителей, составляетъ учебныя программы, рекомендуетъ учебники, контролируетъ преподаваніе“ и т. д.

Такъ пользуется г. Мощанскій идеями Пирогова, чтобы оправдать *свои* политическія мысли и убѣжденія!

Извѣстный педагогъ Ушинскій совершенно вѣрно замѣчаетъ ¹⁾, что „если Пироговъ обратилъ общее вниманіе на вредъ ранней спеціализаціи, если онъ настаивалъ на необходимости общечеловѣческаго образованія, то нельзя не сознаться, что имъ недостаточно выяснено самое главное—въ чемъ же заключается это обще-человѣческое, гуманное образованіе, тѣмъ болѣе, что самъ Пироговъ сознается, что „въ наше время отвѣтъ не такъ простъ, какъ это было прежде, когда всѣ знали, что называлось *humaniora*; теперь и статистику и политическую экономію хотятъ ввести въ курсъ гимназіи, слѣдовательно, считаютъ и эти науки обще-образовательными“. Вѣдь самъ Пироговъ пишетъ въ своей статьѣ „Школа и жизнь“: „опредѣливъ, что уровень общечеловѣческаго образованія долженъ быть въ настоящее время двойкій для различныхъ слоевъ

¹⁾ Статья Ушинскаго помѣщена въ журн. М. Н. Пр. за 1862 г., февраль стр. 105 въ отдѣлѣ „Критика и библиографія“.

общества, нужно еще опредѣлить, какія отрасли вѣдѣнія и въ какомъ объемѣ должны относиться къ одному и какія къ другому уровню. Но этотъ вопросъ никогда не разрѣшится окончательно. Его разрѣшить можно не иначе, какъ пожертвовавъ одной отраслью для другой, какъ доказавъ математически, что одна отрасль несравненно болѣе содѣйствуетъ развитію всѣхъ способностей души, чѣмъ другая. А этого доказать нельзя“.

Чтобы развить свою мысль, Пироговъ прибавляетъ, что „этотъ вопросъ о преимуществѣ той или иной отрасли знанія не интересуется родителей. Если у нихъ есть больное дитя, не все ли имъ равно, по какой методѣ его лѣчать, лишь бы возвратили ему здоровье. Для чего спорить и теряться въ недоумѣніяхъ, что полезнѣе сыну учиться ли по-латыни, по-гречески, по-французски или по англійски. Въ рукахъ дѣльнаго педагога и древніе и новые языки и всѣ предметы обще-человѣческаго образованія не останутся безъ пользы для развитія умственныхъ способностей“.

Другое гораздо болѣе важно, по мнѣнію Пирогова,—это личность людей, которымъ ввѣряется образованіе сына. Посредствомъ той или другой науки—все равно, лишь бы изъ него сдѣлать *человѣка*“.

„Преимущества же различныхъ способовъ образованія такъ значительны и очевидны, что нѣтъ даже возможности въ настоящее время сказать, который изъ нихъ лучше“.

„Для родителей, замѣчаетъ Ушинскій, это можетъ быть безразлично, но не для педагога, обязаннаго высказаться рѣшительнымъ образомъ за ту или иную систему образованія“.

Ясно, что Ушинскій пользуется здѣсь случаемъ, чтобы поднять обычный споръ о пользѣ или вредѣ классицизма.

Ушинскій соглашается съ Пироговымъ только въ томъ отношеніи, что реальное образованіе пагубно для юноши, если онъ прежде не былъ развитъ въ гуманистической школѣ, что одна реальная школа *сушитъ, убиваетъ въ человѣкѣ человѣка*, что даже для самого реализма необходимъ гуманизмъ, какъ основаніе, но и у него все-же остается открытымъ вопросъ, что понимать подъ словами *гуманизмъ и реализмъ?*

Въ развитіе основного взгляда Пирогова на главную задачу, выпадающую на долю каждаго человѣка—небезынтересны слѣдующія его слова: „необходима“, пишетъ онъ, „борьба внутренняго человѣка съ внѣшнимъ, — это дѣло очень трудное. Прежде чѣмъ бороться, нужно знать, за что борешься, нужно убѣжденіе въ необходимости этой борьбы. Любовь къ правдѣ и убѣжденіе въ томъ, что—истина и что—ложь, предполагаютъ трудную и продолжительную работу надъ самимъ собой. Только тотъ постигалъ истину, кто внимательно изучалъ природу людей и самого себя ¹⁾).

„Цѣль воспитанія—быть человѣкомъ“, по убѣжденію Пирогова, достигается не иначе, какъ посредствомъ солиднаго научнаго образованія, но при этомъ онъ приходитъ къ двумъ выводамъ: во-первыхъ, слишкомъ ранняя специализація съ узко-практическими цѣлями совершенно ненормальна; во-вторыхъ, идеально-нормальное состояніе просвѣщенія въ обществѣ,—это широкій путь его, ведущій черезъ Университетъ. Только полнота и всестороннее развитіе человѣческихъ способностей, только широкое общее образованіе избавляетъ человѣка отъ разлада и противорѣчія съ жизнью ²⁾“.

„Нѣтъ ни одной потребности, говоритъ Пироговъ, для какой бы то ни было страны болѣе существенной

¹⁾ Я буду ссылаться въ дальнѣйшемъ изложеніи на изд. 1900 г. сочиненій Пирогова, т. I. См. сочиненія Пирогова, т. I, стр. 279.

²⁾ См. Пироговъ, т. I, стр. 283.

и болѣе необходимой, какъ потребность въ истинныхъ людяхъ“.

„Прямое назначеніе школы, примиренной съ жизнью, пишетъ Пироговъ, — быть руководителемъ жизни на пути къ будущему ¹⁾).

„Школа и жизнь есть одно нераздѣльное цѣлое“.
„Учиться и жить—одно и то же“ ²⁾).

„Цѣлью воспитанія и образованія является человекъ, познавшій самого себя, умѣющій вырабатывать убѣжденія“. Однако, совершенно вѣрна и мысль, выраженная, между прочимъ, Пироговымъ въ этихъ же „Вопросахъ жизни“, что „нужно отличать идеаль, къ которому мы должны безпрестанно стремиться, отъ дѣйствительности, съ которой мы должны безпрестанно бороться“.

Та же мысль проводится въ циркулярахъ по Кіевскому учебному округу. Онъ опредѣляетъ задачи разумнаго воспитанія „въ постепенномъ образованіи въ юношѣ яснаго пониманія вещей окружающаго его міра и преимущественно общественнаго, то есть того, въ которомъ со-временемъ ему придется дѣйствовать. Затѣмъ нужно воспитать въ юношѣ сознательное стремленіе къ идеаламъ правды и добра, образованіе твердой и свободной воли, воспитать въ немъ гражданскія и человѣческія доблести“ — таковъ былъ общій широкій и до него никѣмъ не указанный въ русской педагогикѣ идеаль воспитанія. Это тотъ идеаль, который онъ имѣлъ случай примѣнять впоследствии, въ своей педагогической дѣятельности, въ качествѣ Попечителя Одесскаго и Кіевскаго Округовъ. Къ стремленію его къ этому идеалу присоединялись еще у Пирогова государственный умъ, цѣльность и твердость его философскаго міровоззрѣнія и его гуманной личности.

¹⁾ См. Пироговъ, т. I, стр. 285—286.

²⁾ См. сочиненія Пирогова, т. I, стр. 286—287.

Реальныя условія
школы.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ Пироговѣ мы видимъ и сознательнаго реалиста, умѣющаго согласовать высокіе, гуманные идеалы съ дѣйствительностью, умѣющаго отрѣшиться отъ односторонности.

Выступая съ своими высокими идеалами въ „Вопросахъ жизни“, онъ тогда же предвидѣлъ всѣ серьезныя реальныя трудности, съ которыми придется столкнуться его реформѣ школы. Онъ пишетъ: „талантливые и проницательные воспитатели также рѣдки, какъ и проницательные врачи, талантливые художники и даровитые законодатели“.

Впослѣдствіи, уже въ своихъ циркулярахъ, Пироговъ, въ то время обладавшій уже большимъ жизненнымъ и служебнымъ опытомъ, писалъ: „но призванію воспитываютъ дѣтей только нѣкоторые, немногіе родители и нѣкоторые избранные педагоги. Въ учебныхъ казенныхъ заведеніяхъ господствуетъ *административное* начало, а въ большей части частныхъ школъ и пансіоновъ—*спекуляція*, это такъ и есть и не можетъ быть иначе при современномъ состояніи нашего общества, хотя собственно одно только призваніе должно бы быть господствующимъ началомъ въ воспитаніи. Заурядные педагоги, дѣйствующіе по однообразнымъ и опредѣленнымъ предписаніямъ начальства, дѣлаются невольно воспитателями-чиновниками. Въ громадныхъ учебныхъ заведеніяхъ исчезаетъ всякая возможность *индивидуализировать* воспитаніе, совершенно недопустимо основное правило педагогики — *сообразоваться въ каждомъ данномъ случаѣ съ нравомъ, темпераментомъ и способностями воспитанника*“.

„Это неизбежно нарушаетъ и тѣ сердечныя патріархальныя отношенія воспитателя къ воспитаннику, которыя составляютъ отличительную черту домашняго, родительскаго воспитанія, или воспитанія, проводимаго педагогами по призванію. Желать и требо-

вать такого воспитанія отъ большихъ учебныхъ заведеній, значить,—по мнѣнію Пирогова, — фарисействовать“.

Это несомнѣнно крайне пессимистическій взглядъ, но за то откровенный, не двуличный. Но вмѣстѣ съ тѣмъ надо признаться, что онъ ничего не выясняетъ. Какъ же быть съ большими учебными заведеніями, да еще обладающими большими пансіонами? А такихъ, уже не говоря о столицахъ, во всѣхъ большихъ городахъ имѣется большое количество.

Исходя изъ этого основного положенія, что индивидуальное воспитаніе невозможно въ большихъ учебныхъ заведеніяхъ, Пироговъ на вопросъ о томъ, *къмъ* должны быть наставники по отношенію къ ученикамъ: „отцами“ воспитанниковъ, братьями или начальниками? замѣчаетъ, что „они должны оставаться тѣмъ, къмъ они есть на самомъ дѣлѣ, то есть ни болѣе, ни менѣе, какъ наставниками, а не отцами и братьями“. Пироговъ-же прибавляетъ, что „это совершенно фальшивый взглядъ. Они должны быть и остаться *наставниками* своихъ учениковъ“. „Отцемъ, пишетъ Пироговъ, можно быть только своихъ дѣтей“. Также бессмысленно обращать наставниковъ въ братьевъ учениковъ, потворствующихъ ихъ лѣни и нежеланію заниматься. Послѣдніе, чтобы быть послѣдовательными, должны дозволить ученикамъ и выборъ предметовъ по вкусу. Начала, годныя для университетскаго образованія, для зрѣлыхъ людей, не годятся для гимназическаго“.

„Ученики въ классѣ средней школы должны быть наготовѣ въ каждую данную минуту отвѣтить на вопросы учителя. „Если-же въ настоящее время, прибавляетъ Пироговъ, обнаруживается какой-то антагонизмъ между учениками и учителями, если появляется духъ своеволія и неповиновенія со стороны учениковъ,

Роль учителя.

если учителя для сближенія съ учениками, приглашая ихъ къ себѣ, критикуютъ съ ними вмѣстѣ другихъ наставниковъ, то это доказываетъ, по мнѣнію Пирогова, что ни учителя, такъ поступающіе, ни самые Педагогическіе Совѣты не понимаютъ надлежащимъ образомъ прямыхъ своихъ обязанностей. Учителя такимъ образомъ поселяютъ вражду, неуваженіе и недоверіе тамъ, гдѣ весь успѣхъ дѣла основанъ на гармоническомъ согласіи дѣйствій и взаимномъ уваженіи и доверіи. Педагогическіе же Совѣты должны были въ своихъ засѣданіяхъ подвергать поступки своихъ членовъ безпристрастному суду и точному изслѣдованію“.

Я намѣренно привелъ цѣликомъ этотъ циркуляръ Пирогова, такъ какъ онъ ясно и опредѣленно высказываетъ въ немъ свой педагогическій взглядъ на отношенія преподавателей къ ученикамъ.

Желаніе патріархальныхъ отношеній между учащими и учащимися возможно только отъ непосвященныхъ; за этимъ гнаться все равно нельзя, а гораздо полезнѣе извлечь изъ этой невозможности то полезное обстоятельство, что при извѣстныхъ условіяхъ это положеніе вещей, это *административное* начало можетъ содѣйствовать *развитію въ дѣтяхъ чувства законности*. Но для этого необходимо, чтобы учащіеся были убѣждены, что ни какой ихъ проступокъ не останется скрытымъ и что каждое наказаніе проистекаетъ, какъ бы само собою изъ сущности, изъ характера проступка. Для этого необходимо составить „кодексъ“ правилъ о проступкахъ и наказаніяхъ учениковъ, „но одного кодекса, прибавляетъ Пироговъ, не достаточно, нужны и лица, понимающія всю важность цѣли наказанія“.

Наказанія.

Между тѣмъ мы знаемъ, что Пироговъ въ числѣ наказаній допускалъ въ исключительныхъ случаяхъ и розги, при чемъ онъ сравнивалъ примѣненіе ихъ у

насъ съ примѣненіемъ ихъ въ англійской педагогикѣ, такъ какъ тамъ, пишетъ онъ: „чувство законности глубоко проникло во всѣ слои общества“. Пироговъ считалъ, что пока розги являются у насъ еще необходимымъ наказаніемъ, чѣмъ онъ вооружилъ противъ себя всю нашу радикальную печать, которая стала смотрѣть на него, уже какъ на крайняго ретрограда, несмотря на его сочувствіе независимости и нравственному вліянію педагогическихъ совѣтовъ среднихъ учебныхъ заведеній, автономіи высшей школы и т. д., о чемъ я подробно буду говорить ниже.

Пироговъ обрушивается на тѣхъ, которые говорятъ объ идеальныхъ отношеніяхъ между наставниками и учениками, прикрываясь громкими, банальными фразами, лишенными реальной дѣйствительности.

Въ своемъ отчетѣ о слѣдствіяхъ введенія по Кіевскому Учебному Округу правилъ о проступкахъ и наказаніяхъ учениковъ гимназій (1860 годъ), Пироговъ отвѣчаетъ поднявшейся противъ него радикальной критикѣ. „Неужели у насъ незнаніе фактической стороны дѣла можетъ еще, такъ смѣло прикрываясь фразой, толковать объ идеальныхъ свойствахъ воспитателей и воспитанниковъ, о любви, какъ главномъ принципѣ воспитанія, о возможности обойтись вообще безъ наказанія? Кого хотятъ удивить идеальностью взглядовъ, тонкостью логическаго анализа? Намъ-ли обманывать себя мечтою идеальнаго воспитанія, которое и *не у насъ* не достигаемо? Въ правѣ ли мы требовать отъ нашихъ педагоговъ высокаго призванія, опыта жизни, самоотверженія, христіанской любви и труднаго искусства индивидуализировать. Откуда могутъ у насъ явиться вдругъ такія личности“?

„Безъ опредѣленныхъ, дисциплинарныхъ, требованій, успѣхъ учебнаго дѣла не возможенъ“, добавляетъ Пироговъ. Онъ не видѣлъ практической возможности,

широкаго примѣненія вполнѣ, конечно, рациональнаго, но крайне труднаго требованія индивидуализированія. „Возможно ли въ нашихъ многолюдныхъ гимназіяхъ учителямъ, занятымъ уроками, директору, занятому служебною перепискою, (прибавлю отъ себя и многочисленными хозяйственными дѣлами по хозяйственному комитету) и инспектору, имѣющему на рукахъ иногда до 500—600 учениковъ, входитъ во всѣ тонкости индивидуализированія учениковъ, даже если бы всѣ наши педагоги и были знакомы съ этимъ труднымъ искусствомъ“. „Возможно ли, спрашиваетъ Пироговъ, въ большихъ учебныхъ заведеніяхъ, заключающихъ въ себѣ учениковъ до безконечности разнородныхъ, исправлять поступки всегда одними увѣщаніями, когда воспитатель едва имѣетъ время наблюдать за общимъ порядкомъ, необходимымъ вездѣ, а еще болѣе у насъ?“

Нравственное влія-
ніе личности учи-
теля.

Пироговъ требовалъ ввести въ школу *нравственное вліяніе*, какъ единственно отвѣчающее задачѣ воспитанія, но „для этого надо сначала поднять нравственно-воспитательный элементъ въ наукѣ и личное достоинство учащихъ и учащихся“. Чтобы этого достигнуть, воспитатели должны развивать въ ученикахъ любовь къ истинѣ, а черезъ это улучшатся нравы будущихъ поколѣній. „Только наукой каждый учитель развиваетъ душевныя стороны ученика и вмѣстѣ съ тѣмъ воспитываетъ его“. На сколько Пироговъ вѣрилъ въ благотворное вліяніе хорошихъ воспитателей, видно изъ слѣдующимъ его словъ: „Въ моихъ глазахъ, пишетъ онъ, и здравый смыслъ, и характеръ, и воля воспитанника разовьются гораздо болѣе отъ часового ученія у одного или двухъ дѣльныхъ наставниковъ, нежели отъ безпрестаннаго надзора десяти надзирателей, гувернеровъ, воспитателей, или какъ бы они ни назывались,—имя не перемѣнитъ дѣло“.

„Такимъ образомъ, при передачѣ знанія, если эта передача сопровождается воодушевленіемъ, убѣжденіемъ, каждый учитель непременно становится и воспитателемъ; онъ заставляетъ сознательно усваивать науку и тѣмъ самымъ дѣйствуетъ на развитіе душевныхъ способностей ученика“. „Это — пробужденіе въ ученикѣ внутреннихъ, лучшихъ его сторонъ, на которыхъ зиждутся отношенія учениковъ къ наставнику“.

„Для успѣха образованія необходимо вниманіе, которое нужно развивать съ раннихъ лѣтъ“.

Чтобы нагляднѣе представить намъ значеніе вниманія въ дѣлѣ образованія, Пироговъ сравниваетъ его съ ниткою, „которая такъ тонка, что она тотчасъ оборвется, если ее не дотянешь, или перетянешь“. „Слову мы часто болѣе обязаны, чѣмъ чувствамъ“, замѣчаетъ Пироговъ, „а потому необходимо воспитателю орудовать даромъ слова такъ, чтобы оно употреблялось имъ не для одного только осмысленія, приобретаемаго наглядностью матерьяла, а также и для воздѣйствія на другія, болѣе глубокія влеченія души, скрывающіяся подъ наплывомъ внѣшнихъ ощущеній“. Онъ ссылается на нѣкоего учителя Войцеховича, имѣвшаго своимъ преподаваніемъ на него одушевляющее вліяніе.

„Вдохновенное слово учителя, интересъ къ преподаваемому являются непременнымъ условіемъ повышения вниманія и самостоятельности ученика въ школьной обстановкѣ“. Далѣе Пироговъ находитъ, что „такъ какъ школа должна научить человѣка согласовать идеальную задачу жизни съ дѣйствительными потребностями ея, то, чѣмъ больше свободы въ школѣ, чѣмъ ближе школа къ жизни, тѣмъ лучше“.

Опять скажутъ, — „либеральная мысль!“

Пироговъ высказывается вообще противъ закры-

особые воспитательные пороки, какъ большіе госпитали развиваютъ госпитальныя болѣзни. Они необходимы для безсемейныхъ и то при условіи, чтобы они были немногочисленны и чтобы старшія отдѣленія были отдѣлены отъ младшихъ, и чтобы они пользовались особымъ режимомъ.

Въ своей статьѣ „Быть и казаться“ Пироговъ чрезвычайно внимательно заглядываетъ въ дѣтскую душу, требуя спеціальнаго ея изученія.

„Дѣтская душа, пишетъ онъ,—храмъ, надо изучать ее со вниманіемъ“.

„Къ вамъ, матери семействъ, относится преимущественно мой совѣтъ. Въмѣсто того, чтобы посылать вашихъ дѣтей на театральную и бальную сцену, ступайте сами за кулисы дѣтской жизни. Наблюдайте отсюда за ихъ первымъ лепетомъ и первыми движеніями души; наблюдайте ихъ здѣсь и тогда“, прибавляетъ Пироговъ, „когда они возвратятся къ вамъ утомленные и всегда готовые снова начать ихъ“.

Объ интернатахъ Пироговъ пишетъ: „Вслѣдствіе тѣсной, органической связи между жизнью и школою, вслѣдствіе невозможности разъединить ихъ, всякія попытки воспитывать дѣтей вдали отъ жизни и ея вліяній путемъ устройства закрытыхъ школъ, заранѣе обречены на неудачу. Жизнь перешагнетъ стѣны закрытаго учебнаго заведенія и ворвется въ него, несмотря на всѣ преграды. Ее занесутъ туда сами воспитатели, которые не могутъ избѣжать вліянія жизни и того самаго общества, которое они хотятъ исправить путемъ устройства закрытыхъ школъ“. „Но мало сказать, добавляетъ Пироговъ, что эти школы бесполезны, онѣ вредны, такъ какъ искусственно стараются оторвать дѣтей отъ той почвы, на которой они родились и должны вырасти: онѣ лишаютъ дѣтей того матеріала для умственнаго и нравственнаго развитія,

который дается имъ жизнью въ семьѣ и обществѣ: онѣ прививаютъ имъ слишкомъ тепличныя свойства, непригодныя къ суровой обстановкѣ дѣйствительной жизни; онѣ мѣшаютъ имъ сдѣлаться гражданами“.

Далѣе Пироговъ высказываетъ весьма серьезный взглядъ на сущность ученической дисциплины въ интернатѣ, взглядъ на которомъ считаю необходимымъ остановиться и привести его цѣликомъ, для ясной картины педагогическихъ взглядовъ и принциповъ Пирогова. Этотъ взглядъ не утратилъ значенія и до настоящаго времени, хотя высказанъ былъ еще въ 1861 году. Вотъ онъ: „Къ чему въ сущности сводится все воспитаніе въ закрытыхъ заведеніяхъ? — Къ строгому соблюденію дисциплинарнаго порядка, касающагося исключительно обрядной стороны жизни,—что является необходимымъ, для организациі большого учебнаго заведенія, вмѣщающаго большое число воспитанниковъ.

„Но кто же, знакомый съ натурою молодежи, не знаетъ, какъ она враждебно смотритъ на внѣшнія стѣсненія, когда они имѣютъ цѣлью одно только соблюденіе формы. „Она переноситъ эти стѣсненія, но скрѣпя сердце и затаивъ въ глубинѣ души протестъ и неудовольствіе. Нельзя никого, даже ребенка, убѣдить безъ насилія, что высшая правда требуетъ непременно точнаго исполненія всѣхъ условій и всѣхъ постановленій обрядной стороны жизни. Этого можно достигнуть только приказаніемъ, которому все-таки не будетъ доставать главной нравственной опоры—убѣжденія. Какихъ-же слѣдствій нужно ожидать для развитія характера, воли и чувства правды, если, желая воспитать научно и нравственно въ закрытыхъ заведеніяхъ, мы по необходимости будемъ съ одной стороны требовать отъ нихъ безусловнаго повиновенія дисциплинѣ и обряду, а съ другой стороны вмѣсто убѣжденія

дадимъ затаиться въ юной душѣ притворству и скрытности, или ропоту и протесту ¹⁾“.

Нельзя не сознаться, что въ этомъ грозномъ осужденіи системы интернатовъ, высказанномъ еще въ февралѣ 1861 года, есть много правды и до сихъ поръ и что главные мотивы, приведенные Пироговымъ въ осужденіе этой системы, не утратили своей силы и до настоящаго времени.

Воспитательное значеніе науки.

Вообще Пироговъ не только отрицаетъ пользу системы принужденій, лишенной нравственнаго убѣжденія, но и доказываетъ весь ея вредъ. Но чѣмъ же замѣнить ее въ смыслѣ воспитательнаго вліянія школы? По Пирогову, *наука составляетъ главную основу воспитанія и въ наукѣ кроется такой нравственно-воспитательный элементъ, который никогда не пропадетъ, какіе бы ни были ея представители* ²⁾.

„Во всякой истинѣ, и отвлеченной и чувственной, есть своя доля образовательной и, слѣдовательно, воспитательной силы“. Выводъ, къ которому приходитъ Пироговъ изъ всѣхъ этихъ положеній о воспитательномъ значеніи науки, тотъ, что современная наука, приучающая умъ къ точному и безпристрастному анализу фактовъ, представляетъ собою систему воспитанія, *особенно пригодную для развитія духа гражданственности*“.

Важный отсюда выводъ, что „дѣйствія, основанныя на понятіяхъ о природѣ и справедливости, клонящіяся къ увеличенію общаго благосостоянія, суть дѣйствія нравственныя, а потому понятіе объ истинной гражданственности сливается съ понятіемъ объ истинной нравственности“.

Выводъ Пирогова—вполнѣ логичный.

¹⁾ См. сочиненія Пирогова т. I стр. 397—398.

²⁾ См. сочиненія Пирогова т. I, стр. 394.

„Если цѣль общаго образованія—создать изъ человѣка гражданина, и если единственное средство для этого—наука, то всѣ школьныя мѣропріятія, направленныя къ подавленію человѣческой личности и ограничивающія свободу научной мысли, должны быть отброшены, какъ антипедагогическія“. „Гражданиномъ можетъ быть только человѣкъ свободный и было бы нелѣпостью—готовить молодежь къ гражданской свободѣ такимъ воспитаніемъ, которое проникнуто характеромъ принудительности“.

Этотъ взглядъ Пирогова на воспитаніе обличаетъ въ немъ человѣка съ прогрессивными взглядами, далеко не консерватора. Это еще лишній разъ указываетъ на то, насколько измѣнчивыми представляются намъ педагогическія воззрѣнія Пирогова; отсюда становятся понятными столь разнорѣчивые отзывы о его политическомъ направленіи. Поэтому намъ представляется болѣе правильнымъ видѣть въ немъ *прежде всего педагога, а затѣмъ уже* консерватора или либерала. Это—единственная возможность, кажется намъ, примирить столь разнорѣчивыя о немъ мнѣнія на этотъ счетъ.

„Все школьное дѣло“, пишетъ далѣе Пироговъ, „только тогда можетъ идти правильно и имѣть воспитательное значеніе, когда оно поставлено чисто педагогически, т. е. когда оно сообразуется исключительно съ законами фізіологіи и психологіи“.

„Дать большія права начальникамъ учебныхъ заведеній—значить, по мнѣнію Пирогова, поставить ихъ въ отношенія чисто бюрократическія къ подчиненнымъ имъ учителямъ. Между тѣмъ бюрократизмъ нигдѣ не причиняетъ столько вреда, какъ въ дѣлѣ науки и воспитанія, гдѣ все должно быть основано на призваніи, пониманіи дѣла и на дружномъ соединеніи для одной цѣли нравственныхъ и умственныхъ силъ всѣхъ воспитателей и наставниковъ“¹⁾.

Бюрократизмъ
школы.

¹⁾ См. сочиненія Пирогова, т. I, стр. 272—273 изд. 1900 г.

Коррективъ къ бюрократизму въ школъ Пироговъ надѣялся найти въ организаціи коллегіального завѣдыванія учебно-воспитательною частью,—въ организаціи при гимназіяхъ *педагогическихъ совѣтовъ*, въ которыхъ всѣ члены пользуются равными правами.

Педагогическіе
совѣты.

Онъ полагалъ, что, усиливъ нравственное вліяніе цѣлою коллегіи наставниковъ, онъ тѣмъ самымъ усилитъ нравственное вліяніе cadaго изъ нихъ въ отдѣльности. „Онъ стоялъ за дарованіе большаго простора *дѣятельности личности педагоговъ*,—въ немъ онъ видѣлъ единственное ручательство за истинный прогрессъ“¹⁾. Опять скажутъ: значить, Пироговъ былъ либераль! Между тѣмъ, и до сихъ поръ главное наше зло въ русской средней школѣ—это полное отсутствіе всякой инициативы со стороны даже директоровъ учебныхъ заведеній, связанныхъ такимъ количествомъ всевозможныхъ циркуляровъ, окружныхъ и министерскихъ, парализующихъ всякую ихъ инициативу и обращающихъ ихъ въ какихъ-то автоматовъ, лишенныхъ всякаго педагогическаго вліянія, всякой живой дѣятельности²⁾.

Общественный кон-
троль.

Небезынтересно отмѣтить здѣсь, какъ Пироговъ относился къ сужденіямъ общественнаго мнѣнія. Онъ не отрицалъ въ принципѣ контроля надъ школою со стороны общества, но считалъ его „недостаточно развитымъ, шаткимъ и неподготовленнымъ къ сужденію о научныхъ вопросахъ“³⁾.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ Пироговъ стоитъ и за корпоративное начало и даже за товарищескій судъ, правильно организованный, подъ руководствомъ воспитателей⁴⁾. За это одно, безъ всякаго сомнѣнія, его

1) См. сочиненія Пирогова, т. I, стр. 173.

2) См. сборникъ моихъ статей по народному образованію, т. II.

3) См. сочиненія Пирогова, т. I, стр. 72.

4) См. сочиненія Пирогова, т. I, стр. 492—495.

причислили бы къ либераламъ и такое его мнѣніе не было бы терпимо въ настоящее время.

Замѣчательно краснорѣчиво и вѣрно высказалъ Пироговъ свою твердую вѣру въ безсмертіе и живучесть идей, въ господство идей. Онъ высказалъ эти слова при прощаніи съ Кіевомъ, когда онъ уходилъ навсегда отъ педагогическаго поприща. Онъ сказалъ: „разставаясь, мы утѣшимъ себя тѣмъ, что и здѣсь на землѣ, гдѣ все проходитъ, есть для насъ одно ненарушимое — это господство идей. Поэтому, если мы вѣрно служили идеѣ, которая, по нашему твердому убѣжденію, вела насъ къ истинѣ путемъ жизни, науки и школы, то будемъ надѣяться, что и потокъ времени не унесетъ ее вмѣстѣ съ нами¹⁾).

„Централизація, пишетъ Пироговъ, неизбежна при правительственной монополіи воспитанія, а бюрократизмъ есть неминуемое слѣдствіе централизаціи“.

Централизація
школь.

„При такомъ порядкѣ вещей кто же виноватъ, кромѣ исторіи, пишетъ далѣе Пироговъ, что начальники нашихъ учебныхъ учрежденій болѣе чиновники, чѣмъ воспитатели?“

Эту мысль не мѣшало бы усвоить себѣ тѣмъ многочисленнымъ родителямъ у насъ, которые только умѣютъ вѣчно критиковать нашу школу, ничѣмъ не помогая ей своимъ авторитетомъ.

На удаленіе изъ учебнаго заведенія Пироговъ отнюдь не смотрѣлъ, какъ на исправленіе ученика.

Удаленіе изъ учебн.
заведенія.

„Удаляя ученика изъ своей среды, учебное заведеніе этимъ самымъ уже сознается передъ обществомъ, что оно не въ состояніи исправить виновнаго, но оно тѣмъ не менѣе *обязано* удалить его, съ цѣлью оградить другихъ отъ нравственнаго вреда и порчи. Вліяніе школы на ученика въ нравственно-воспитатель-

¹⁾ См. сочиненія Пирогова, т. I, стр. 432.

номъ отношеніи вообще, по мнѣнію Пирогова, весьма слабо“. „Воспитываетъ у насъ только наука и жизнь. Мы педагоги—*только учителя*, но не воспитатели и преслѣдуемъ исключительно учебныя цѣли“. Вообще Пироговъ придавалъ этимъ послѣднимъ гораздо большее значеніе, чѣмъ воспитательнымъ, вслѣдствіе невозможности, по его мнѣнію, достиженія ихъ въ школѣ.

Взгляды диллетантовъ, думающихъ, что возможно обойтись въ школѣ совершенно безъ наказаній, одними увѣщаніями, напоминаютъ Пирогову приемы гомеопатовъ, съ ихъ минимальными дозами лѣкарствъ, немогущихъ одними этими средствами добиться излѣченія больного. Излюбленная мысль Пирогова, проходящая черезъ всѣ его педагогическія сочиненія, та, что „наука составляетъ главную основу воспитанія будущаго поколѣнія“.

„Трудно еще, прибавляетъ онъ, убѣдить насъ, что наука нужна не для одного только приобрѣтенія свѣдѣній, что въ ней кроется иногда глубоко и потому для поверхностнаго наблюдателя незамѣтно, — другой важный элементъ—воспитательный. Въ этомъ свойствѣ науки заключается рычагъ, которымъ можно поднять очень большія тяжести“.

Вотъ эта мысль Пирогова, что наука не только образуетъ, но и воспитываетъ, что въ ней соединяется образовательный элементъ съ воспитательнымъ, имѣетъ весьма важное въ педагогикѣ значеніе, какъ въ теоритическомъ, такъ и въ практическомъ отношеніи, въ отношеніи примѣненія и изложенія учебныхъ предметовъ въ школьной практикѣ.

Въ связи съ преобладающимъ значеніемъ, приписываемымъ Пироговымъ знанію, онъ предъявляетъ строгія требованія въ дѣлѣ школьнаго образованія, въ дѣлѣ усвоенія учениками этого знанія. Въ противѣсъ ему радикалы главною цѣлью обученія ста-

«Знаніе», а не «развитіе».

вили „развитіе“. Онъ горячо возстаеъ противъ этого моднаго увлеченія „развитіемъ“.

Онъ пишетъ „все чаще у насъ прямыя цѣли обученія приносятъ въ жертву, такъ называемому развитію, „то есть заботятся не столько о томъ, чтобы учащійся зналъ дѣло, сколько о томъ, чтобы схватилъ его конечныя результаты. Но развитіе, будетъ ли оно слѣдствіемъ воспитанія или образованія—если оно не подкрѣплено положительнымъ знаніемъ, переходитъ въ фразу, мыльный пузырь, который гроша не стоитъ; оно образуетъ людей поверхностныхъ и заносчиво-самоувѣренныхъ, людей шаткихъ, не имѣющихъ ни одного, собственной работой добытаго мнѣнія, фразеровъ, мечтателей, дурныхъ исполнителей“.

Такія мысли, конечно, не могли понравиться радикальному лагерю, который лишній разъ имѣлъ случай причислить Пирогова къ гасителямъ просвѣщенія.

„Еще у насъ мало-ли людей, которые весь вѣкъ задаютъ себѣ великія задачи, говорятъ громкія вещи и не умѣютъ приводить ихъ къ жизни, къ самому легкому дѣлу“.

„Развитіе должно опираться на факты, на знаніе, быть его прямымъ, конечнымъ выводомъ, и только тогда можетъ получить цѣну“. „Поэтому я полагаю бы, говоритъ Пироговъ, что въ преподаваніи воспитательный элементъ не долженъ стоять на первомъ мѣстѣ, воспитанія безъ ученія не можетъ быть; чѣмъ болѣе кто учится, тѣмъ болѣе и образуется, тѣмъ болѣе и воспитывается“.

„Въ наукѣ кроется такой нравственно-воспитательный элементъ, который никогда не пропадаетъ, какіе бы ни были ея представители. Наука беретъ свое и, дѣйствуя на умъ, дѣйствуетъ на нравы“¹⁾.

¹⁾ Эти мысли высказаны Пироговымъ въ его капитальной статьѣ „Объ университетскомъ вопросѣ“, къ которой мы ниже вернемся и

Въ серьезномъ, упорномъ, строго систематическомъ усвоеніи знаній Пироговъ видитъ необходимое средство для устраненія общаго недостатка русскаго общества, на который онъ между прочимъ указываетъ въ статьѣ „Объ университетскомъ вопросѣ“ (1862 годъ).

„Неуваженіе къ факту у насъ вредитъ нормальности всѣхъ проявленій нашей жизни. Этимъ объясняется, по мнѣнію Пирогова, что рано проявляется у насъ въ молодомъ поколѣніи склонность хвататься за то, что манитъ къ себѣ блестящими результатами, воззрѣніями, слѣдствіями и тому подобнымъ“.

Пироговъ и нынѣшніе попечители.

Значеніе Пирогова, какъ администратора-педагога, заключается въ томъ, что онъ въ основаніе своей педагогической дѣятельности ставилъ всегда философскую мысль, глубоко имъ предварительно продуманную, а не исключительно какое нибудь чисто-административное распоряженіе, неизбежно имѣющее чисто временное значеніе и потому лишенное всякаго длительного вліянія.

Въ этомъ отношеніи онъ является рѣдкимъ, можно смѣло сказать, единственнымъ Попечителемъ въ Россіи а въ особенности въ настоящее время такихъ попечителей—философовъ у насъ совершенно нѣтъ; отъ этого и результаты въ нашемъ педагогическомъ дѣлѣ такъ печальны; все у насъ носитъ случайный, переходящій, характеръ, почти ничего нѣтъ устойчиваго, продуманнаго, неизблемаго; между тѣмъ, каждая реформа въ педагогическомъ дѣлѣ требуетъ и по существу, для своего осуществленія, продолжительнаго времени. Результаты ея не могутъ немедленно осуществ-

разсмотримъ се подробно; въ ней выраженъ принципиальный взглядъ Пирогова на высшую школу, она представляетъ для нашей темы громадный интересъ. Тотъ же взглядъ выраженъ Пироговымъ и въ другой его статьѣ „О морскихъ учебныхъ заведеніяхъ“, написанной въ 1861 году.

виться, и потому тѣмъ пагубнѣе для дѣла являются постоянныя колебанія и боязливыя начинанія, которыми отличается наше Мин-во Народнаго Просвѣщенія, въ особенности за послѣдніе годы, при столь частой, пагубной смѣнѣ Министровъ и значить при постоянно наблюдаемой перемѣнѣ руководящаго курса вѣдомства Просвѣщенія.

Н. И. Пироговъ въ этомъ отношеніи представлялъ удачное исключеніе.

Это былъ рѣдкій Попечитель—вдумчивый философъ, всегда проводившій серьезную педагогическую реформу, заранѣе всесторонне продуманную, являющуюся результатомъ не случайной мысли, а цѣлой педагогической системы, неукоснительно имъ проводимой.

Н. И. Пироговъ до нѣкоторой степени является предшественникомъ Графа Д. А. Толстого, по крайней мѣрѣ въ его административно-педагогическомъ направленіи. Какъ тотъ, такъ и другой твердо шли по заранѣе продуманному пути, имѣя въ виду опредѣленную педагогическую цѣль, къ которой они стремились, не поддаваясь постороннимъ теченіямъ, старавшимся, подъ разными мотивами, сбить ихъ съ избраннаго ими пути.

Только при такой государственной системѣ дѣятельности и возможны прочныя результаты всякой серьезной, продуктивной, созидательной работы. Въ особенности это вѣрно въ педагогическомъ дѣлѣ, требующемъ продолжительнаго времени, для осуществленія преслѣдуемой задачи.

И это подтверждается сравненіемъ учебныхъ реформъ прежняго времени—70-хъ годовъ прошлаго столѣтія съ теперешними, носящими, крайне переходный, неустойчивый характеръ.

ГЛАВА II.

Государственное и частное образование.—Классическая школа.—„Легкая“ школа.—Задача школьнаго образования.

Важно выяснить себѣ педагогическій взглядъ Н. И. Пирогова на нѣкоторые вопросы, отъ разрѣшенія которыхъ зависитъ самое направленіе учебнаго дѣла. Таковы, на примѣръ, вопросы о классицизмѣ, о задачахъ средняго образования, о демократизаціи нашей школы.

Все это вопросы, играющіе первенствующую роль въ системѣ средняго образования. Они имѣютъ громадное значеніе при придачѣ школѣ утилитарнаго или общеобразовательнаго характера, столь необходимаго для созданія органически-цѣлаго школьнаго строя, черезъ которое должно пройти все молодое поколѣніе нашей родины въ теченіе десятковъ лѣтъ, такъ какъ только такой, болѣе или менѣе продолжительный, срокъ проведенія въ жизнь какой-нибудь педагогической системы и можетъ служить объектомъ точнаго наблюденія и изслѣдованія.

Государственное
образование.

На что, кажется, разумень, на примѣръ, современный педагогическій лозунгъ—открывать какъ можно больше среднихъ школъ, чтобы всѣ желающіе могли воспользоваться благами и правами образования. Однако, неизбѣжнымъ послѣдствіемъ его является *количественное* переполненіе школы слабыми элементами, поневолѣ понижающими средній уровень русской школы. Если, какъ это установлено у насъ въ Россіи, образование даетъ серьезныя государственныя права, связанныя съ государственными обязанностями, то совершенно не безразлично для государства, каковъ контингентъ поступающихъ въ среднюю школу.

Такого взгляда на составъ учениковъ въ средней школѣ придерживался, какъ Пироговъ, такъ и графъ

Д. А. Толстой. Ихъ средняя школа была всеслов-
ною, отнюдь не привелигированною школою.

Пироговъ былъ всегда послѣдовательнымъ сторон-
никомъ государственнаго начала въ дѣлѣ образованія
молодого поколѣнія; онъ не отрицалъ желательности
школы для *лучшихъ людей*, подъ которою онъ пони-
малъ школу классическую съ обоими древними язы-
ками. Но, какъ глубокий реалистъ, онъ ясно созна-
валъ, что Россія не можетъ позволить себѣ роскошь
имѣть только аристократическую школу, для „лучшихъ
людей“. Въ такомъ случаѣ Россія рисковала бы
остаться совершенно безъ интеллигентной массы, не-
обходимой для выполненія государственныхъ задачъ.

Поэтому-то Пироговъ, какъ и графъ Д. А. Тол-
стой, рѣшительно стоялъ за всесловную, но *госу-
дарственную* школу. Поэтому же онъ сознательно вы-
сказывался противъ широкаго распространенія част-
наго образованія, выразившагося въ настоящее время
въ безчисленныхъ частныхъ школахъ, куда поступаютъ
всѣ неудачники изъ казенныхъ школъ, и, такимъ обра-
зомъ, за высшую плату получаютъ тѣ же права худшій
элементъ воспитанниковъ, что, конечно, ни въ какомъ
отношеніи не является желательнымъ, а является на-
противъ, прямо вреднымъ явленіемъ и во всякомъ
случаѣ—не можетъ отвѣчать государственнымъ инте-
ресамъ.

Частное образова-
ніе.

Помимо этихъ соображеній, надо еще имѣть въ
виду, что въ странахъ молодой культуры, каковой
является, на примѣръ, Россія, образованіе не можетъ
процвѣтать, внѣ матеріальной поддержки со стороны
государства, которое одно можетъ планомѣрно и си-
стематично развивать и распространять образованіе
во всей странѣ.

Если-же школу и педагогическую систему Пиро-
гова наравнѣ съ системой графа Д. А. Толстого обви-

няютъ въ излишней строгости и трудности для ея прохожденія, то, вдумываясь въ причину этихъ нападокъ, нельзя не сознаться, что тутъ причиною несочувственнаго отношенія общественнаго мнѣнія къ ней является ея реакціонность.

Я считаю, что громадная заслуга педагогическихъ воззрѣній Пирогова и заключается въ утвержденіи имъ принципа государственности школы ¹⁾.

Классическая
школа.

Несомнѣнно одно, что Пироговъ, являющійся крупнейшимъ представителемъ прогрессивной партіи, былъ того мнѣнія, что хорошая средняя школа, готовящая къ университету, должна быть серьезной, дѣловой, трудовой и дисциплинирующей и вмѣстѣ съ тѣмъ она должна быть классическою съ обоими древними языками.

Онъ, какъ мы видѣли, былъ горячимъ сторонникомъ и проводникомъ „фактическаго направленія“ въ ученіи: онъ былъ рѣшительнымъ врагомъ облегченія ученія *во что бы то ни стало*. Онъ называлъ это направленіе „искусственными приѣмами“, вводившими пагубную боязнь передъ умственнымъ трудомъ, столь пагубно отзывающуюся на юношѣ.

Это уже дѣло преподавателя, его такта,—усвоеніе имъ правильнаго метода преподаванія, а отнюдь не содержаніе системы преподаванія, которое можетъ быть оформлено въ конкретныхъ положеніяхъ. Вѣдь походъ противъ древнихъ языковъ въ средней школѣ, замѣчу отъ себя, развивался у насъ параллельно съ демократизаціею школы, которая равносильна „торжеству улицы“. Задавали вопросы: „какой смыслъ въ этихъ древнихъ языкахъ, зачѣмъ набивать дѣтскую

¹⁾ Вопросъ о необходимости освободить нашу высшую школу отъ дипломовъ, изъ-за которыхъ исключительно многіе и проходили ее—вопросъ, практическое осуществленіе котораго очень трудно—я его разбираю въ другой статьѣ: „Къ вопросу объ университетскомъ образованіи“. Здѣсь я считаю лишнимъ повторять мои соображенія, клонившіяся къ освобожденію нашей высшей школы отъ дипломовъ.

голову не нужнымъ балластомъ? Мертвые языки—это эмблема и орудіе политической реакціи“ и т. д.

Такіе вопросы задавались, проникнутымъ демократическими идеалами, обществомъ, увлеченнымъ ложнымъ либерализмомъ. Его смущала неудача въ его стремленіи заполучить „легкую“ школу, отсюда естественна борьба его противъ *серьезной, трудовой* школы,—противъ классической школы. Это, несомнѣнно, одна изъ главныхъ причинъ враждебнаго отношенія нашего общественнаго мнѣнія въ классицизму, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ этомъ враждебномъ отношеніи общественное мнѣніе обнаружило и всю свою несостоятельность, замѣнивъ глубокіе принципы стремленіемъ къ практической полезности, очень скоро переходящей въ простую ремесленность.

„Легкая“ школа.

Послѣдняя грозитъ полнымъ разрушеніемъ той серьезной школы, которая должна готовить интеллигентныя силы для страны, долженствующія обладать не только техническими и практическими умѣніями, но и широкими творческими силами въ безграничной области духовнаго развитія молодого поколѣнія, умѣніемъ возвышаться отъ частнаго къ общему—это вѣдь тоже требуетъ извѣстнаго умственнаго навыка, практики, умственнаго міровоззрѣнія.

Вѣдь, если ближе присмотрѣться къ учебнымъ планамъ общеобразовательной школы, ни одинъ учебный предметъ ея курса не проходитъ только ради практическаго его примѣненія къ жизни и общепольности, но и не долженъ проходиться.

Задача школьнаго образованія.

Отечественный языкъ; на примѣръ, не изучается только ради возможности писать доклады или прошенія. Тоже и изученіе исторіи не имѣетъ практическаго примѣненія въ жизни.

Въ курсъ математики, на примѣръ, включаются алгебра, геометрія и тригонометрія, не исключительно

для инженерныхъ вычисленій: тоже происходитъ и при изученіи новыхъ языковъ.

Весь этотъ циклъ знаній изучается далеко не исключительно съ практическими цѣлями, а напротивъ,—съ цѣлью умственного развитія и къ тому же не въ отдѣльныхъ случайныхъ отрывкахъ, а по возможности—въ органически цѣломъ, систематически сгруппированномъ видѣ.

Вѣдь не исключаютъ же древнюю и среднюю исторію изъ общеобразовательнаго курса исторіи, какъ слишкомъ отъ насъ отдаленную, или различные отдѣлы математики, какъ носящіе слишкомъ теоретическій характеръ, оставивъ только ариѳметику, какъ имѣющую чисто практическое примѣненіе. Это невозможно прежде всего съ точки зрѣнія „фактическаго направленія“, на которомъ такъ настаивалъ Н. И. Пировъ: сущность этого направленія будетъ нами развита ниже.

Я лично горячо встаю противъ исключенія изъ общеобразовательнаго курса средней школы принципа *научности*, составляющаго всю суть и важность курса. На этомъ основаніи исключать изученіе древнихъ языковъ изъ общаго курса общеобразовательной школы—равносильно нарушенію принципа научности всей школьной системы. Въ этомъ отношеніи произвольная замѣна древнихъ языковъ отдѣльными научными предметами, въ родѣ напр. природовѣдѣнія, является безсодержательною, лишенною цѣлости научною дисциплиною, не дающей никакого строго-научнаго матеріала, а приучающею молодежь напротивъ къ верхоглядству и пустой болтовнѣ; къ тому же курсъ природовѣдѣнія, какъ впрочемъ и курсъ всѣхъ, вновь введенныхъ въ программу средней школы за послѣднее время, предметовъ, совсѣмъ еще дидактически не разработанъ; они только нарушаютъ цѣльность педа-

гогическихъ системъ, не внося ничего существеннаго въ изучаемую дисциплину.

Поэтому совершенно бессмысленно съ педагогической точки зрѣнія противопоставлять, на примѣръ, классическую школу съ обоими древними языками, но безъ природовѣдѣнія, классической - же школѣ съ однимъ древнимъ языкомъ, но зато (?) съ природовѣдѣніемъ.

Все это случайныя, чисто механическія кройки и перекройки, а не строго обдуманнныя и систематично проведенныя педагогическія принципы, которые обязательно должны лечь въ основу всякаго учебнаго плана правительственной школы, а тѣмъ болѣе, — обязательно для всей Россіи.

ГЛАВА Ш.

Университетъ.—Реформа университета.—Университетскіе уставы.—Гонораръ.—Партійность.—Коллегіальность.—Автономія.—Права коллегіи.—Отношеніе попечителя къ университету.—Съѣзды профессоровъ.—Публичныя лекціи.—Доцентура.—Ученныя степени.—Освобожденіе отъ платы.—Избраніе профессоровъ.—Студенчество.—Экзамены.—Реальное образованіе и университетъ.—Семинаріи.—Лекціи богословія.—Богословскіе факультеты.—Университетская полиція.—Судъ.—Студенческіе безпорядки.—*Pietas erga praesertores*.—Сходки.—Традиціи.—Научная работа.—Отношеніе университета къ государству и обществу.—„Письма изъ Гейдельберга“.—Гуманизмъ университетской науки.—Уваженіе молодости.—Убѣжденіе, а не приказаніе.

Обратимся теперь къ подробному разсмотрѣнію одной изъ интереснѣйшихъ статей Пирогова, рисующей намъ взгляды его на высшее образованіе, — къ статьѣ, озаглавленной имъ „Университетскій вопросъ“.

„Что представляетъ изъ себя университетъ въ Россіи, спрашиваетъ Пироговъ, и тутъ же самъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ: „онъ есть учрежденіе правительственное и учебное, съ значительнымъ бюрократическимъ оттѣнкомъ и съ нѣкоторой примѣсью

Университетъ.

корпоративнаго, воспитательнаго и филантропическаго характера. Онъ никогда не былъ, какъ на Западѣ, формально подчиненъ вліянію господствующей церкви, но, основанный сильною централизующей властью, когда образованіе у насъ нуждалось еще во внѣшнемъ поощреніи съ верху, онъ по необходимости долженъ былъ принять въ себя бюрократическое начало, рѣзкій формализмъ котораго долженъ былъ необходимо смягчиться и ослабнуть, подъ вліяніемъ научнаго элемента. Не имѣя вовсе средневѣковыхъ преданій, возникшій въ обществѣ, вовсе не имѣющемъ цеховыхъ стремленій, нашъ университетъ никогда не могъ сдѣлаться, ни настоящей корпораціею, ни настоящимъ сословнымъ учрежденіемъ. Устроенный по образцу германскихъ университетовъ, стремившихся къ свободѣ ученія, онъ не могъ получить опредѣленный воспитательный характеръ. При такой неопредѣленности характера и основныхъ началъ, еще менѣе опредѣленно должно было выразиться направленіе его.

„Вѣдь и на Западѣ университеты учреждались въ то время, когда въ современномъ обществѣ начинали значительно развиваться утилитарныя стремленія и потому прикладное должно было развиваться на счетъ чисто-научнаго. Мало того—чисто научное и не могло быть въ нашемъ университетѣ преобладающимъ началомъ. Не было ни борьбы направленій, ни духовной связи между факультетами, ни средневѣковаго корпоративнаго элемента, который бы тоже стремился поддержать эту связь.

„Нашъ университетъ отличается совершенно отъ средневѣковаго англійскаго типа тѣмъ, что онъ нисколько не церковный, не корпоративный, не общественный, не воспитательный (такъ какъ нельзя же за воспитательный элементъ считать введеніе инспекціи). Онъ не похожъ и на нѣмецкій, изъ котораго онъ

тѣмъ не менѣе вышелъ, такъ какъ въ немъ нѣтъ самаго характеристичнаго—полной „Lehr und Lernfreiheit“, стремленія научнаго начала преобладать надъ прикладнымъ и утилитарнымъ“.

„Въ чемъ, далѣе спрашиваетъ Пироговъ, должна заключаться реформа университета?“

Реформа университета.

„Вѣдь нельзя отрицать того, что университеты наши далеко не даютъ того, что въ нихъ ищутъ и врядъ-ли ищутъ [въ нихъ того, что могутъ они дать; вакантныя кафедры пустыютъ (въ настоящее время, прибавлю отъ себя,—еще больше, чѣмъ во времена Пирогова), научныя и учебныя средства далеко не достаточны. Но не эти причины, по мнѣнію Пирогова, служатъ главнымъ основаніемъ для реформы университетовъ, а чисто внѣшнія причины—студенческіе безпорядки. „Если внутренняя необходимость этой реформы несомнѣнна, то другое дѣло—вопросъ о ея возможности, при существующихъ условіяхъ. „Спрашивается, пишетъ далѣе Пироговъ, насколько реформа эта совмѣстима съ основными началами государства, какъ согласить требованія современной науки съ требованіями самого государства?“

„Реформа эта предпринимается съ цѣлью удовлетворить общественное мнѣніе“.

„Но тамъ, гдѣ общественное мнѣніе еще не окрѣпло, гдѣ взгляды его совершенно еще не установились—тамъ угадать истинныя потребности общества и удовлетворить ихъ сознательною пользою для всѣхъ едва ли возможно“.

„Нужно постараться сгладить эти необходимыя три условія: во 1) реформа должна быть проведена силами самого университета—а существуютъ ли на лицо эти силы? во 2) необходимо согласовать требованія современной науки съ требованіями самого государства, и въ 3) удовлетворить общественное мнѣніе“.

„Не предпринимать-же вовсе реформы—это значитъ отказаться отъ всякаго прогресса, который, по мнѣнію Пирогова, сдѣлался уже жизненною и потому безотлагательною потребностью“.

„Всякая реформа есть экспериментъ, а всякій экспериментъ можетъ окончиться или неудачно, или онъ можетъ не разрѣшить той задачи, изъ-за которой онъ былъ предпринятъ“.

„Когда имѣешь передъ собою, пишетъ Пироговъ, сложный вопросъ, каковымъ несомнѣнно представляется университетскій вопросъ, необходимо испробовать нѣсколько путей“.

Университетскіе
уставы.

Отсюда Пироговъ заключаетъ о необходимости имѣть нѣсколько университетскихъ уставовъ. Мотивируетъ онъ это тѣмъ, что университеты совсѣмъ *неодинаковы*.

„При разнообразномъ характерѣ одного и того же учрежденія, Правительству легче убѣдиться въ недостаткахъ того или другого типа; это только противорѣчитъ началу централизаціи, но насколько еще послѣднее нужно?“

„Помочь жизни и дѣятельности столь ослабѣвшей университетской коллегіи могла бы отчасти быть можетъ посылка молодыхъ аспирантовъ—будущихъ профессоровъ—въ заграничные университеты, для спеціальнаго образованія. Небезпеченность служащихъ въ университетахъ лицъ тоже, конечно, способствуетъ инертности всего дѣла, но это еще далеко не все.

„Кто не сдѣлалъ, совершенно правильно замѣчаетъ Пироговъ, самоусовершенствованія главной задачей жизни, того и обезпеченное существованіе не удержитъ на научномъ пути“. „Матеріальное обезпеченіе плодотворно лишь тогда, когда оно появляется какъ слѣдствіе, а не какъ причина научной дѣятельности“.

„Гдѣ господствуетъ духъ науки, тамъ творится великое и малыми средствами“.

Пироговъ стоитъ далѣе за вознагражденіе по степени личныхъ заслугъ и таланта, а не по должности, за измѣненіе жалованья профессорамъ сообразно съ мѣстными условіями, а не равномерно, по строго определенному штату, допуская увеличеніе вознагражденія изъ *особеннаго бюджета*, съ цѣлью привлеченія въ тотъ или иной университетъ особо желательную профессорскую силу, даже изъ - за границы, если это является необходимымъ. Даже самыя коллегіальныя начала, которыя были приданы университетамъ, не спасли ихъ. Ихъ погубила партійность, свойственная коллегіальности.

Гонораръ.

„Наша университетская коллегія, сама по себѣ слабая, а подверженная партійности, она еще болѣе слабѣетъ“.

Партійность.

Пироговъ далѣе долго останавливается на различныхъ; возникающихъ въ университетской средѣ партіяхъ. Подробно разбирать ихъ здѣсь считаю совершенно лишнимъ; его разсужденія для нашего времени отжили свой вѣкъ и совершенно не соотвѣтствуютъ современному положенію дѣлъ въ университетѣ.

Фактъ тотъ, что эта партійность, по мнѣнію Пирогова, породила непотизмъ, апатію и бюрократическій формализмъ. Съ другой стороны, пишетъ Пироговъ, „университетъ не можетъ не быть коллегіальнымъ учрежденіемъ; коллегіальность представляетъ большее ручательство противъ личнаго произвола, ею поддерживается связь наукъ между собою. Для этого нужна автономія, послѣдняя воспитываетъ коллегію, но не оберегаетъ ее отъ непотизма, который ведетъ къ упадку, къ застою“.

Коллегіальность.

Но тутъ возникаетъ другой трудный вопросъ, какъ согласить полную автономію коллегіи съ началомъ централизаціи въ государствѣ? Иное совершенно было положеніе вещей въ средневѣковыхъ университетахъ,

когда университетъ являлся *status in statu*. Совершенно иное дѣло теперь, при сильно развитомъ государственномъ началѣ.

Автономія.

„Въ настоящее время вся автономія университета можетъ состоять только въ томъ, чтобы его сдѣлать какъ можно менѣе бюрократическимъ“.

„Автономія и чиновничество, по справедливому замѣчанію Пирогова, не могутъ идти вмѣстѣ. Чтобы дать университету надлежащую самостоятельность, нужно поставить его *вне* всего іерархическаго строя“.

И такъ мы видимъ, что, уже во времена Пирогова, вопросъ объ университетской автономіи служилъ предметомъ серьезнаго обсужденія въ педагогической литературѣ. „Но автономія въ широкихъ размѣрахъ можетъ быть дана, по мнѣнію Пирогова, только университету децентрализованному; тогда бы каждый университетъ могъ бы сдѣлаться высшей ученою и учебною инстанціею для всего края. На долю же министерства выпалъ бы контроль за законностью дѣйствій университета, за правильнымъ ходомъ университетскаго самоуправленія“.

„Обыкновенно думаютъ, замѣчаетъ Пироговъ, что если коллегіи предоставить слишкомъ много свободы, то все можетъ идти скверно, а если напротивъ, стѣснить ее надзоромъ ближайшаго начальства, можно усилить хорошее вліяніе меньшинства коллегіи, но бѣда въ томъ, что при этой системѣ худая коллегія всетаки останется худой и будетъ *казаться* только лучшею. При настоящей же автономіи, самостоятельной, все обнаружится какъ оно въ дѣйствительности есть, но въ такомъ случаѣ не можетъ быть и общаго для всѣхъ устава“.

„Коллегія должна слѣдить за правильнымъ расходованіемъ бюджета, вѣдать административную часть университета, распоряжаться всей учебной дѣятельностью въ интересахъ науки и отвѣ-

чать вообще за законность своихъ дѣйствій передъ министерствомъ“. Въ этомъ случаѣ слѣдуетъ, по указанію Пирогова, руководствоваться примѣрами Германіи, гдѣ каждый университетъ управляется собственнымъ, согласно мѣстнымъ условіямъ, уставомъ. У насъ настаиваютъ на опредѣленномъ штатѣ должностей и содержаній, присвоенныхъ должностямъ. У насъ не привыкли оцѣнивать ученые заслуги профессора, дающія ему право на усиленный окладъ; у насъ даже научныя заслуги и достоинства цѣнятъ по штату и должностямъ, считаются исключительно съ штатными каѳедрами, а вовсе не съ требованіями и интересами науки. Автономія предполагаетъ довѣріе; необходимо настолько довѣриться коллегіи, чтобы быть увѣреннымъ, что она позаботится о замѣщеніи пустующихъ каѳедръ; если же и въ этомъ отношеніи нельзя довѣрять университетскимъ коллегіямъ, то нечего хлопотать объ автономіи.

Почему она необходима для нашихъ университетовъ? „Чтобы возвысить нравственные достоинства коллегіи, придать ей болѣе силы. Тутъ-то необходимо каждой коллегіи самой заботиться о цѣлости всѣхъ ея научныхъ интересовъ“. По совершенно вѣрному замѣчанію Пирогова, „ему всегда казалась одностороннею тенденція, — предотвращать закономъ зло, а не развивать добро въ гражданахъ и направлять весь ихъ разумъ только на уничтоженіе существующихъ или въ будущемъ возможныхъ злоупотребленій“.

„Противъ всѣхъ могущихъ быть злоупотребленій, предвидѣть которыхъ даже нельзя, слѣдуетъ установить контроль отъ правительства, который и долженъ предупреждать злоупотребленія“. Пироговъ стоитъ за предоставленіе права университетскимъ коллегіямъ договариваться съ отдѣльными лицами объ увеличеніи содержанія изъ особыхъ суммъ, съ разрѣшенія пра-

Права коллегіи.

вительства и, такимъ образомъ, коллегія будетъ имѣть право распредѣлять свой бюджетъ не по должностямъ, а по личнымъ достоинствамъ и заслугамъ въ наукахъ“.

„Число кафедръ такимъ образомъ было бы опредѣленное для каждаго университета, но коллегія, будучи уполномоченна, могла бы увеличивать содержаніе отдѣльнымъ профессорамъ, съ разрѣшенія министерства. Тогда только бюрократическій элементъ замѣнится научнымъ и духовнымъ“.

Въ дѣлѣ просвѣщенія нужно руководствоваться не сухими статутами, а направлять свободу коллегіи на пользу правительственнаго учрежденія.

Затруднительность осуществленія идеала Пирогова и заключается въ совмѣщеніи коллегіальнаго, не чиновнаго самоуправленія, съ государственною и поневолѣ іерархическою централизаціею.

„Въ какія отношенія должна стать эта автономія къ различнымъ высшимъ инстанціямъ?“ Вотъ значитъ вопросъ, который далеко еще не разрѣшенъ и у насъ въ настоящее время.

„Какое должно быть отношеніе Попечителя къ университету? Его роль—чисто контролирующая; онъ является начальникомъ, который обязуется приводить университетъ въ цвѣтущее состояніе, а для этого онъ долженъ вмѣшиваться въ дѣла университета. Между тѣмъ Попечитель можетъ быть и неимѣющій никакого отношенія къ наукамъ, отсюда полная возможность частыхъ треній между нимъ и коллегіею. Если-же коллегія получитъ право непосредственно сноситься съ министерствомъ, то роль Попечителя значительно измѣнится; онъ остается *только контролеромъ*“.

Самыя отношенія университетской коллегіи къ министерству будутъ различны, въ зависимости отъ того, полную ли получитъ автономію университетъ,

Отношеніе Попечителя къ университету.

или ограниченную, одинъ ли будетъ существовать уставъ для всѣхъ университетовъ или нѣсколько?“

Пироговъ не скрываетъ отъ себя всѣхъ худыхъ сторонъ, могущихъ сопутствовать автономіи въ нашемъ малоразвитомъ обществѣ, при столь развитыхъ у насъ апатіи, застоѣ, nepотизмѣ. „Намъ необходимо, по мнѣнію Пирогова, развитъ общественное мнѣніе среди университетовъ; внутреннюю связь между ними, для чего весьма существенную пользу могутъ оказать съѣзды профессоровъ, періодично собираемые, связь, наконецъ, нынѣ совершенно отсутствующая, съ академіей наукъ. „Мы живемъ въ такое время, замѣчаетъ Пироговъ, когда сильно чувствуется необходимость сближенія—чистонаучнаго и прикладнаго, научнаго и учебнаго“.

Съѣзды профессоровъ.

„Вообще вліяніе университетовъ на общество, въ особенности провинціальное, ничтожно, чему не мало способствовали чиновная іерархія и скудность матеріальнаго положенія служащихъ въ университетѣ лицъ“.

„Этому еще способствовало у насъ раздѣленіе просвѣщенія въ государствѣ между различными вѣдомствами, что мѣшало обществу обратить исключительное вниманіе на университеты и гимназіи, какъ на главные разсадники у насъ просвѣщенія“.

„На Западѣ, гдѣ есть много другихъ просвѣтительныхъ средствъ, университеты играютъ главную роль въ проведеніи культуры въ широкіе круги; у насъ ихъ роль должна была-бы быть тѣмъ болѣе гораздо продуктивнѣе. Прямая цѣль университетовъ у насъ должна быть — служить маяками, распространяющими свѣтъ въ обществѣ. Университетъ долженъ былъ-бы разъяснять обществу всѣ юридическіе, научные и культурные вопросы“.

„Между тѣмъ, въ дѣйствительности, по выраженію Пирогова, наши университеты какъ будто имѣютъ

Публичныя лекціи.

только порученіе отъ министра финансовъ—за извѣстное вознагражденіе читать публичныя лекціи изъ нѣкоторыхъ прикладныхъ наукъ: (физики, химіи и технологіи). „Почему, кстати прибавляетъ Пироговъ, публичныя лекціи разрѣшаются только въ столицахъ, а не въ провинціи, гдѣ онѣ гораздо полезнѣе“.

Попутно Пироговъ совершенно вѣрно указываетъ на слѣдующее явленіе: въ Германскихъ университетахъ число студентовъ съ каждымъ годомъ уменьшается по той же причинѣ, по которой въ Россіи оно увеличивается. „У насъ дорога черезъ университетъ является для бѣдняка, хоть нѣсколько образованнаго, единственною; въ Германіи-же, при массѣ существующихъ реальныхъ школъ, учашіеся, желающіе продолжать свое образованіе послѣ средней школы, отхлынули отъ университетовъ въ другія техническія учебныя заведенія, имѣя въ виду поступить на частную службу.“

Доцентура.

Подробно останавливается Пироговъ на институтѣ доцентуры у насъ и въ Германскихъ университетахъ, при чемъ выступаетъ преимущество нѣмецкой доцентуры уже потому, что у насъ студенты вообще бѣднѣе.

„Въ Германіи-же пасторы, адвокаты, врачи и чиновники, посылающіе своихъ сыновей въ университетъ, болѣе состоятельны, чѣмъ у насъ: жизнь дешевле, и университетовъ больше.“

„У насъ-же студенты, безъ посторонняго заработка, не могутъ часто существовать. Этотъ посторонній заработокъ—грошовые уроки, только отвлекаютъ ихъ отъ прямыхъ занятій. Нашимъ студентамъ поэтому рѣдко приходитъ въ голову ученая карьера. Однако помощью въ матеріальныхъ средствахъ желающимъ остаться при университетѣ, вносится филантропическій элементъ, врядъ-ли желательный.“

„Тогда необходима система стипендій, тогда является и конкурс и такимъ образомъ явятся желающіе занять кафедру. Если доступъ къ профессурѣ будетъ легче и самые оклады привлекательнѣе, то и охотниковъ занять кафедру будетъ больше“.

„При этомъ, по мнѣнію Пирогова, дѣло слѣдуетъ организовать слѣдующимъ образомъ: дипломъ университета даетъ доступъ къ доцентурѣ, молодой доцентъ, вступивъ въ корпорацію, становится подъ контроль университетской коллегіи; онъ получаетъ право на стипендію и т. д., но правомъ голоса на экзаменахъ пользуется имѣющій высшую ученую степень, подвергавшійся конкурсу, а правомъ голоса въ факультетскихъ собраніяхъ—тѣ штатные доценты, которые состояли при университетѣ не менѣе 2 лѣтъ. Число стипендій опредѣляется ежегодно университетомъ въ его бюджетѣ, утвержденномъ министерствомъ. Предметы преподаванія, объемъ его, число часовъ опредѣляются самими привать-доцентами по частному договору съ слушателями, а гонораръ опредѣляется по числу часовъ. Университетъ даетъ свои аудиторіи и учебныя пособія“. Такимъ образомъ Пироговъ считалъ конкурсъ необходимымъ условіемъ для полученія стипендій. Онъ открывалъ просторъ конкуренціи. Онъ допускаетъ одну только ученую-степень—*докторскую*, дающую право на вступленіе въ ученую корпорацію. Причины, почему до сихъ поръ настаивали на сохраненіи степени магистра, по мнѣнію Пирогова, заключались въ томъ, что намъ казалось нежелательнымъ сразу для молодыхъ ученыхъ шагнуть до VIII класса, не прошедши предварительно хоть нѣсколько іерархическихъ ступеней. Это въ особенности лишено всякаго основанія для медицинскаго факультета. Понятіе о чиновнопроизводствѣ смѣшивали здѣсь съ научными степенями.

Ученыя степени.

Пироговъ во всѣхъ отношеніяхъ даетъ преимущество конкурсу, это оправдывается на примѣрѣ Франціи, гдѣ онъ занялъ первенствующее мѣсто въ наукѣ, вслѣдствіе ея крайней централизаціи; въ Германіи-же, гдѣ централизаціи нѣтъ, нѣтъ и конкурса; по конкурсу слѣдуетъ, по мнѣнію Пирогова, выдавать стипендіи доцентамъ; это будетъ самая справедливая оцѣнка, при чемъ конкурсы должны производиться публично.

Освобожденіе отъ
платы.

Освобожденіе отъ платы—тоже вопросъ, играющій большую роль въ современномъ намъ студенчествѣ. Пироговъ ставитъ совершенно независимо отъ экзамена освобожденіе отъ платы и основывается исключительно на самихъ по себѣ слабо убѣдительныхъ *testimoniis paupertatis*, конечно, большую пользу при этомъ могла-бы оказывать университету большая забота родителей о своихъ дѣтяхъ.

Избраніе профессо-
ровъ.

Пирогова занимаетъ очень серьезный вопросъ, самый существенный вопросъ въ дѣлѣ организаціи университета,—вопросъ о выборѣ профессоровъ. Онъ представляетъ себѣ университетъ, могущій самостоятельно распоряжаться своимъ бюджетомъ.

Правительство назначаетъ въ полное распоряженіе извѣстную сумму на каждый университетъ, въ зависимости отъ своихъ финансовыхъ средствъ и отъ существующихъ штатовъ. Зная точно потребности каждаго университета, правительство требуетъ: 1) чтобы всѣ студенты всѣхъ факультетовъ имѣли возможность получить полное научное, современное образованіе, соответствующее современнымъ требованіямъ науки; 2) чтобы всѣ факультеты имѣли необходимыя учебныя пособія, 3) чтобы каждый университетъ былъ бы питомникомъ новаго поколѣнія наставниковъ—преподавателей, 4) чтобы онъ былъ центромъ просвѣщенія для цѣлаго края, 5) несъ-бы отвѣтственность передъ правительствомъ за свою дѣятельность,

контролируемый министромъ. Нормы годичнаго профессорскаго содержанія должны быть заранѣе опредѣлены, а также и бюджетъ каждой отдѣльной каѳедры, суммы на стипендіи, на ремонтъ и т. д. Тутъ-то являются претенденты на каѳедру. „На чемъ основывать выборъ кандидатовъ? Для этого имѣются научно-литературные труды, рекомендаціи извѣстныхъ ученыхъ, хорошее изложеніе предмета, полная аудиторія у него на лекціяхъ и т. д. Каждое изъ этихъ данныхъ имѣетъ громадное значеніе. Какъ только кандидатовъ больше одного, конкурсъ является необходимымъ“.

„При существованіи особо достойнаго кандидата, прямой интересъ каждой университетской коллегіи— его, приобрѣсти для себя, даже при замѣщеніи всѣхъ каѳедръ, тутъ, конечно, нѣтъ мѣста конкурсу“.

Вообще Пироговъ возлагаетъ большія надежды на доцентуру. Въ Германіи достоинство профессора оцѣнивается учениками, вышедшими изъ его школы. „Примѣнимъ ли будетъ этотъ методъ когда нибудь у насъ?“ „Но что такое студенчество“, спрашиваетъ далѣе Пироговъ.

Студенчество.

„Вѣдь жажда знаній тревожитъ немногихъ. Все, что происходитъ въ обществѣ, не можетъ не отражаться въ университетѣ. Поступаютъ въ университетъ для удовлетворенія потребностей общества, а не науки. Во всякомъ случаѣ университетъ для меньшинства. Какая нужда государству въ университетѣ? Онъ ему нуженъ, какъ разсадникъ образованія молодого поколѣнія въ извѣстномъ направленіи, которому оно даруетъ за это извѣстныя права; государству нужны образованные люди, нужны специалисты, а обществу нужны права, нужно обеспеченное существованіе. Ни искусственно привлекать въ университетъ, ни отвлекать отъ него, по мнѣнію Пирогова, не слѣдуетъ. Для государства не можетъ быть выгоднымъ, если потребности большинства

не будутъ удовлетворены—это ведетъ къ пролетариату, къ недовольству. Для самихъ университетовъ это тоже не выгодно. Обращая свободное учение въ дресировку, получимъ университетъ, который влачится къ посредственности. „Совершенно не вѣренъ взглядъ, что будто „посредственность“ намъ нужна, а талантъ самъ себѣ найдетъ дорогу: у насъ въ особенности необходимъ талантъ. Талантъ легко сокрушимъ“.

Экзамены.

Система экзаменовъ удручающимъ образомъ всегда дѣйствовала на Пирогова. Отсюда его ненависть къ ней. Ни одной наукой онъ не занимался такъ неохотно, какъ той, которой учился для экзаменовъ, и лекціи, наводящія на него дремоту, были обязательныя.

Реальное образование и университетъ.

Другой вопросъ тоже привлекаетъ вниманіе Пирогова, онъ интересенъ для насъ въ томъ отношеніи, что долгое время оставался нерѣшеннымъ въ педагогическомъ мірѣ. „Слѣдуетъ ли реальное образованіе, служащее для нуждъ большинства, ставить въ связь съ университетомъ? „Въ Германіи университетъ остался въ прежнемъ своемъ видѣ, но существуетъ незыблемая, органическая связь между всѣми факультетами; во Франціи-же каждый факультетъ составляетъ почти отдѣльную школу (école de médecine, école de droit), но и тамъ и здѣсь университетъ ничего не имѣетъ общаго съ высшими реальными школами. По мнѣнію Пирогова, связь между ними необходима. Она необходима, вслѣдствіе недостатка въ образованныхъ специалистахъ. Однѣ науки могли-бы изучаться въ университетѣ, другія въ высшихъ реальныхъ учебныхъ заведеніяхъ, отъ этого прекратилось-бы скопленіе массъ въ одномъ учебномъ заведеніи, что является крайне желательнымъ. Общечеловѣческое образованіе, доставляемое университетомъ, вліяло-бы на массу и удерживало-бы отъ односторонности,—а въ этомъ уже большая заслуга университетовъ. Только примѣняясь къ мѣстнымъ условіямъ, къ

мѣстнымъ потребностямъ общества, можно добиться того, чтобы университеты приносили посильную помощь и служили образовательнымъ цѣлямъ; соединять-же начала чисто-научныя съ прикладными въ одномъ и томъ-же учебномъ заведеніи невозможно“. Но этого еще мало, надо еще *надзирать*, чтобы исполняли-бы надлежащимъ образомъ то, чему учили. Это настоящіе воспитатели. Но такъ какъ такихъ всегда очень мало, то надзираютъ не за тѣмъ, чтобы было все хорошо, а за тѣмъ, чтобы не было слишкомъ худо. Въ этомъ и заключаются функціи университетской полиціи“.

„Университетъ, по мнѣнію Пирогова, воспитывать не можетъ. Въ Англии въ Оксфордѣ и Кембриджѣ, пишетъ Пироговъ, воспитываетъ „*habeas corpus*“. Пироговъ весьма стоитъ за устройство на отдѣльныхъ факультетахъ семинаріевъ для занятій студентовъ отдѣльными дисциплинами, подъ руководствомъ профессоровъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ возстаетъ противъ обязательности университетскихъ занятій вообще и, между прочимъ, противъ обязательныхъ лекцій богословія. Обязательность поведетъ къ приличію, къ чисто

Семинаріи.

Лекціи богословія.

внѣшнему занятію такимъ нравственнымъ ученіемъ — что крайне нежелательно“.

Теологическіе (богословскіе) факультеты на западѣ составляютъ сильную оппозицію скептическому материализму, но тамъ они дѣйствуютъ глубокимъ анализомъ и свободой изысканій (*Freiheit der Forschung*), связью студентовъ богослововъ со студентами другихъ факультетовъ, съ филологами и историками и, наконецъ, сильнымъ нравственнымъ вліяніемъ, оказываемымъ богословами вообще на цѣлое нѣмецкое общество. Изъ этого слѣдуетъ, что если вводитъ богословіе въ университетское ученіе, то слѣдуетъ это дѣлать методически, съ научной точки зрѣнія, а не какъ нѣчто отрывочное, слабое, не имѣющее органической связи

Богословскіе факультеты.

съ другими дисциплинами, играющими роль какого-то *decohim'a*, при обязательности лекцій.

Такимъ образомъ, ни обязательность изученія богословія въ Университетѣ, ни обязательность посѣщенія лекцій не сдѣлаетъ Университетъ учрежденіемъ воспитательнымъ. Но можно ли этого достигъ полицейскими мѣрами?

Университетская
полиція.

Въ Германіи существуютъ и теперь еще университетская полиція и университетскій судъ. Это имѣетъ свои удобства и для университета и для города. Послѣдній, благодаря этому, избѣгаетъ непріятныхъ столкновеній со студентами; студенты-же не желаютъ судиться общимъ судомъ, какъ простые обыватели.

Судъ.

„У насъ, замѣчаетъ Пироговъ, никогда не было настоящаго университетскаго суда. У насъ была до послѣдняго времени университетская полиція, которая находилась въ теченіе тридцати лѣтъ въ рукахъ попечителя. Все шло бы хорошо и дальше, если бы не студенческіе беспорядки, съ которыми возникъ вопросъ о воспитательномъ вліяніи Университетовъ.

Студенческіе без-
порядки.

„Какая причина этихъ студенческихъ беспорядковъ, спрашиваетъ далѣе Пироговъ? Кто тутъ виноватъ — попечитель-ли, или молодежь, или устарѣлые порядки, или чрезмѣрное число студентовъ?

„Забываютъ, говоритъ Пироговъ, одно, что университетъ выражаетъ современное ему общество, является отраженіемъ того общества, въ которомъ онъ живетъ, и притомъ гораздо въ большей степени, чѣмъ университеты на западѣ, такъ какъ у насъ нѣтъ никакихъ сословныхъ традицій.

„Университетъ — лучшій барометръ общества. Этотъ взглядъ на университеты подтверждаетъ исторія. Тамъ, гдѣ политическія страсти не доходятъ до низшихъ слоевъ, тамъ на первый планъ выступаетъ прямое

назначеніе университета — научная дѣятельность. Но тамъ, гдѣ политическія страсти застигаютъ общество врасплохъ, тамъ наиболѣе сильно онѣ выражаются въ университетѣ“.

„У насъ едва повѣяло новою жизнью, тотчасъ же воздѣйствоваль рефлексивно на это университетъ. Воздѣйствія эти были не одинаковы. Противостоятъ имъ могутъ только студенческія корпораціи, но для этого не достаетъ намъ традицій и нравственной связи между коллегіею наставниковъ и студенчествомъ. У насъ, кромѣ того, совершенно нѣтъ чрезвычайно важнаго элемента въ нашемъ студенствѣ, это такъ называемаго *pietas erga praesepiores* — нравственнаго уваженія студентовъ къ своей профессорской коллегіи, при отсутствіи котораго немислимы функціи и авторитетъ университетскаго суда. Съ другой стороны правильно организованная корпорація студентовъ немислима безъ выборнаго начала“.

Pietas erga praesepiores.

„Но для функціонированія такой корпораціи нужны опять сходки студентовъ, для выбора представителей корпораціи, при чемъ неизбежно могутъ быть безпорядки, въ особенности въ многолюдныхъ столичныхъ Университетахъ, при частой борьбѣ національностей. Да и наконецъ то, что удастся въ одномъ университетѣ, можетъ не удастся въ другомъ, при иныхъ условіяхъ. Если корпоративное начало съ одной стороны ослабится уравненіемъ правъ и подчиненіемъ студента общей гражданской власти, а съ другой — допущены будутъ сходки, для обсуждения дѣлъ студенчества, или если вмѣстѣ съ судомъ гражданскимъ признается необходимымъ и судъ университетскій, то понятія студентовъ объ отношеніи ихъ къ обществу и университету сдѣлаются сбивчивыми и невѣрными, а университетскій судъ утратитъ весь свой нравственный авторитетъ“.

Сходки.

„Сильной нравственной связи между коллегией профессоровъ и студентами, замѣчаетъ Пироговъ, у насъ почти никогда не было. Традиція не соединяла цѣлыхъ поколѣній съ университетомъ, какъ это происходило постоянно въ Германіи и Англии“.

„Настоящей университетской жизни также никогда не существовало у насъ.

Традиціи.

„Счастливыя воспоминанія объ „alma mater“ никогда не передавались у насъ изъ рода въ родъ. Трудно думать, чтобы новый порядокъ вещей и при автономіи университета скоро укрѣпилъ связь коллегии со студенчествомъ, а до тѣхъ поръ нельзя и мечтать о воспитательномъ значеніи университета, которое только и держится этой связью. Коллегія должна прежде всего возстановить свое нравственное вліяніе; для этого нужно коллективное вліяніе любимыхъ наставниковъ, что въ настоящее время весьма рѣдко; необходимы самоотверженіе, справедливость и безпристрастіе со стороны наставниковъ, безъ чего они не поймутъ молодежи“.

Научная работа.

„Нельзя не обратить вниманія на одно важное обстоятельство, прибавляетъ Пироговъ, которое вредитъ всѣму дѣлу—это наше *неуваженіе къ факту*. У насъ, вслѣдствіе ли нашей молодости, выразилось какое-то равнодушіе и даже презрѣніе къ факту, къ чисто фактической сторонѣ науки. Презрѣніе это выражается въ томъ, что мы не довольно цѣнимъ значеніе каждаго факта, онъ не имѣетъ самъ по себѣ никакого значенія для насъ. Мы пренебрегаемъ фактомъ и отворачиваемся отъ него, пока не покажется въ немъ какая-нибудь привлекательная сторона. Поэтому-то рано, уже въ молодости, проявляется у насъ склонность хвататься за то, что манитъ къ себѣ блестящими результатами, воззрѣніями, слѣдствіями и т. п.; отсюда и склонность нашей молодежи браться за дѣло не по

силамъ, слишкомъ высоко цѣнить свой трудъ и неохотно заниматься строгимъ, систематичнымъ изслѣдованіемъ факта“.

„Грамота для насъ нипочемъ; намъ нужно *развитіе*; не имѣя грамотныхъ учителей, мы хотимъ имѣть *развитыхъ*; намъ не нужны ни латинская, ни греческая грамматика, намъ, вовсе не нужно фактическое знаніе мертвыхъ языковъ, а только результаты, добытые ими на западѣ. Изъ исторіи намъ нужны не фактическія мелочи и числа, а общіе взгляды на жизнь народовъ.

„Въ наукахъ естественныхъ, не уча систематикъ, мы излагаемъ ученикамъ теорію зачатія и исторію развитія организмовъ.

„Въ университетѣ прежде мы увлекались Гегелемъ и Шеллингомъ, теперь, когда они уже не въ модѣ, мы развиваемъ себя различными воззрѣніями, проводимъ новые взгляды на жизнь и науку, дѣлаемся педагогами, отрицая педагогику, обязанные всѣмъ западному просвѣщенію, отвергаемъ всякое его значеніе“.

„Намъ смѣшна усидчивость нѣмца въ разысканіи фактовъ. Она кажется намъ слѣдствіемъ тупоумія и ограниченности взгляда. У насъ, кромѣ лекцій, нѣтъ другой оцѣнки достоинству профессора“.

Многое здѣсь еще не устарѣло и для нашего времени.

„Мы не интересуемся изучать скучный процессъ фактическаго дознанія и не заботимся прослѣдить тотъ механизмъ, которымъ профессоръ дошелъ до убѣжденія. Ни наши студенты не имѣютъ охоты заглядывать въ научную лабораторію, ни профессора ихъ туда не приглашаютъ. Неудивительно, что у насъ такъ туго подвигается вся фактическая сторона знанія. У насъ не было кафедры философіи, а потому нѣтъ и философовъ и такъ мало людей, понимающихъ связь наукъ, значеніе Университета. Въ этомъ же смыслѣ нѣтъ ни естественниковъ, ни физиковъ.

Это только доказываетъ, что нарушеніе общей связи наукъ всегда вредно и что произвольно нельзя содѣйствовать успѣху однѣхъ, устраняя другія. Тогда какъ въ политикѣ *un fait accompli* самъ по себѣ получаетъ громадный смыслъ, у насъ онъ теряетъ всякое значеніе“; поэтому Пироговъ считаетъ въ молодомъ поколѣннн развитіе *уваженія къ факту* одной изъ самыхъ главныхъ задачъ Университета.

Отношеніе универ-
ситета къ государ-
ству и обществу.

„Ни разъясннвъ, ни опредѣливъ отношеній Университета къ государству, обществу и къ наукѣ, нельзя установить вѣрный взглядъ на значеніе самого Университета. Отъ этого взгляда зависитъ вся его будущность и нормальность его функцій. Если отношенія Университета къ государству и обществу утилитарныя, Университетъ, по совершенно вѣрному мнѣнію Пирогова, теряетъ *raison d'être*, если же, напротивъ эти отношенія опредѣляются высшими духовными мотивами, Университетъ для сохраненія своего истиннаго значенія требуетъ полной свободы научнаго изслѣдованія, а это внушаетъ опасенія за спокойную, лишенную политики, дѣятельность Университета.

„Это создаетъ ненормальное отношеніе между Университетомъ, государствомъ и обществомъ, тогда все худое въ глазахъ общества и государства обрушивается на науку.

„Въ Университетскомъ вопросѣ, пишетъ Пироговъ, какъ въ любомъ механизмѣ, слѣдуетъ пользоваться силою, теряемою отъ тренія. „Онъ считаетъ, что можетъ принести пользу университетскому дѣлу тѣмъ, что будетъ уяснять и способствовать распространенію здравыхъ понятій о значеніи Университета въ Россіи“.

Таковы взгляды Пирогова на Университетскій вопросъ,—взгляды, далеко не потерявшіе своего значенія и въ настоящее время. Мы видѣли, что многіе,

поднятые имъ вопросы далеко еще не разрѣшены М. Н. Пр. и рѣзко мѣняютъ свою форму и выраженіе, въ зависимости отъ того или иного направленія самого Министерства.

Вопроса объ университетахъ Н. И. Пироговъ касается и въ своихъ заграничныхъ письмахъ.

Извѣстно, что Н. И. Пироговъ, по порученію М. Н. Пр., наблюдалъ за молодыми людьми, посылаемыми за границу, для приготовленія къ профессурѣ.

Свои наблюденія онъ производилъ преимущественно при Гейдельбергскомъ Университетѣ, откуда онъ писалъ свои интересныя „Письма изъ Гейдельберга“, относящіяся къ 1863—4 годамъ. Къ нѣмецкимъ университетамъ Пироговъ относится прямо съ завистью, къ этимъ, великолѣпно поставленнымъ „настоящимъ очагамъ науки“, такъ близко расположеннымъ другъ отъ друга, къ рѣзко выражающейся въ нихъ децентрализаци, *въ которой—вся ихъ сила*. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Пироговъ приходитъ къ выводу, что строй нѣмецкихъ университетовъ не примѣнимъ у насъ въ Россіи, вслѣдствіе совершенно неподходящихъ условій.

«Письма изъ Гейдельберга».

Пироговъ идетъ дальше: онъ находитъ, что нѣмецкіе Университеты служатъ самымъ надежнымъ цементомъ нѣмецкой національности, что, вступая въ Университетскую корпорацію, нѣмцы теряютъ свою отдѣльную національность—саксонскую, баварскую и баденскую и становятся только обще-германскими гражданами; на первый планъ у нихъ выступаютъ мысли о единствѣ Германіи. Въ этомъ движеніи особенно видную роль сыграли богословскіе факультеты и еще бѣольшую роль въ направленіи всего Университета во времена Пирогова, да можно сказать и до сихъ поръ,—профессора историка. Естественно, что вліяніе философіи перешло къ исторіи, какъ къ наукѣ, затрагивающей въ значительной степени интересы экономическіе.

Обзоръ идей Пирогова по университетскимъ вопросамъ былъ бы неполонъ, если бы я не упомянулъ здѣсь о его „Прощальныхъ рѣчахъ“ при его отъѣздѣ изъ Одессы и Кіева.

Въ обѣихъ этихъ рѣчахъ есть весьма серьезныя мысли, накладывающія на ихъ автора весьма замѣтную, глубоко продуманную печать. Онъ высказываетъ въ нихъ такія мысли, которыя весьма желательно было бы молодому поколѣнію не забыть, а которыми, напротивъ, желательно было бы ему проникнуться. Такъ, напр., въ Одесской рѣчи Пироговъ, обращаясь къ профессорамъ Ришельевского Лицея, говоритъ, что онъ опасается одного серьезнаго противника будущаго научнаго процвѣтанія Университета — это *коммерческаго элемента*, могущаго совершенно погубить элементъ отвлеченной науки и истиннаго просвѣщенія. Этотъ коммерческій элементъ, особенно опасный въ торговой атмосферѣ Одессы, облечется сперва въ безобидный элементъ *реальнаго направленія* университетскаго образованія.

Гуманизмъ университетской науки.

Между тѣмъ Пироговъ, основываясь на примѣрѣ нѣмецкихъ Университетовъ, по образцу которыхъ возникли и наши, видитъ Университетское образованіе въ неразрывной связи двухъ началъ просвѣщенія: общечеловѣческаго, *гуманитарнаго*, соотвѣтствующаго словеснымъ наукамъ, и *прикладнаго, реального*, обнимающаго физико-математическія науки. Онъ и опасается, что духъ времени, который онъ называетъ по преимуществу *торговымъ*, совершенно нарушитъ эту связь обоихъ началъ, причемъ первенство будетъ на сторонѣ *реального* начала.

„У насъ, прибавляетъ Пироговъ, гдѣ цивилизація далеко еще не достигла высокой степени развитія, сохраненіе этой связи между двумя началами необходимо между обще-человѣческимъ и реальнымъ нача-

лами и перевѣсъ реального надъ гуманитарнымъ началомъ крайне нежелателенъ.

Въ параллель Пироговъ приводитъ западную Европу, гдѣ отношеніе этихъ двухъ началъ совершенно иное и гдѣ перевѣсъ реального начала не представляетъ такой опасности для цивилизаціи.

Со своей стороны я считаю эту оригинальную мысль крайне интересною и полезною для молодого поколѣнія, для студентовъ Университета.

Обращаясь, при прощаніи съ Кіевомъ, къ студентамъ Университета св. Владиміра, Пироговъ высказываетъ имъ тоже весьма продуманныя слова. Они настолько вдумчивы и прекрасны, настолько являются рѣдкими въ устахъ нынѣшнихъ педагоговъ, что я считаю необходимымъ, для характеристики нравственной личности Пирогова, привести здѣсь цѣликомъ нѣкоторые отрывки изъ этой рѣчи. Пироговъ говоритъ: „Я принадлежу къ тѣмъ счастливымъ людямъ, которые хорошо помнятъ свою молодость. Она не прошла для меня даромъ. Поэтому, старѣясь, я не утратилъ способности понимать и чужую молодость, любить и, главное—уважать еѣ. Мы все знаемъ, что нужно почитать старость, каждый изъ насъ чѣмъ-нибудь обязанъ старости. Глядя на старость, мы вспоминаемъ доброе. Слабости и худое забываются при взглядѣ на старину. Но не все знаютъ, что и *молодость должно уважать*. Она является намъ съ ея страстями, вспышками и порывами на первомъ планѣ. Ее извиняютъ, приводя незрѣлость, неопытность, увлеченія, но у нея нѣтъ прошедшаго, а ея будущее кажется чѣмъ-то страннымъ по его неизвѣстности. Между тѣмъ, кто не забылъ своей молодости и изучалъ чужую, тотъ не могъ не различить и въ ея увлеченіяхъ стремленій высокихъ и благородныхъ, не могъ не открыть и въ ея порывахъ явленій той грозной борьбы, которую

Уваженіе молодости.

суждено вести человѣческому духу за дорогое ему стремленіе къ истинѣ и совершенству“.

„Во время моего попечительства я поставилъ себѣ главной задачей поддержать всѣми силами то, что я привыкъ любить и уважать въ молодости. Я принялся за трудное, но высокое и благородное дѣло. Помня и любя время моего образованія въ четырехъ Университетахъ, я живо вспоминалъ и тѣ стремленія, которыя меня тогда воодушевляли, вспоминая, уважалъ ихъ въ себѣ. Я невольно переносилъ ихъ и на Васъ и въ Васъ любилъ и уважалъ тоже самое, что привыкъ любить и уважать въ самомъ себѣ“ и т. д.

Слова эти всего лучше рисуютъ намъ Пирогова, какъ педагога, это не есть погоня за дешевой популярностью, какъ можетъ показаться на первый взглядъ. Это—глубокое убѣжденіе педагога, хорошо знающаго ввѣренную ему молодежь, и такое вліяніе на нее будетъ *только благотворнымъ*. Вся бѣда только въ томъ, что *Пироговыхъ у насъ больше нѣтъ*.

Сущность нравственнаго и педагогическаго вліянія на молодежь, весь секретъ его Пироговъ видѣлъ въ нравственномъ къ нему довѣріи со стороны молодежи, довѣріи, которое, въ свою очередь, онъ имѣлъ право требовать отъ молодежи, такъ какъ дѣйствовалъ по отношенію къ ней всегда прямо. Это единственная, по глубокому убѣжденію Пирогова, возможность имѣть на молодежь вліяніе, приобрѣсти ея полное довѣріе. Если бы современные педагоги могли сознательно убѣдиться въ этой педагогической истинѣ!

„Убѣжденіе“, а не
„приказаніе“.

Прощаясь съ Кіевомъ, онъ высказалъ свой взглядъ на задачу и роль попечителя. Онъ, по словамъ Пирогова, „долженъ не приказывать, а убѣждать, онъ не столько начальникъ, сколько миссіонеръ“. „Разставаясь“, говорилъ Пироговъ, „утѣшимъ себя тѣмъ, что и здѣсь на землѣ, гдѣ все проходитъ, есть для насъ

одно ненарушимое,—это господство идей. И потому, если мы вѣрно служимъ идеѣ, которая, по нашему твердому убѣжденію, вела насъ къ истинѣ путемъ жизни, науки и школы, то будемъ надѣяться, что и потокъ времени не унесетъ ее вмѣстѣ съ нами“.

Пироговъ въ то время уходилъ навсегда съ педагогическаго поприща, гдѣ не сумѣли оцѣнить его тогдашніе руководители Министерства Народнаго Просвѣщенія.

ГЛАВА IV.

Административная дѣятельность Пирогова. „Школа и жизнь“.—„Быть и казаться“.—Циркуляры.—Методы преподаванія.—Педагогическіе совѣты.—Посѣщеніе уроковъ педагогами.—Внѣшкольное руководство.—Экзамены.—Отраженіе личности Пирогова въ его педагогической дѣятельности.—Современное общество.—Педагогическія распоряженія Пирогова и дѣйствительность.—Программы.—Баллы.—„Главные“ предметы.

Познакомимся теперь нѣсколько ближе съ его административною дѣятельностью ¹⁾.

Извѣстно, что статья Пирогова „Вопросы жизни“ обратила на него вниманіе всего образованнаго общества. 3-го сентября 1856 года онъ былъ назначенъ тогдашнимъ министромъ Нар. Пр., А. С. Норовымъ попечителемъ Одесскаго учебнаго Округа; черезъ два года,—18-го іюля 1858 года,—Кіевскаго, а уже въ 1861 году, въ Министерство Е. П. Ковалевскаго Пироговъ покинулъ совсѣмъ педагогическое поприще, такимъ образомъ его педагогическая дѣятельность продолжалась всего около пяти лѣтъ и за такое короткое время онъ успѣлъ такъ многое сдѣлать!

Эта непродолжительность его административной дѣятельности на такомъ посту, гдѣ, напротивъ, тре-

Административная
дѣятельность.

¹⁾ Для составленія этой части нашего изслѣдованія мы пользовались статьей Алферова въ Вѣстникѣ Воспитанія за 1897 годъ стр. 43.

буется продолжительное время, чтобы дожидаться хоть нѣкоторыхъ замѣтныхъ результатовъ дѣятельности, не могла не сказаться. Послѣ Пирогова не осталось никакой внѣшней реформы, да, кстати сказать, онѣ отъ попечителя и не зависятъ, никакого замѣтнаго начинанія, но за то осталось другое, не менѣе цѣнное,— это разнообразныя попытки преобразовать школу, влить въ нее совершенно новый, обновляющій духъ, раскрыть, десятками лѣтъ существовавшіе въ школѣ, злоупотребленія и ложные взгляды, признаніе этого зла и твердое, рѣшительное, направленіе къ искорененію его.

То было время, непосредственно слѣдовавшее за Крымской компаніей. Все русское общество было охвачено жаждою обновленія, открывались новые горизонты.

Извѣстный, профессоръ Никитенко пишетъ въ своемъ „Дневникѣ“ о настроеніяхъ того времени: „Въ обществѣ начинается прорываться стремленіе къ лучшему порядку вещей, но этимъ еще не слѣдуетъ обольщаться“.

Пирогову приходилось впервые вносить чувство законности и уваженія къ личности туда, гдѣ оно никогда прежде не существовало. Общество того времени смотрѣло на школу, какъ на „проводникъ къ распространенію въ будущемъ поколѣніи узкихъ убѣжденій, взглядовъ и понятій, какъ на разсадникъ специалистовъ, необходимыхъ ему для достиженія извѣстныхъ обыденныхъ цѣлей“, — однимъ словомъ, имѣло въ виду добываніе насущнаго хлѣба.

Пироговъ, всегда и неуклонно отстаивалъ свой принципъ—оказывать на учащихся *только нравственное вліяніе*, отстраняя отъ себя чисто полицейскій надзоръ.

Онѣ доказывалъ, что за время его управленія въ Одессѣ и Кіевѣ не было ни одного серьезнаго без-

порядка въ Университетѣ, несмотря на сильное возбужденіе умовъ Кіевской молодежи. Но поднятыя противъ него интриги одержали наконецъ верхъ и онъ принужденъ былъ выйти въ отставку. Онъ удалился въ частную жизнь, поселился въ своемъ имѣніи „Вишня“ Подольской губерніи. Скоро онъ выѣхалъ за границу, гдѣ напечаталъ въ 1863 году свой капитальный трудъ въ Лейпцигѣ „Основы общей военно-полевой хирургіи“.

Министръ Головинъ предложилъ Пирогову осмотрѣть всѣ медицинскіе факультеты русскихъ университетовъ, но при слѣдующемъ министрѣ онъ былъ совершенно уволенъ изъ Министерства и окончательно поселился въ своемъ имѣніи ¹⁾.

Къ статьямъ, болѣе другихъ рисующимъ Пирогова, какъ педагога, принадлежатъ и его статьи: „Школа и Жизнь“ и „Быть и казаться“,

Разсмотримъ теперь его обѣ статьи: „Школа и „Школа и жизнь“. Жизнь“ и „Быть и казаться“, такъ какъ остальные разобраны нами подробно выше.

Въ статьѣ „Школа и Жизнь“ Пироговъ говоритъ, что „мы издавна привыкли противопологать жизнь школѣ, что жизнь у насъ идетъ своимъ чередомъ, а ученіе—своимъ; мы привыкли думать, что требованія школы не сходятся съ требованіями жизни. „Несомнѣнно одно, пишетъ Пироговъ, что чѣмъ менѣе образовано общество, тѣмъ болѣе разъединены въ немъ понятія—школа и жизнь“. Пироговъ подробно развиваетъ здѣсь это основное положеніе. „Мы никакъ

¹⁾ Въ 1870 году, по порученію главнаго управленія Краснаго Креста, онъ осматривалъ военные госпитали во время Франко-Прусской войны (осмотръ 70-ти госпиталей), а въ 1877 году состоялась его экспедиція въ Болгарію, во время нашей турецкой кампаніи. Анатомо-хирургическіе его труды изданы на латинскомъ и на нѣмецкомъ языкахъ. Извѣстны медицинскія науки его труды: „Анналы хирургической клиники“ и „О счастья въ хирургіи“.

не можемъ слить въ своемъ представленіи школу и жизнь, они для насъ до сихъ поръ—понятія вполнѣ разъединенныя. Это происходитъ отъ того, что учатся въ дѣтствѣ, *до достиженія зрѣлаго возраста*, до вступленія въ жизнь.

„Если и посылають дѣтей въ школу, то это дѣлается для того, чтобы они заранѣе научились тому, что ближе ведетъ къ практической цѣли. Но этотъ путь ведетъ неизбѣжно въ тупикъ. Школа начинаетъ сама понимать, что она безъ жизни и внѣ жизни существовать не можетъ, а жизнь въ свою очередь видитъ, что она безъ школы впередъ идти не можетъ. На этихъ признакахъ основываясь, можно надѣяться, что этому пагубному разъединенію школы и жизни скоро будетъ положенъ конецъ и что эти два существенные фактора—школа и жизнь сольются вмѣстѣ въ своихъ цѣляхъ.

Школа составляетъ монополию государства, слѣдовательно, отъ государства зависитъ дать школѣ то или иное направленіе. Заговоривъ о необходимости слиянія школы съ жизнью, Пироговъ возвращается въ этой статьѣ къ своей любимой темѣ—о пользѣ общаго образованія, общечеловѣческаго; разсматриваетъ его, какъ необходимый фундаментъ для всякаго образованнаго человѣка.

„Быть и казаться“.

Статья „Быть и казаться“ написана была по поводу даннаго Пироговымъ разрѣшенія ученикамъ П Одесской гимназіи играть на публичномъ театрѣ съ благотворительной, въ пользу товарищей, цѣлью. Тутъ, по мнѣнію Пирогова, возникаетъ нравственно-педагогическій вопросъ—можно ли позволить молодымъ людямъ со школьной скамьи выступать на сцену въ качествѣ дѣйствующихъ лицъ передъ публикой? Дозволяетъ ли педагогика выставять дѣтей и юношей передъ публикой въ болѣе или

менѣе искаженномъ, слѣдовательно, не въ настоящемъ ихъ видѣ? Оправдываетъ ли въ этомъ случаѣ цѣль средство? Не значить ли это вносить въ восприимчивую душу ребенка начало лжи и притворства? Вѣдь разыгрывать хорошо роль, принять кстати подготовленную позу, сдѣлать удачный жестъ, выразить миною поддѣльное чувство, что все это, какъ не школа лжи и притворства?“—спрашиваетъ Пироговъ.

„А шумныя похвалы, воздаваемые именно этому притворству, сдѣлавшемуся натуральнымъ, побуждаютъ еще болѣе притворяться, еще болѣе противопоставлять два состоянія человѣческой личности—быть и казаться“.

Вотъ основныя мысли и положенія этой статьи.

Педагогическія статьи и распоряженія (циркуляры), изданныя Пироговымъ за время его попечительства въ Кіевѣ, собраны въ одномъ сборникѣ, озаглавленномъ „Собраніе литературно-педагогическихъ статей, Н. И. Пирогова“, вышедшихъ въ управленіе его Кіевскимъ учебнымъ Округомъ (1858—1861 г.). Такой-же сборникъ имѣется за время его педагогической административной дѣятельности въ Одессѣ, озаглавленный: „Собраніе литературныхъ статей Н. И. Пирогова“, изд. редакторовъ „Одесскаго Вѣстника“, Одесса 1858 г.

Циркуляры.

Эти собранія даютъ намъ возможность обозрѣть литературно-педагогическую его дѣятельность. Онѣ написаны по поводу того или иного вопроса, возникшаго въ теченіе его педагогической дѣятельности, или по поводу различныхъ, появлявшихся въ то время, проектовъ преобразованій въ М. Н. Пр.

Остановимся на отдѣльныхъ педагогическихъ мысляхъ, высказанныхъ въ его циркулярахъ. Пироговъ въ одномъ изъ своихъ Одесскихъ циркуляровъ „о методѣ преподаванія“ указываетъ на совершенно

Методы преподаванія.

вѣрную, съ педагогической точки зрѣнія, мысль, что важно не то, *что* преподается, а то, *какъ* преподается, такимъ образомъ на первый планъ выступаетъ *методъ преподаванія*. Онъ подробно разбираетъ методы преподаванія отдѣльныхъ предметовъ: естественной исторіи и др. Каждый преподаватель въ особой комиссіи, подъ руководствомъ директора, изучаетъ способы и методы, которые онъ предполагаетъ ввести въ свое преподаваніе; эти методы должны быть одобрены педагогическими совѣтами. Далѣе онъ развиваетъ такую мысль, что „программы необходимы для неопытнаго и посредственнаго преподавателя; опытный-же и талантливый преподаватель не нуждается въ программѣ,—она у него въ головѣ, а не на бумагѣ. Главное,—чтобы ученикъ хорошо усвоилъ сущность предмета,—въ этомъ заключается весь секретъ преподаванія, но во всякомъ случаѣ все дѣло—въ методѣ преподаванія. Съ этимъ мнѣніемъ нельзя не согласиться.

Тѣлесныхъ наказаній Пироговъ не допускалъ примѣнять въ присутствіи другихъ учениковъ,—это все изложено въ Одесскихъ циркулярахъ.

Педагогическіе
совѣты.

Изъ циркуляровъ Кіевскаго Учебнаго Округа укажу на циркуляръ, предписывающій педагогическимъ совѣтамъ назначать для обсужденія оцѣнки различныхъ способовъ преподаванія какъ можно чаще экстраординарныя засѣданія. Пироговъ поднимаетъ значеніе педагогическихъ совѣтовъ, которые рѣшаютъ судьбу учениковъ учебныхъ заведеній и налагаютъ наказанія на провинившихся и регулируютъ весь строй учебнаго заведенія и всю учебно-воспитательную его часть.

Онъ предостерегаетъ педагогическіе Совѣты отъ столь пагубнаго исканія популярности и отъ столь часто замѣчаемаго желанія меньшинства доводить до свѣдѣнія учениковъ о благопріятномъ для молодежи ихъ мнѣніи, которое, напротивъ, должно для нихъ

остаться тайной и должно быть известно только высшему ихъ начальству. Онъ сравниваетъ роль этого меньшинства съ мнѣніемъ присяжныхъ. Такое желаніе объясняется Пироговымъ незрѣлостью взглядовъ членовъ педагогическаго Совѣта и непониманіемъ ими смысла коллегіальныхъ учрежденій и является въ педагогическомъ дѣлѣ чисто преступнымъ.

Пироговъ рекомендуетъ преподавателямъ „посѣщать другъ у друга уроки, съ цѣлью усвоить себѣ то, что посѣщающій найдетъ для себя лучшаго въ преподаваніи товарища, но не съ цѣлью *инспектировать* своего товарища, подъ лукавымъ предлогомъ дружескихъ замѣчаній, которыя тому вовсе не нужны“. Мы видимъ здѣсь, какъ внимательно относился Пироговъ даже къ самолюбію преподавателей, какъ хорошо онъ изучилъ ихъ психологію.

Посѣщеніе уроковъ педагогами.

Въ другомъ циркулярѣ, обращенномъ въ Черниговскую гимназію по вопросу „о мѣрахъ исправленія учениковъ въ гимназіяхъ“, Пироговъ высказываетъ категорически свое убѣжденіе, что индивидуальное воспитаніе и образованіе въ учебныхъ заведеніяхъ съ громаднымъ количествомъ учениковъ невозможно, при той степени педагогической подготовки, которую представляетъ составъ воспитателей русской средней школы.

Внѣ школьное руководство.

Во всякомъ случаѣ, помочь въ этомъ отношеніи могутъ посѣщенія наставниками ученическихъ квартиръ, съ цѣлью руководить ихъ домашними занятіями и болѣе внимательное отношеніе педагогическихъ Совѣтовъ къ сущности каждаго проступка ученика; такимъ образомъ индивидуальная сторона ученика становилась бы болѣе близкой и доступной педагогическому составу учебныхъ заведеній, а отсюда было бы болѣе возможнымъ воспитательное вліяніе педагогическихъ совѣтовъ на учениковъ.

Экзамены.

Въ попечительскомъ Совѣтѣ Кіевскаго учебнаго округа 23 сентября 1858 года былъ разсмотрѣнъ вопросъ о *переходныхъ экзаменахъ*. Пришли къ заключенію, что переводные экзамены производятся въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, въ теченіе которыхъ ученіе не происходитъ, отчего теряется масса учебнаго времени, комкается курсъ во вредъ основательному его прохожденію.

Въ виду этого постановлено было: переходные экзамены сохранить, удѣляя на нихъ меньше времени и раздѣляя экзаменующихся по группамъ. Ученику не слѣдуетъ навязывать убѣжденій наставника, а, напротивъ, пробуждать въ немъ собственные взгляды и умѣнье ихъ поддерживать и проводить, отнюдь не выставляя чужихъ за свои, не притворяясь. Эти взгляды лежатъ въ основаніи его статьи „Быть и казаться“, о которой мы упомянули выше.

„Развитіе гуманнаго, христіанскаго характера въ современномъ юношествѣ составляло главную педагогическую задачу Пирогова,—окончательную, по его мнѣнію, цѣль воспитанія“.

Такія просвѣтительныя идеи впервые высказывались въ Россіи въ педагогическихъ кругахъ и не могли вслѣдствіе этого не оказать громаднаго вліянія на все тогдашнее образованное общество.

Про Пирогова можно сказать, что вся его педагогическая система есть глубокое воплощеніе его личности: „ищи быть и будь челоѣкомъ“—это основной принципъ Пирогова, заключающійся въ исканіи пути истинной жизни, въ осуществленіи этого подвигомъ жизни. „Для этого нужно перевоспитать самого себя, побѣдить въ себѣ все, что мѣшаетъ осуществленію добра на землѣ, достиженію идеала. Двѣ задачи выпадаютъ въ удѣлъ челоѣку,—это, во 1-хъ, ясно поставить передъ собой высшую цѣль жизни, разумно — нравственную и, во 2-хъ, эту высшую цѣль жизни осущест-

Отраженіе личности Пирогова въ его педагогической дѣятельности.

вить на землѣ, то-есть перевести идеалы мысли въ дѣло жизни. „Мы должны заглядывать внутрь себя, упражнять вниманіе, для развитія въ себѣ самопознанія, которое раскрываетъ въ насъ двойственность нашей природы, о чемъ говорилъ еще Блаженный Августинъ, философъ IV в. по Р. Хр.“

Вся жизнь Пирогова есть подвигъ жизни, работа надъ собой; созданныя имъ теоріи воспитанія, изложенныя въ его „Вопросахъ жизни“, „вдохновляющія насъ искать въ жизни идеала, убѣждаютъ насъ, что человекъ и самъ можетъ долгимъ подвигомъ завоевать это вдохновеніе. Съ дуализмомъ нашей природы мы должны вѣчно бороться, чтобы сдѣлаться *человѣкомъ*. Этой борьбой съ бессознательной, стихійной силою, мы приготавливаемъ себя черезъ земную жизнь къ бессмертію, мы живемъ, совершенствуясь“.

Воспитательная теорія Пирогова основывается на самопознаніи, какъ средствѣ самовоспитанія.

„До сихъ поръ школа выпускала не людей, а чиновниковъ. Въ предстоявшей реформѣ Пироговъ находилъ необходимымъ прежде всего измѣнить принципы, фундаментъ школы. Разъ цѣль воспитанія заключается въ томъ, чтобы осуществить идеаль дѣйствительной жизни, школа внѣ жизни — нелѣпость. Въ свою очередь и жизнь внѣ школы ничего не можетъ сдѣлать, для улучшенія положенія человекъ. Школа является проводникомъ къ распространенію убѣжденій, организаціей, опредѣляющей будущее жизненное развитіе. А этого можно достигнуть только тогда, когда всѣ высшія стремленія, данныя человекъ, найдутъ въ школѣ средство къ безконечному и всестороннему развитію“.

„Даже желая отъ всей души сдѣлаться специалистами, мы не должны забывать“, прибавляетъ Пироговъ, „что и для этого необходимо общечеловѣческое

образование. Только оно может уничтожить бездну, раздѣляющую касты, только оно научить быть человекомъ и сдѣлаетъ имъ“¹⁾).

Современное общество.

Чтобы понять значеніе дѣятельности Пирогова, какъ администратора въ министерствѣ Н. Пр. и притомъ столь кратковременной, нужно познакомиться съ настроеніемъ, существовавшимъ въ современномъ ему обществѣ.

Изъ свидѣтельства проф. Никитенко мы видѣли, что уже появились первые проблески общественнаго оживленія, однако это больше относится къ отдѣльнымъ личностямъ, чѣмъ ко всему обществу.

Сперанскій называетъ тогдашнюю дѣйствительность „русской толщей“. Запросовъ возникало масса, чувствовался какой-то непреодолимый подъемъ, жажда обновленія въ началѣ половины 50-хъ гг., послѣ неудачной для насъ Крымской кампаніи. Между тѣмъ всякая энергичная административная дѣятельность была парализована среди крайней неустойчивости взглядовъ, какъ общества, такъ и самой власти. Колебанія эти особенно стали замѣтны въ Министерство крайне слабохарактерныхъ Норова и Ковалевскаго. Между тѣмъ вопросы просвѣщенія особенно сильно захватывали всѣхъ, что объяснялось переживаемыми въ то время политическими событіями.

Министръ Норовъ въ своей рѣчи, обращенной къ профессорамъ Казанскаго университета, говорилъ: „Наука всегда была для насъ одною изъ главнѣйшихъ потребностей, но теперь она первая. Если враги наши имѣютъ надъ нами перевѣсъ, то единственно силою своего образованія“.

Упомянутый профессоръ Никитенко въ своемъ „Дневникѣ“ пишетъ: „Печальна судьба нашего просвѣще-

¹⁾ См. сочиненіе Пирогова: „Чего мы желаемъ“.

нія. Не разъ страдало оно въ тяжкомъ плѣну. Былъ плѣнъ татаръ, обскурантовъ, а нынѣ оно въ плѣну у подъячихъ. Судьба нашихъ университетовъ должна бы обратить на себя вниманіе нашихъ мыслящихъ людей и общества, если бы они способны были заинтересоваться такими бездѣлицами. Университеты наши, очевидно, клонятся къ упадку. Юношество въ нихъ деморализовано, профессора лишены всякаго значенія. Многія каѳедры пусты, а другія скоро будутъ пусты и некъмъ ихъ замѣстить, потому что молодые, даровитые люди службѣ въ университетѣ предпочитаютъ другія карьеры, однимъ словомъ, полное „оскудѣніе“.

Пирогову „приходилось вносить чувства законности и уваженія къ личности туда, гдѣ рука педагога, не задумываясь, поднималась надъ ученикомъ, гдѣ ни семья, ни школа не вдумывалась въ вопросы воспитанія и не содѣйствовали другъ другу, а только раздражали другъ друга и взаимно другъ отъ друга страдали“.

Пироговъ хоть на время сумѣлъ ихъ объединить въ дружномъ желаніи улучшить общее, близкое всѣмъ дѣло воспитанія и образованія. Ему въ этомъ дѣлѣ помогъ огромный тактъ, свойственный всѣмъ его дѣйствіямъ, продуманность и устойчивость его педагогическихъ убѣжденій. Послѣднія не мѣнялись въ теченіе всей его служебной дѣятельности въ Мин-ствѣ Н. Пр., въ теченіе, можно сказать, всей его жизни. Онъ откровенно мечталъ о такой школѣ, въ которой „всѣ, дарованныя челоуѣку, способности, всѣ благородныя и высокія стремленія наши-бы средства къ безконечному и всестороннему развитію, безъ всякой задней мысли и безъ рановременныхъ заботъ о приложеніи“.

Въ своихъ „Вопросахъ жизни“ Пироговъ запрашиваетъ: „Отвѣчайте мнѣ, положи руку на сердце, можно ли надѣяться, чтобы юноша въ одинъ и тотъ же періодъ

времени приготавливался выступить на поприще, не самимъ имъ избранное, прельщаясь внѣшними и матеріальными выгодами этого, заранѣе для него опредѣленнаго, поприща и вмѣстѣ съ тѣмъ серьезно и ревностно приготавливался къ внутренней борьбѣ съ самимъ собой и съ увлекательнымъ направлениемъ свѣта“.

Пирогову пришлось дѣйствовать въ такой педагогической средѣ, гдѣ большинство было далеко не на сторонѣ какихъ либо обновленій и едва могло выйти изъ обычной косности и привычной рутины, а отдѣльные лица готовы были спѣшить обогнать свое время среди самыхъ разнообразныхъ общественныхъ теченій.

Остановимся теперь на нѣкоторыхъ педагогическихъ распоряженіяхъ Пирогова, лучше всего рисующихъ намъ его взгляды на необходимыя реформы въ школьномъ дѣлѣ, которыя онъ высказалъ, какъ въ Одесское, такъ и въ Кіевское его попечительство.

Остановимся на его докладной запискѣ „О ходѣ просвѣщенія въ Новороссійскомъ краѣ и о вошюющей необходимости преобразования учебныхъ заведеній“.

Записка эта относится къ 20-му января 1857 года. Въ первой части этой записки Пироговъ развиваетъ свой взглядъ на нормальный ходъ образованія вообще.

Онъ допускаетъ два рода образованія: общечеловѣческое (энциклопедическое) и специальное. Это періоды, по Пирогову, одного и того же образованія. Въ первомъ изъ нихъ совершается стройное и постепенное развитіе умственныхъ способностей; умъ приготавливается къ *самостоятельной дѣятельности* на поприщѣ ученія.

Во второмъ періодѣ образованія, пишетъ Пироговъ, учащіеся получаютъ *спеціальное* образованіе, приготавливаются къ примѣненію избраннаго ими предмета для пользы цѣлаго общества, приготавливаются къ усовершенствованію самой науки.

Педагогическія
распоряженія Пи-
рогова и дѣйстви-
тельность.

„Счастлива та страна, добавляетъ Пироговъ, въ которой обстоятельства, обычаи и законы не нарушили еще этой строгой послѣдовательности въ ходѣ образованія“.

Въ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ долженъ для учащихся завершаться первый періодъ образованія, въ высшихъ — второй.

Это — *теорія*, между тѣмъ, *практика*, по крайней мѣрѣ, въ Одесскомъ учебномъ округѣ показываетъ совершенно иное, — діаметрально противоположное.

Въ гимназіяхъ ученикамъ IV класса предоставлялся свободный выборъ между древними языками и законовѣдѣніемъ (по тогдашнимъ программамъ).

Въ высшемъ же учебномъ заведеніи (въ Ришельевскомъ Лицеѣ) образованіе имѣлъ характеръ чисто энциклопедическій.

Отсюда и весьма нежелательные результаты: юноши, кончающіе гимназію, выступаютъ часто на практическое поприще жизни, а кончающіе лицейскій курсъ не умѣютъ приложить своихъ свѣдѣній на практикѣ.

Основное правило педагогики, по мнѣнію Пирогова, въ первый періодъ образованія заключается въ развитіи той или другой умственной способности учащихся посредствомъ науки. Наставникъ долженъ въ этомъ періодѣ *развивать способности учащихся и возбуждаетъ въ нихъ любовь къ предмету*. Цѣль гимназическаго ученія — *приготовленіе умственной восприимчивости учащихся къ наукѣ и возбужденіе самостоятельности ума*. Вмѣсто этого заботятся только о томъ, чтобы строго и почти буквально слѣдовать программамъ и руководствамъ, стѣсняющимъ учащихся и учащихся.

Это — та же схоластика среднихъ вѣковъ. Даже исторія, по замѣчанію Пирогова, „могущая столь

Программы.

мощно развивать самостоятельную дѣятельность ума“, нисколько не примѣняется къ этой цѣли. Преподаватели въ свое оправданіе отвѣчаютъ, что „они не въ правѣ отступать отъ программы и руководства“. Такимъ образомъ, программы и руководства сдѣлались эгидой посредственности и эта система отняла у самихъ учителей всякую охоту и возможность трудиться надъ составленіемъ подходящихъ учебниковъ. Между тѣмъ, въ Германіи, замѣчаетъ Пироговъ, имѣется изобиліе хорошихъ учебниковъ, такъ какъ тамъ они свободны въ выборѣ ихъ и существуетъ конкуренція.

Баллы.

Пироговъ высказывается противъ того, что вступительные и переходные экзамены основываются *на цифрѣ*; все вниманіе обращается на общую отмѣтку, выводимую чисто ариѳметически; вслѣдствіе этой, *чисто внѣшней*, системы переводятся въ старшіе классы часто совершенно неразвитые ученики.

„Главные предметы“.

Для ученика гимназіи не должно быть главныхъ и второстепенныхъ предметовъ, всѣ предметы должны быть одинаково *главными*. Это только рождаетъ пренебреженіе къ отдѣльнымъ предметамъ, приучаетъ учениковъ заранѣе быть *спеціалистами*.

Необходимы, по мнѣнію Пирогова, только три отмѣтки, а не пять, одна—соотвѣтствуетъ *минимуму* необходимыхъ познаній для перехода въ слѣдующій классъ или курсъ, безъ которыхъ нельзя успѣшно слѣдить за слѣдующимъ курсомъ; другая—опредѣляетъ недостаточность этихъ познаній, препятствующую этому переходу; третья (необязательная)—обозначаетъ избытокъ познаній.

Примѣненіе ариѳметики къ выводу отмѣтокъ придало оцѣнкѣ механической характеръ, который никакъ не можетъ замѣнить собою педагогическій тактъ учителя.

Отмѣтки выставляются въ присутствіи учениковъ, которые, зная ихъ, составляютъ свои комбинаціи и выкладки.

Сообщеніе отмѣтокъ родителямъ создаетъ двойственный контроль надъ наставниками, — со стороны родителей и учениковъ, крайне нежелательный и ведущій иногда къ послабленіямъ, при переводѣ изъ класса въ классъ.

Пироговъ протестуетъ противъ раздѣленія гимназическаго курса на два разряда, такъ какъ съ IV класса они выбираютъ изученіе латинскаго языка или законовѣдѣнія. Спрашивается, насколько тринадцатилѣтній мальчикъ въ состояніи выбирать сознательно тотъ или другой предметъ, имѣющій для него важное значеніе впоследствии, при выходѣ изъ гимназіи. Родители, конечно, въ большинствѣ случаевъ имѣютъ практическій, матеріальный интересъ.

Бифуркація школы.

Результатомъ всей этой системы является слабое знаніе древнихъ языковъ кончающими курсъ, гимназистами и общее пренебреженіе къ изученію классическаго міра, какъ не представляющаго никакихъ реальныхъ, матеріальныхъ выгодъ; къ этому еще присоединяется въ Одессѣ общій недостатокъ въ хорошихъ преподавателяхъ, а тѣмъ болѣе—древнихъ языковъ. Изъ 150 студентовъ Ришельевского Лицея Пироговъ едва нашелъ 4-хъ, которые были въ состояніи понимать лекціи по римскимъ древностямъ на латинскомъ языкѣ.

Что же касается знанія новыхъ языковъ, то и въ этомъ отношеніи картина весьма безотрадная. Нѣмецкій языкъ знаютъ порядочно только евреи, французскаго же языка почти никто не знаетъ.

Далѣе Пироговъ указываетъ и перечисляетъ всѣ недостатки Одесскаго Ришельевского Лицея; эта часть его „записки“ не представляетъ общепедагогическаго интереса, — она носитъ локальный характеръ, а потому я считаю здѣсь лишнимъ на этой части записки долѣе останавливаться. Цѣль Пирогова была — пре-

образование Ришельевского Лицея въ Университетъ, къ этой цѣли сводились всѣ его мѣропріятія.

Другая его мечта была обратить лицей въ приготовительное для преподавателей гимназіи учебное заведеніе; но и это не могло осуществиться, по разнымъ причинамъ.

ГЛАВА V.

Еврейскій вопросъ. — Преподаваніе еврейскаго Закона. — Обученіе евреевъ въ казенныхъ заведеніяхъ. — Расколъ въ еврейской средѣ. — Обязательно ли обученіе евреевъ? — Домашнее воспитаніе евреевъ. —
Внѣшнее противорѣчіе взглядовъ Пирогова.

Еврейскій вопросъ.

Въ Одесскомъ учебномъ округѣ и до сихъ поръ играетъ большую роль въ дѣлѣ народнаго образованія еврейскій вопросъ. Это я могу подтвердить вполне, пробывъ два года (1906 и 1907 гг.), попечителемъ Одесскаго учебнаго округа. Считаю поэтому небезинтереснымъ привести здѣсь взглядъ Пирогова на еврейское образованіе. Мы съ нимъ знакомимся изъ его „Докладной записки относительно образованія евреевъ“ и изъ письма его къ министру А. С. Норову, содержащаго проектъ реформы еврейскаго образованія. Письмо это написано Пироговымъ 4 февраля 1857 г.

Въ этомъ письмѣ Пироговъ заявляетъ, что въ такомъ важномъ вопросѣ онъ не будетъ стѣсняться существующими, господствующими мнѣніями, а намѣренъ по долгу службы, прямо и откровенно высказать свои убѣжденія. Для этого онъ подвергалъ сначала сужденію экспертовъ различныя, доходившія до него, мнѣнія по этому вопросу и старался отнестись къ нему возможно безпристрастно. Его прежнія предположенія о введеніи преподаванія еврейскаго Закона въ одной изъ Одесскихъ гимназій (во II), какъ это уже было разрѣшено въ Херсонской мужской гимназіи, не было

Преподаваніе еврейскаго Закона.

утверждено, какъ противорѣчащее § 23 Высочайше утвержденныхъ въ 1844 г. правилъ. Пироговъ полагаетъ, что „евреямъ, воспитывающимся въ нашихъ гимназіяхъ, предстоитъ безутѣшное нравственное положеніе въ будущемъ. Не получивъ въ еврейскихъ школахъ никакого религіознаго направленія, они, поступивъ въ русскія гимназіи, не обучаются и впоследствии еврейскому Закону дома. Результатомъ чего является у нихъ отсутствіе и той формальной религіозности, которую они приобрѣли еще въ дѣтствѣ.

Цѣль Пирогова, та мысль, которую онъ преслѣдовалъ, была—дать евреямъ, хотя бы въ средней школѣ, то нравственно-религіозное образованіе, котораго они до сихъ поръ не получили. Этимъ-же мотивомъ онъ руководствовался при ходатайствѣ о преобразованіи Одесской Талмудъ — Торы.

„Докладная записка относительно образованія евреевъ“, лучше всего рисуетъ взглядъ Пирогова на еврейскій вопросъ.

Обученіе евреевъ въ казенныхъ учрежденіяхъ.

Поводомъ къ этому докладу послужили три вопроса, предложенные Пирогову М—ствомъ: во-первыхъ, не пора-ли уже сдѣлать обученіе евреевъ въ казенныхъ заведеніяхъ, (преимущественно реальныхъ) *обязательнымъ*, во-вторыхъ, не пора-ли примѣнить къ евреямъ общихъ постановленій о домашнемъ воспитаніи, (совершенно прекратить выдачу свидѣтельствъ на домашнихъ учителей) тѣмъ, которые не обучались въ казенныхъ еврейскихъ училищахъ и въ-третьихъ, соотвѣтствуетъ-ли курсъ казенныхъ еврейскихъ училищъ цѣли ихъ учрежденія, и не требуется-ли сдѣлать въ нихъ нѣкоторыя соотвѣтствующія измѣненія?

Тутъ интересны общія соображенія, высказанныя Пироговымъ и выражающія принципиальный взглядъ на образованіе евреевъ. „Есть, по мнѣнію Пирогова, два пути для того, чтобы дѣйствовать на укоренившіяся

нравственно - религіозныя воззрѣнія еврейскаго народа: одинъ путь *прямой*, по которому мы нынѣ идемъ, дѣйствуя непосредственно, разъясняя ихъ и обнаруживая ихъ нелѣпость, предлагая вмѣсто нихъ болѣе современныя понятія. Другой путь *косвенный*, онъ вѣрно ведетъ къ цѣли, хотя и нескоро. Слѣдуя по этому пути, мы оставляемъ на время всѣ эти предубѣжденія, не обращая на нихъ какъ-бы никакого вниманія, мы уничтожаемъ ихъ постепенно, распространяя обще-человѣческія научныя свѣдѣнія, не имѣющія въ глазахъ простолюдина-еврея ни малѣйшаго отношенія къ его нравственнымъ повѣрїямъ и религіознымъ убѣжденіямъ. Несомнѣнна, по мнѣнію Пирогова, слѣдующая историческая аксіома: если умственная дѣятельность народа будетъ обращена на изученіе наукъ, искусствъ и ремесель, сближающихъ его съ другими, болѣе просвѣщенными народами, онъ непременно дѣлается менѣе воспрїимчивымъ къ предрасудкамъ и предубѣжденіямъ, проистекающимъ, главнымъ образомъ, вслѣдствіе слабостей человѣческой природы, отъ самыхъ высокихъ религіозныхъ истинъ“. Изъ этого положенія Пироговъ дѣлаетъ слѣдующій выводъ: „если бы умственные способности, весьма вообще выдающіяся у еврейскаго народа, направить на изученіе предметовъ, не имѣющихъ, повидимому, никакого отношенія къ народнымъ, религіозно-нравственнымъ предрасудкамъ, то можно, по мнѣнію Пирогова, смѣло сказать, что эти предрасудки сами собой непременно исчезнутъ. Такимъ образомъ, если на первое мѣсто въ программахъ еврейскихъ училищъ будутъ помѣщены древніе языки и математика, къ которой евреи питаютъ особую склонность, можно съ увѣренностью сказать, что желаемая для правительства цѣль—сближеніе еврейскаго народонаселенія съ христіанскимъ будетъ достигнута, а правительству не

придется вести борьбу съ еврействомъ, да притомъ, какъ всегда въ этихъ случаяхъ, упорную противъ нравственныхъ убѣжденій цѣлаго народа и къ тому же не всегда удачную“.

Послѣдующія же поколѣнія, отцы которыхъ получили съ школѣ научное образованіе, также не могутъ оставаться слѣпыми послѣдователями Талмуда, по убѣжденію Пирогова. Онъ ссылается на примѣры Пруссіи, Австріи и Франціи, которыя держались той же политики въ этомъ вопросѣ о насажденіи просвѣщенія среди евреевъ.

„Въ самой Одессѣ и даже вообще въ Новороссіи замѣчается, по мнѣнію Пирогова, существованіе двухъ партій въ еврейскомъ населеніи. Одна изъ нихъ еще упорно держится старыхъ повѣрій и предразсудковъ, другая уже замѣтно находится на пути къ обновленію, благодаря коммерческимъ сношеніямъ съ заграницей.“

Расколъ въ еврейской средѣ.

Этотъ расколъ представляетъ для учебнаго начальства серьезную подмогу. Поощряя вторую партію, привлекая ее всячески на сторону правительства, можно, по мнѣнію Пирогова, гораздо большаго достигнуть, для распространенія просвѣщенія, нежели самими строгими полицейскими мѣрами“. Это общее соображеніе по всему вопросу.

Приступая же къ обсужденію отдѣльныхъ трехъ, поставленныхъ ему Мин—ствомъ, вопросовъ, Пироговъ *по первому* вопросу отвѣчаетъ, что, согласно § 33 правилъ 1844 г. 13 ноября, предполагалось сдѣлать обученіе евреевъ въ казенныхъ училищахъ *обязательнымъ* только тогда, когда во всѣхъ мѣстахъ жительства евреевъ казенныя училища будутъ учреждены въ достаточномъ количествѣ. Въ такомъ случаѣ достаточно будетъ привести только статистическія данныя.

Обязательно-ли обученіе евреевъ.

Извѣстно, что во времена Пирогова въ Новороссійскомъ краѣ насчитывалось 97,000 душъ мужскаго пола

евреевъ; обучавшихся въ училищахъ (частныхъ и казенныхъ) Мин—ства болѣе 4,000 человѣкъ; казенныхъ еврейскихъ училищъ въ Одесскомъ учебномъ округѣ считалось въ то время 14, учащихся въ этихъ училищахъ было въ то время всего 514 человѣкъ, остальные же посѣщали Т—Торы. Эти цифры указываютъ на то, какъ мало еврейское населеніе стремилось отдавать своихъ дѣтей въ казенныя заведенія. Но нельзя же, по мнѣнію Пирогова, рѣшать вопросъ объ обязательности обученія только на основаніи статистики. Между тѣмъ въ самомъ § I-мъ упомянутыхъ правилъ отмѣчена главная цѣль введенія обязательнаго обученія еврейскаго народа. Она выражена въ слѣдующихъ словахъ: «постоянное сближеніе евреевъ съ христіанскимъ населеніемъ, искорененіе суевѣрій и вредныхъ предразсудковъ, внушаемыхъ ученіемъ Талмуда».

Очевидно, эта цѣль можетъ быть достигнута только *современемъ*. Въ этомъ дѣлѣ *принудительныя мѣры* не могутъ помочь. Онъ ссылается на исторію образованія евреевъ въ Галиціи.

Всѣ еврейскія школы, учрежденныя въ половинѣ XVIII-го столѣтія императоромъ Іосифомъ II, были закрыты черезъ 15 лѣтъ.

Въ настоящее время въ Австріи всѣ еврейскія дѣти посѣщаютъ общія христіанскія училища наравнѣ съ нѣмцами; евреи только приносятъ свидѣтельства въ томъ, что они дѣйствительно обучались еврейскому закону.

Ученіе дѣтей еврей начинается съ 4-хъ лѣтняго возраста; у него понятіе объ ученіи тѣсно соединено съ понятіемъ о вѣрѣ. *Ученіе и вѣра для еврея—одно и то же*.

Какія принудительныя мѣры можно предпринять противъ убѣжденій такого народа?

«Раздаются общія жалобы противъ слабости исполнительной власти уже теперь, когда принудительныя

мѣры отсутствуютъ. Что же это будетъ, когда онѣ будутъ примѣняться?»

«Кто будетъ проводить это обязательное обученіе, какіе органы власти,—спрашиваетъ Пироговъ. Не тѣ-же-ли власти (полицейскіе и смотрители казенныхъ еврейскихъ училищъ), дѣйствія которыхъ теперь такъ мало успѣшны? Полагаться въ этомъ отношеніи на раввиновъ тоже нельзя. Они избираются еврейскимъ обществомъ *на извѣстный срокъ*. Значитъ, они зависятъ отъ общества, ихъ избирающаго, съ которымъ они никогда не согласятся разойтись. Да, наконецъ, никогда не хватитъ нужнаго числа меламедовъ (учителей) на двойное или тройное число школъ, при обязательномъ обученіи, принимая во вниманіе религіозную потребность евреевъ въ обученіи закону вѣры.

Примѣръ Пруссіи въ этомъ отношеніи заманчивъ. Она сдѣлала обученіе евреевъ обязательнымъ въ общехристіанскихъ училищахъ, нисколько не касаясь ихъ религіознаго ученія. Естественнымъ слѣдствіемъ этой мѣры было то, что еврейское юношество получало обще-человѣческое образованіе, постепенно оставило закоснѣлые предразсудки и грубый фанатизмъ, отличающій послѣдователей Талмуда.

По второму вопросу—не пора-ли примѣнить къ еврейамъ общихъ постановленій о домашнемъ воспитаніи, надо замѣтить, что онъ связанъ съ вопросомъ о томъ, имѣется ли достаточное количество образованныхъ еврейскихъ учителей? Очевидно, что у евреевъ, соединяющихъ понятіе ученія съ понятіемъ вѣры, вліяніе этихъ учителей гораздо сильнѣе и реальнѣе, чѣмъ вліяніе нашихъ народныхъ учителей. Удовлетвореніе подобныхъ необходимыхъ учителей должнымъ количествомъ ихъ прямо невозможно, но изъ этого не слѣдуетъ, что можно удовлетвориться ихъ теперешними познаніями, ихъ степенью развитія.

Домашнее воспитаніе.

Пироговъ считаетъ необходимымъ позаботиться объ улучшеніи Талмудъ—Торъ и частныхъ еврейскихъ училищъ. Слѣдуетъ требовать, по его мнѣнію: во 1-хъ, чтобы эти школы подвергались, наряду съ христіанскими, строгому учебному контролю, во—2-хъ, необходимо заботиться о полученіи меньшаго по количеству, но лучшаго по качеству, контингента меламедовъ (учителей) и въ—3-хъ, эти, правильно организованныя, еврейскія училища могутъ служить мѣстомъ образованія для самихъ учителей еврейской грамоты. Меламды, посѣщая эти школы, научатся правильно преподавать еврейскую грамоту и Законъ и правильно выражаться на обще-понятномъ языкѣ. Въ 4-хъ, эти училища послужатъ, въ свою очередь, незамѣтнымъ приготовленіемъ къ вступленію въ высшія еврейскія и христіанскія учебныя заведенія. Въ 5-хъ необходимъ строгій контроль надъ тайными еврейскими школами и т. д.

Не желая утруждать читателя, я не продолжаю далѣе разборъ этой статьи Пирогова, какъ разсматривающей вопросъ о еврейскомъ образованіи слишкомъ детально для неспеціальной статьи.

Во всякомъ случаѣ, уже изложеннаго мною вполне достаточно, чтобы познаться со взглядомъ Пирогова на еврейское образованіе.

Итакъ, мы видимъ, что Пироговъ скорѣе сочувственно относится къ евреямъ вообще и не только не предлагаетъ по отношенію къ нимъ никакихъ репрессивныхъ мѣръ, но, напротивъ, весьма благосклонно смотритъ на необходимость для нихъ широкаго образованія.

Упомяну здѣсь еще нѣсколько словъ о его статьѣ «Одесская Талмудъ-Тора».

Пироговъ указываетъ на удивительныя преобразованія, происшедшія за послѣднее время въ Одесской

Талмудъ-Торѣ. Дѣти, которыя еще недавно были одѣты въ рубища, которыя ѣли черствый кусокъ хлѣба, черезъ короткое время выглядѣли чистыми и опріятными, питались здоровою и обильною пищею, всѣ занятія ихъ ограничивались подстрочнымъ переводомъ съ еврейскаго языка на жаргонъ. Теперь, пишетъ Пироговъ, все это рѣзко измѣнилось: помѣщеніе, ходъ и содержаніе учебныхъ занятій совершенно неузнаваемы.

Пироговъ помѣстилъ туда толковаго учителя и при дружномъ содѣйствіи всего еврейскаго общества, не скупившагося на щедрыя пожертвованія, Талмудъ-Тора совершенно преобразилась. Учатся въ ней до двухсотъ мальчиковъ. Нельзя, по мнѣнію Пирогова, не отмѣтить особенно благопріятныхъ условій, способствовавшихъ столь удачной постановкѣ дѣла въ Одесской Талмудъ-Торѣ.

„Дѣло въ томъ, пишетъ Пироговъ, что для еврея священнѣйшая обязанность—научить грамотѣ своего сына, едва начинающаго лепетать, такъ какъ грамота является для него единственнымъ средствомъ узнать Законъ. Въ понятіи ветхозавѣтнаго человѣка грамота и Законъ сливаются въ одно неразрывное цѣлое. Для него не существуетъ ни споровъ, ни журнальной полемики о томъ, нужно ли еврейскому народу грамота. У него это является убѣжденіемъ, которымъ проникнуто все его существо, у насъ же возможно еще сомнѣніе относительно того, что у еврея составляетъ коренное убѣжденіе».

Изложенныя мысли Пирогова подтверждаютъ вышеприведенный взглядъ на Пирогова, какъ во всякомъ случаѣ на администратора съ весьма передовыми убѣжденіями.

Итакъ, мы постоянно встрѣчаемся съ весьма различными проявленіями политическихъ взглядовъ Пирогова. Въ одномъ случаѣ его взгляды обнаруживаютъ

Внѣшнее противорѣчіе взглядовъ Пирогова.

въ немъ, если судить о нихъ, примѣняя къ нимъ современныя намъ политическія мѣрки, консервативныя воззрѣнія, въ другомъ случаѣ—чисто передовыя, прогрессивныя.

Вотъ почему Пироговъ до сихъ поръ представлялся многимъ его изслѣдователямъ личностью, крайне загадочною, вызывающею о себѣ самыя противоположныя сужденія.

Намъ поэтому представляется возможнымъ примирить эти противоположныя сужденія единственно только при условіи, если мы будемъ разсматривать Пирогова, какъ убѣжденнаго педагога, которому прежде всего важна *педагогическая идея*, которою онъ всегда всецѣло былъ проникнутъ и которую онъ проводилъ въ жизнь.

Для Пирогова всегда была на первомъ планѣ польза дѣла, нравственное вліяніе, оказываемое тѣмъ или инымъ явленіемъ на юношество, а только потомъ уже соображенія, какое впечатлѣніе его распоряженія, его взгляды произведутъ на общественное мнѣніе. Этимъ своимъ свойствомъ характера онъ рѣшительно отличается отъ современныхъ намъ дѣятелей Министерства Нар. Пр., у которыхъ, къ сожалѣнію, вслѣдствіе такъ сильно охватившей современную Россію крайней партійности, за рѣдкими исключеніями, на первомъ планѣ, въ противоположность Пирогову, всегда стоитъ партійный интересъ, желаніе угодить либо правымъ, либо лѣвымъ партіямъ, и даже забота о томъ, какъ посмотреть на ихъ дѣятельность Государственная Дума, а уже гораздо болѣе на второмъ планѣ—забота о проводимой тѣмъ или другимъ распоряженіемъ педагогической пользѣ для молодого поколѣнія. Въ этомъ глубокомъ различіи Пирогова отъ большинства современныхъ намъ педагоговъ и заключается вся величавость его нравственной личности.

ГЛАВА VI.

Итогъ сказанному о педагогическомъ значеніи Пирогова.—Оцѣнка его заслугъ современниками.—Отзывы учениковъ.—Отзывы педагоговъ.—Идеи Пирогова и общество.—Критика Добролюбова.—Еще о розгахъ.—Корпоративное начало.—Попечитель-„миссіонеръ“.—Міръ ребенка.—Отношеніе Пирогова къ современному обществу.—Педагогическая система Н. И. Пирогова.

Подводя итогъ всему сказанному, мы видимъ въ Пироговѣ выдающуюся личность, которая одна среди полнаго безлюдья, среди полной педагогической тьмы, свѣтила истиннымъ свѣтомъ, была доступна всѣмъ и каждому, была настолько глубока, чтобы отвѣтить на всѣ просвѣтительные вопросы современнаго ей общества. Человѣкъ, пріобрѣтшій огромный авторитетъ въ теченіе недолгихъ, къ сожалѣнію, годовъ своей административно-педагогической дѣятельности, Н. И. Пироговъ, былъ дѣйствительно замѣчательной личностью. Нѣтъ положительно ни одного серьезнаго и важнаго педагогическаго вопроса, о которомъ не высказался бы Пироговъ въ той или другой статьѣ. Въ одной изъ его рѣчей на актѣ Ришельевского Лицея 1 сентября 1857 г. Пироговъ говоритъ, что „если цѣлое общество повторитъ многознаменательныя слова, что главная цѣль воспитанія—*сдѣлаться человѣкомъ*, другими словами, съ раннихъ лѣтъ подчинитъ матеріальную сторону жизни нравственной и духовной, то этимъ самымъ оно выразитъ, что воспитаніе для всѣхъ, безъ различія сословія и состояній такъ же необходимо, какъ хлѣбъ и соль, а при такомъ убѣжденіи оно не пощадитъ никакихъ издержекъ для достиженія цѣли, соберетъ капиталъ, учредитъ компаніи для распространенія просвѣщенія, говоря всѣмъ и каждому—„будь человѣкомъ“.

Для достиженія такого идеала нужны, по мнѣнію Пирогова, „серьезный взглядъ на жизнь, полное сознаніе нравственной необходимости воспитанія, содѣй-

ствіе духовное и матеріальное, теплая вѣра въ вѣчную истину и добро“.

Это—*основная его мысль*, проходящая какъ красная нить, черезъ всѣ его педагогическія идеи, тотъ идеаль, къ которому онъ стремился всю жизнь. Эту основную мысль необходимо выдѣлить и поставить въ основаніе всѣхъ его педагогическихъ воззрѣній.

Нераздвоенность души ребенка, искреннее отношеніе къ дѣтямъ — другія основныя педагогическія мысли Пирогова, выраженные въ другой педагогической его статьѣ „Быть и казаться“. „Наша бѣда въ томъ“, замѣчаетъ Пироговъ, „что мы постоянно нарушаемъ гармонію дѣтскаго міра. Мы спѣшимъ ему внушить наши взгляды, наши понятія о жизни, наши свѣдѣнія, пріобрѣтенныя вѣковыми усиліями уже зрѣлаго человѣка“¹⁾.

„Кто же виновать“, спрашиваетъ Пироговъ, если мы такъ рано замѣчаемъ несомнѣнные признаки двойственности души ребенка. Не мы ли сами немилосердно двоимъ ее? Только искренняя любовь къ правдѣ, согрѣваемая съ раннихъ лѣтъ въ ребенкѣ, непринужденность въ откровенности съ наставниками и сверстниками, служатъ залогомъ твердыхъ убѣжденій. Это—тѣ главныя основы человѣческаго воспитанія, которыя могутъ подготовить человѣка къ искренней борьбѣ съ самимъ собою и съ жизнью, безъ которой, конечно, можно образовать искусныхъ артистовъ по всѣмъ отраслямъ нашихъ знаній, но не „настоящихъ людей“. Эти обѣ статьи Пирогова произвели громадное впечатлѣніе на современное ему общество.

О значеніи обѣихъ этихъ статей: „Вопросы жизни“ и „Быть и казаться“ и поводахъ къ ихъ написанію мы подробно писали выше; здѣсь намъ нужно было

¹⁾ См. ст. Пирогова „Быть и казаться“.

только выдѣлать эти двѣ его мысли, какъ *основныя*, легшія въ основаніе всей его педагогической системы.

Заслуги его, какъ педагога, говорилось въ „Современникѣ“, по поводу прощанія его съ Кіевомъ, когда онъ оставлялъ навсегда педагогическое поприще, въ томъ и состоятъ, что „онъ на предметы воспитанія, на которые у насъ обыкновенно смотрятъ равнодушно, нерѣдко даже съ пренебреженіемъ, успѣлъ пробудить общее вниманіе, умѣлъ сдѣлать воспитаніе предметомъ первостатейной важности, умѣлъ уяснить его истинное значеніе и для воспитывающагося юношества и общества“.

Оцѣнка его заслугъ современниками.

Интересны воспоминанія о Пироговѣ, появившіяся въ различныхъ педагогическихъ изданіяхъ. Эти „воспоминанія“ свидѣтельствуютъ о гуманной, свѣтлой личности нашего великаго педагога.

Приведемъ здѣсь только отзывы учениковъ, чаще всего встрѣчавшихъ своего попечителя. Такъ, напр., одинъ одесскій гимназистъ пишетъ о немъ: „ученый человекъ, простой, безъ малѣйшей аффектаціи и дѣланности заслонилъ собою попечителя — начальника. Нисколько не погрѣшая передъ истиной, я могу сказать, вспоминая прошлое, что мы любили этого человека, мы съ свободнымъ, искреннимъ уваженіемъ относились къ нему“.

Отзывы учениковъ

Другой кіевскій гимназистъ пишетъ: „мы въ немъ встрѣчали новаго человека, глубоко образованнаго, ненавидящаго рутину, преданнаго смыслу, а не формѣ — человека, который на своемъ важномъ посту не хотѣлъ быть сановникомъ, не хотѣлъ обращать вниманія на обязательный ритуаль, хотѣлъ дѣлать только одно настоящее дѣло, дѣлать его по убѣжденію, отъ сердца, какъ у насъ дѣлаютъ одни личныя дѣла. Помню, какъ всѣхъ поражала его простота обра-

щенія, его неограниченная доступность, его совсѣмъ неофициальная манера держать себя съ генераль-губернаторомъ, его привычка являться въ университетъ въ пальто съ заложеными въ рукава руками. Мы тотчасъ поняли, что въ Николаѣ Ивановичѣ надо искать человѣка, а не сановника, и какъ горячо полюбили его всѣ, у кого въ мысли и въ сердцѣ жило нѣчто порядочное“.

Отзывы педагоговъ.

Въ короткое, непродолжительное время его управленія обоими округами Пироговъ много содѣйствовалъ чрезвычайному подъему духа во всѣхъ педагогахъ. Живые, горячіе споры на педагогическія темы, впервые практиковавшіеся при Пироговѣ, вызвали приподнятое настроеніе, живой интересъ къ педагогикѣ¹⁾.

Они даже дали сильный толчокъ къ прогрессу педагогическаго дѣла вообще, рутина и формализмъ въ дѣлѣ преподаванія отступили на второй планъ.

Другой педагогъ упоминаетъ: „Пироговъ сразу все поднялъ на ноги. Поднялась такая кипучая дѣятельность въ округѣ, какую едва ли когда былъ до того занять ученый міръ нашъ“²⁾.

Этотъ же самый Богатиновъ обвинялъ Пирогова въ томъ, что онъ не допускалъ сразу суровыхъ наказаній, а требовалъ примѣненія ихъ постепенно.

Впослѣдствіи, въ бытность мою попечителемъ Одесскаго учебнаго Округа, я старался узаконить эти бесѣды въ педагогическомъ обществѣ при Университетѣ въ 1906 и 1907 году, но начало имъ положено было еще Пироговымъ.

Идеи Пирогова и общество.

Педагогическая дѣятельность Пирогова являлась слѣдствіемъ нравственно-философскихъ и педагогическихъ его воззрѣній. Но надо сознаться, что педаго-

1) См. Бобровскій. „Имъ моихъ служебныхъ воспоминаній“.

2) См. „Воспоминанія Богатинова“ Русскій Архивъ 1899 г. кн. 8.

гическія идеи Пирогова далеко не вошли въ сознание современнаго намъ общества и еще менѣе проведены въ нашу жизнь.

Въ своей прощальной рѣчи въ Кіевѣ, о которой я упомянулъ выше, Пироговъ, обращаясь къ студентамъ университета св. Владиміра, между прочимъ, говорилъ: „Я былъ приготовленъ къ тому, что Вы меня не вдругъ поймете, а еще менѣе поймутъ ваши отцы или цѣлое общество. Я зналъ, что истина моихъ убѣжденій разъяснится не разомъ для всѣхъ“. Какъ педагогъ-практикъ, на посту попечителя онъ успѣлъ провести въ жизнь многія изъ своихъ мыслей, но, какъ педагогъ-теоретикъ, онъ мало имѣлъ случаевъ сдѣлаться извѣстнымъ русскому обществу и до сихъ поръ, между тѣмъ педагогическія его сочиненія весьма богаты содержаніемъ.

Точка зрѣнія, съ которой Пироговъ взглянулъ на воспитаніе, была совсѣмъ необычайна. Общество привыкло рѣшать вопросы воспитанія очень просто. Пироговъ же находилъ, что они неминуемо сливаются съ запросами мысли и жизни, съ вопросами: въ чемъ мое назначеніе? для чего я живу? чего я долженъ искать? и т. д.

Пироговъ пишетъ: „самыя главныя основы нашего воспитанія, находятся въ совершенномъ разладѣ съ направлениемъ, которому слѣдуетъ теперь общество.

„Мы—христіане и, слѣдовательно, главной основой нашего воспитанія служитъ Откровеніе. Всѣ мы, съ нашего дѣтства, ознакомились съ мыслию о будущей жизни и должны считать настоящее приготовленіемъ къ будущему. Вникая же въ существующее направленіе нашего общества, мы не находимъ въ его дѣйствіяхъ ни малѣйшаго слѣда этой мысли. Во всѣхъ обнаруженіяхъ практической и даже отчасти умственной жизни общества мы находимъ одно чисто

матеріальное, почти *торговое*, стремленіе, основаніемъ которому служить идея о счастьѣ и наслажденіи въ здѣшней жизни“¹⁾).

Пироговъ на основаніи этого призываетъ къ новой жизни, къ жизни духовной, сознательной. „Пусть“, восклицаетъ Пироговъ, „каждый изъ насъ рѣшить *столбовой* вопросъ жизни: жить совершенствуясь, возвышая духъ до управленія матеріей, а матерію облагораживая до свойства быть управляемой духомъ. Только тотъ, кто въ здѣшней жизни проложилъ себѣ этотъ путь, достигаетъ безсмертія, только онъ одушевится предчувствіемъ, что его ожидаетъ за гробомъ. Кто былъ такъ несчастливъ, не способенъ, лѣнивъ, ничтоженъ, что не хотѣлъ воспользоваться самой высшей способностью человѣка—развивать сознание себя до самопознанія и одерживать черезъ то верхъ надъ матеріей—тотъ долженъ отказаться отъ безсмертія, котораго онъ не въ состояніи былъ предчувствовать. Много званыхъ, мало избранныхъ“!

Критика Добролюбова.

Извѣстно, что „Правила о проступкахъ и наказаніяхъ“, изданныя въ Кіевское попечительство Пирогова, встрѣтили весьма рѣзкую критику въ лицѣ тогдашней либеральной прессы и выдающагося ея лидера — Добролюбова. Тутъ мы опять встрѣчаемся съ тѣмъ же явленіемъ, на которое мы указывали выше. Опять Пироговъ, который высказывалъ весьма либеральныя мысли въ своихъ „Вопросахъ жизни“, предписываетъ весьма не либеральныя мѣры для обузданія провинившихся гимназистовъ. Добролюбовъ поэтому и пишетъ: „Намъ казалось, что прекрасныя педагогическія убѣжденія Пирогова будутъ проводиться имъ и на практикѣ также неуклонно, какъ проводятся въ его статьяхъ. Мы надѣялись, что по

¹⁾ См. „Вопросы жизни“ Пирогова.

своему положенію, находясь въ обстоятельствахъ, сравнительно, очень благопріятныхъ, онъ будетъ въ состояніи весьма близко подойти къ осуществленію своихъ идей о воспитаніи—за свое легковѣріе мы недавно были наказаны горькимъ разочарованіемъ“.

А произошло это кажущееся разногласіе между идеями и дѣйствіями Пирогова потому, что въ „Вопросахъ жизни“ онъ выражалъ свои мысли, какъ философъ, а въ „Правилахъ о проступкахъ и наказаніяхъ“ онъ высказывался, какъ администраторъ-педагогъ, обязанный принимать мѣры для водворенія порядка въ ввѣренныхъ ему учебныхъ заведеніяхъ; другими словами, въ первомъ случаѣ онъ высказывался, какъ теоретикъ-педагогъ, а во второмъ какъ педагогъ-практикъ, дѣйствующій въ реальной дѣйствительности. Но при этомъ Пироговъ добавлялъ: „мы боремся, да и не съ одними предубѣжденіями общества, а и съ самой школой, еще недалеко опередившей общество. Мы боремся, твердо зная, что нравы и ложные взгляды нельзя перемѣнить предписаніями и писанными правилами“. Между тѣмъ, какъ показали опытъ, „Правила о наказаніяхъ“ не только не ухудшили, а напротивъ значительно улучшили воспитательную часть въ гимназіяхъ. Введеніе этихъ „Правиль“ уменьшило слишкомъ въ 20 разъ процентное содержаніе числа тѣлесныхъ наказаній къ числу учениковъ. „Нашъ расчетъ“, какъ пишетъ Пироговъ, „былъ совершенно правиленъ при составленіи „Правиль“, несмотря на кажущуюся ихъ жестокость; намъ удалось введеніемъ ихъ такъ ограничить произволь, опредѣлявшій прежде тѣлесныя наказанія, что въ теченіе одного года число ихъ уменьшилось слишкомъ въ 20 разъ“. Слово замѣнило розги. Главное, что слѣдуетъ пресѣкать,—это *причину* зла. „Дѣйствуя на проступки, мы не всегда еще дѣйствуемъ на пороки,

служащіе имъ основаніемъ. Наши дѣйствія можно назвать болѣе палліативнымъ, нежели радикальнымъ лѣченіемъ. Корень зла и послѣ наказанія за вину еще остается въ душѣ виновнаго“.

Еще о розгахъ.

Сохраненіе розогъ Пироговъ оправдывалъ слѣдующими соображеніями: употреблять это средство слѣдуетъ съ крайней осторожностью и только тамъ, гдѣ позорная вина требуетъ быстрого, сильнаго и мгновеннаго сотрясенія. Но это сотрясеніе тогда только можетъ достигнуть своей цѣли, когда оно будетъ употреблено *рѣдко*, но безотлагательно, слѣдуя непосредственно за проступкомъ, очевидность котораго не подлежитъ никакому сомнѣнію“.

Пироговъ, какъ мы говорили, ввелъ по Кіевскому округу „Правила о проступкахъ и наказаніяхъ учениковъ гимназій“. Этими правилами онъ, уменьшивъ число наказаній, осудилъ принципиально тѣлесныя наказанія, какъ имѣющія *только устрашающій характеръ* и уничтожающія человѣческое достоинство. „Чувство стыда“, пишетъ Пироговъ по поводу тѣлесныхъ наказаній, — „это такой нѣжный, оранжерейный цвѣтокъ, который разомъ завянетъ, когда побываетъ въ грубыхъ рукахъ“.

Н. И. Пироговъ вообще критически относился къ опредѣленіямъ Пед. Сов., касающимся наложенія наказаній на учениковъ.

Въ одномъ изъ своихъ циркуляровъ по Кіевскому округу онъ пишетъ: „*по правиламъ здоровой педагогики* характеръ наказанія всегда долженъ сколько возможно болѣе соответствовать характеру самихъ проступковъ. Въ одномъ случаѣ, напр., Пед. Сов. гимназій за воровство ученика перевелъ его въ низшій классъ. „Гдѣ тутъ соответствіе“? спрашиваетъ Пироговъ. Или наказаніе розгами за лѣность—это, по мнѣнію Пирогова, остатокъ *рутинной* методы воспитанія. Онъ считалъ,

какъ мы видѣли, розги совершенно излишними въ дѣлѣ общественнаго образованія, хотя они — *зло, покуда неизбѣжное*.

Во времена Пирогова не существовало, повидимому, никакой *опредѣленной системы наказанія*. Пироговъ собралъ особый комитетъ при округѣ, для обсужденія этого вопроса, послѣ чего онъ пишетъ: „надѣюсь, что тщательное обсужденіе системъ наказанія, предпринятое мною въ Комитетѣ, распространить болѣе здравое понятіе и прекратить произволь въ дѣлѣ столь важномъ въ вопросѣ общественнаго воспитанія. Пироговъ стоялъ вообще за корпоративное начало, предписывая ему распространеніе чувства законности и нравственной связи между учащимися и воспитывающимъ ихъ заведеніемъ.

Пироговъ скорбитъ о томъ, что между наставниками и учениками встали начальники учебныхъ заведеній и тѣмъ *органическая связь* между ними нарушилась.

Чувство законности было сильно потрясено произволомъ. Недовѣріе къ справедливости гимназическаго начальства глубоко вкралось въ убѣжденія учениковъ и тѣмъ окончательно испортило ихъ взаимныя отношенія.

Пироговъ вытребовалъ свѣдѣнія изъ отдѣльныхъ гимназій Кіевскаго учебнаго округа о количествѣ учениковъ, подвергавшихся тѣлеснымъ наказаніямъ и оказалось, что наибольшее число ихъ падаетъ на Пкіевскую гимназію и на житомирскую. „Неужели спрашиваетъ онъ нравственное развитіе этихъ учениковъ настолько пало по сравненію съ ихъ сверстниками другихъ гимназій? Ясно, что тутъ была другая причина — полный произволь начальства: за проступокъ, за который одинъ директоръ наказываетъ тѣлеснымъ наказаніемъ, другой наказываетъ слабо; при такой

системѣ нельзя развивать чувство законности въ учащихся. Они непременно придуть къ заключенію, что дѣйствіями начальства управляетъ не законъ, а случай, капризъ, произволь и пристрастіе, а это, въ свою очередь, развиваетъ произволь и капризъ въ воспитанникѣ“. „Прислушиваясь къ говору учениковъ, не только не слышишь, пишетъ Пироговъ, о сердечной привязанности ихъ къ наставникамъ, но, напротивъ, узнаешь, что не существуетъ у нихъ и довѣрія къ ихъ справедливости, а при такомъ положеніи вещей естественно не можетъ быть и рѣчи объ отеческихъ отношеніи директоровъ, инспекторовъ большихъ учебныхъ заведеній къ воспитанникамъ“.

Думать о такихъ идеальныхъ отношеніяхъ — значило бы, по мнѣнію Пирогова, фарисействовать.

На увольненіе ученика изъ учебнаго заведенія Пироговъ смотрѣлъ, какъ *на гласное сознаніе* со стороны воспитателей, что они не въ силахъ исправить преступнаго ученика, но при этомъ Пироговъ не смотрѣлъ слишкомъ пессимистично на дѣтскую природу. „Добро и зло“, писалъ онъ, „довольно уравновѣшены въ насъ. Нѣтъ никакой причины думать, чтобы наши врожденныя склонности и темпераментъ влекли насъ болѣе къ худому, чѣмъ къ хорошему“.

Міръ ребенка.

„Воспитаніе ребенка“, по мнѣнію Пирогова, „есть очень сложный нравственно-физическій экспериментъ“, какъ онъ выразился во введеніи къ „правиламъ“.

При появленіи Пирогова на педагогической аренѣ, то есть, въ концѣ 50-хъ гг. прошлаго столѣтія, въ русской школѣ господствовалъ настоящій хаосъ.

Съ другой стороны, и общество не могло оказывать въ просвѣтительныхъ цѣляхъ никакой поддержки школѣ; оно недостаточно объективно дѣйствовало; оно стремилось сдѣлать школу орудіемъ постороннихъ для школы цѣлей и цѣлей чисто практическихъ.

Во времена Пирогова педагогика, какъ наука, конечно, еще не существовала.

Благодаря своему чутью и своей проницательности, онъ, тѣмъ не менѣе, многое провидѣлъ и сталъ на правильный путь въ педагогикѣ.

„Я не сомнѣваюсь“, писалъ Пироговъ, „что у ребенка есть свой міръ, отличный отъ нашего. Онъ живетъ въ собственномъ своемъ мірѣ, созданномъ его духомъ, и дѣйствуетъ, слѣдуя за законами этого міра. Чтобъ судить о ребенкѣ справедливо и вѣрно, намъ нужно не переносить его изъ его сферы въ нашу, а самимъ переселиться въ его духовный міръ“. „Мы, взрослые, безпрестанно нарушаемъ гармонію дѣтскаго міра. Мы, насильственно врываясь въ него, переносимъ ребенка на каждомъ шагѣ къ себѣ, въ нашъ свѣтъ. Мы спѣшимъ ему внушить наши взгляды, наши понятія, наши свѣдѣнія, пріобрѣтенныя вѣковыми усиліями уже зрѣлаго человѣка. Мы отъ души восхищаемся нашими успѣхами, полагая, что ребенокъ насъ понимаетъ, и сами не хотимъ понять, что онъ понимаетъ насъ *по-своему*“.

„Что можетъ быть поучительнѣе, что выше, что святѣе духовнаго сближенія съ этимъ Божьимъ чуднымъ дѣтскимъ міромъ“, восклицаетъ Пироговъ. „Кому не весело помолодѣть душою? О, если бы всѣ родители и педагоги по призванію вошли въ этотъ таинственно-священный храмъ еще дѣвственной души человѣка! Сколько новаго и неразгаданнаго еще узнали-бы они! Какъ обновились бы, какъ поумнѣли-бы сами!“

По отношенію къ отдѣльнымъ предметамъ онъ находилъ нежелательнымъ методъ преподаванія Закона Божія въ средней школѣ. „Оно недостаточно направлено, преимущественно въ низшихъ классахъ, на сердце и нравственность учащихся и дѣйствуетъ на душу дѣтей не живящимъ словомъ, а только *буквою*“.

„Если мы желаемъ воспитать новое поколѣніе болѣе твердымъ, мы должны безпрестанно обращаться къ тому, что въ человѣкѣ сильнѣе ума“. „Не забудемъ, прибавляетъ Пироговъ, что умъ можетъ и заблуждаться и сомнѣваться, но въ сердцѣ нашемъ есть что-то иное, что нерѣдко заблуждается, но уже никогда не сомнѣвается“.

Корпоративное
начало.

Пироговъ указывалъ на дурныя послѣдствія отсутствія корпоративнаго начала: „Духъ товарищества, не получавшій правильнаго, естественнаго развитія, питаемый ложными понятіями о долгѣ и чести, легко можетъ обратиться въ стремленіе общими усиліями обмануть начальство, во что бы то ни стало отстоять товарища и такимъ образомъ становится извѣстною силою въ противодѣйствіе начальству“ ¹⁾. Это все есть неизбежное проявленіе въ молодежи чувства общности;— правильно развиваемое, оно становится благодѣтельнымъ факторомъ и, наоборотъ, можетъ стать весьма вреднымъ въ педагогическомъ отношеніи. Духъ корпораціи, неправильно понятой, можетъ повредить чувству законности“.

Характерна въ этомъ случаѣ его слѣдующая замѣтка: „мнѣ кажется, что гораздо безвреднѣе для нравственности общества естественное проявленіе корпоративнаго духа *правильно организовать и подчинить законному надзору*, нежели, закрывъ глаза, признать ихъ какъ бы не существующими. „Эта истина далеко еще не сознается и въ настоящее время. Мы видимъ опять, какъ Пироговъ опередилъ своихъ современниковъ въ своихъ педагогическихъ воззрѣніяхъ. Онъ по тогдашнему времени и даже по настоящему—является крайнимъ прогрессистомъ.

Развивая далѣе свою мысль, Пироговъ въ пяти высшихъ классахъ ввелъ даже товарищескій судъ въ

¹⁾ См. Стоюнина „Задачи Пирогова“.

видъ опыта, причемъ добавилъ: „когда дѣло нашего воспитанія такъ ненормально, какъ оно есть теперь, то опыты дозволены“. Онъ рассчитывалъ этимъ товарищескимъ судомъ уничтожить между прочимъ и незаконное и произвольное самоуправство между учениками. Наказанія, налагаемые этимъ судомъ, заключались, главнымъ образомъ, въ томъ, что виновный долженъ былъ публично извиниться передъ тѣмъ, кого онъ обидѣлъ.

Наконецъ, Пироговъ дѣйствовалъ на молодежь *убѣжденіями*, а не *одними приказаніями*, что давало ему возможность, какъ мы уже видѣли, сказать, что „попечитель не столько начальникъ, сколько миссіонеръ“. „Я не приказывалъ“, добавляетъ онъ, „а убѣждалъ, потому что заботился не о внѣшности, а о чувствѣ долга, которое признавалъ въ молодежи такъ же, какъ и всѣ другія стремленія духа. Я твердо вѣрилъ, что одно взаимное довѣріе и примѣръ водворятъ законность и порядокъ“.

Попечитель—„миссіонеръ“.

Въ воспитаніи, по убѣженію Пирогова, все должно быть прямо, открыто, гласно¹⁾. „Я положилъ себѣ за правило при первомъ моемъ вступленіи на кафедру ничего не скрывать отъ моихъ учениковъ и если не сейчасъ-же, то потомъ и немедля открывать, сдѣланную мною, ошибку, будетъ ли она въ діагнозѣ или въ лѣченіи болѣзни“¹⁾. Вотъ что онъ говорилъ о самомъ себѣ.

Несомнѣнно одно, что тайна нравственнаго вліянія на молодежь, оказываемаго Пироговымъ, заключалась въ самой его личности.

Извѣстно, что благоговѣніе профессора передъ наукой придаетъ громадную силу вліянію профессора на молодежь.

Кіевскій психіатръ проф. И. А. Сикорскій пишетъ:

¹⁾ Извѣстно, что эти слова выгравированы на памятникѣ Пирогову въ Москвѣ.

„то, чего не сдѣлаетъ обыкновенный профессоръ, сдѣлаетъ убѣжденный человѣкъ науки; въ наше время необходимо вступить на этотъ путь, уже проверенный опытомъ Пирогова. Иного пути нѣтъ и не можетъ быть“¹⁾).

Пироговъ не понималъ *духовной борьбы* иначе, какъ *уважая* личность своего противника *не меньше, чѣмъ самого себя*. Онъ построилъ педагогическую проблему на психологическомъ фундаментѣ. Вопросы психологіи и педагогики наполняютъ его попечительскіе циркуляры,—что, какъ мы видѣли, и послужило оживленіемъ Педагогическихъ совѣтовъ въ его округѣ.

Современную ему толпу, то есть, общественное мнѣніе, Пироговъ рисовалъ въ слѣдующихъ непривлекательныхъ краскахъ. Толпа разсуждаетъ слѣдующимъ образомъ: „Не слѣдуетъ вообще ни говорить, ни толковать о томъ, что необъяснимо, ибо это,—по меньшей мѣрѣ,—потеря времени. Счастье человѣка—у него подъ руками, не ищите его гдѣ-то далеко. Въ сомнительныхъ случаяхъ слѣдуетъ выбирать то, что *выгоднѣе*. Каждый пусть спасается на свой ладъ. Объ убѣжденіяхъ не слѣдуетъ спорить. О томъ, что дѣлать, чтобы быть счастливымъ, думать можно что угодно и какъ угодно, но только необходимо строго соблюдать приличія и умѣть съ людьми уживаться. Излишнее рвеніе всегда вредно; говорить слѣдуетъ, чтобы скрывать свои мысли. Если не хотите служить ослами другимъ, сами ѣздите верхомъ на другихъ“ и т. д. Вотъ, какая *практическая*, философія господствовала, по словамъ Пирогова, въ современномъ ему обществѣ. Безотрадный взглядъ на жизнь выражался въ слѣдующихъ его словахъ: „Бѣлка въ колесѣ, вы забавны, думая, что бѣжите впередъ; не зная, откуда взялись, вы умрете, не зная зачѣмъ жили“.

Отношеніе Пирогова къ современному обществу.

¹⁾ См. И. А. Сикорскій—„Психологическія основы воспитанія“.

Съ пользою и успѣхомъ вести съ раннихъ лѣтъ внутреннюю борьбу, неминуемо насъ ожидающую, борьбу съ пороками человѣчества — это и дѣлаетъ насъ, по мнѣнію Пирогова, *людьми*. Современная ему школа имѣла преимущественную цѣль — *практическое образованіе*, а не подготовку къ той борьбѣ, которая неминуемо ожидаетъ ученика при вступленіи въ жизнь и эта подготовка должна начинаться съ ранняго возраста. „Никогда, по мнѣнію Пирогова, не ощущалась такая нужда въ общечеловѣческомъ образованіи“.

„Всѣ, готовящіеся быть полезными гражданами, должны, по Пирогову, сначала научиться быть людьми“. Это былъ идеаль *человѣка — гражданина*, связаннаго съ интересами родной страны, съ ея процвѣтаніемъ и съ работою на ея пользу¹⁾).

Теперь мы можемъ подвести итоги его системѣ, его педагогическому міровоззрѣнію.

Педагогическая система Н. И. Пирогова.

Это, во-первыхъ, школа и жизнь — одно неразрывное цѣлое.

Во-вторыхъ, главная задача воспитанія — *приготовить людей, гражданъ*.

Въ третьихъ, необходимо изучать дѣтскую душу, она есть храмъ, куда слѣдуетъ входить съ благоговѣніемъ.

Въ четвертыхъ, обученіе должно вносить воспитательный элементъ въ школу, оно не только образуетъ, *но и воспитываетъ*.

Въ пятыхъ, необходимо развить чувство законности въ школѣ.

Въ шестыхъ, нужно приучать учениковъ къ вниманію и самостоятельному труду.

Въ седьмыхъ, громадное вліяніе *факта* въ жизни.
Въ восьмыхъ, значеніе нравственнаго воздѣйствія и *убѣжденія* на молодежь.

¹⁾ Эта мысль развита у Стоюнина въ его статьѣ „Задачи Пирогова“.

Пироговъ сказалъ могучее слово въ русской педагогикѣ. Наслѣдство, оставленное имъ, велико.

Къ сожалѣнію, его принципы и до сихъ поръ остаются лишь неосуществленною мечтой.

Личность Пирогова, какъ педагога, намъ кажется достаточно выясненной. Такъ какъ въ настоящемъ изслѣдованіи мы разсматриваемъ его исключительно, какъ педагога, поэтому мы не останавливались на другихъ сторонахъ его дѣятельности.

ГЛАВА VII.

Дневникъ стараго врача.

Значеніе автобіографій. Дѣтство. Вниманіе въ дѣлѣ образованія. Самостоятельность и немощь духа у дѣтей. Впечатлѣнія дѣтства. Въ школѣ. Иностранные языки. Значеніе религіознаго воспитанія. Религіозныя идеи Н. И. Пирогова. Значеніе христіанства. Въ университетѣ. Политическія событія и отношеніе къ нимъ. Мысли о революціонныхъ переворотахъ. Занятія медициной. Въ Дерптѣ. За-границей. На ка-
едрѣ хирургіи.

Самымъ крупнымъ по размѣрамъ сочиненіемъ Н. И. Пирогова является: „Дневникъ стараго врача“.

Къ заголовку „Дневника стараго врача“ Пироговъ прибавилъ слѣдующія слова: „писанный исключительно для самого себя, но не безъ задней мысли, что, можетъ быть, прочтетъ его когда-нибудь и кто другой“.

Онъ охватываетъ время отъ 5-го ноября 1879 г. до 22-го октября 1881 г.

Въ „Дневникѣ“, кромѣ философскихъ и общественныхъ темъ, помѣщается въ значительной степени автобіографія Пирогова и, соприкасающаяся съ нею, исторія послѣднихъ лѣтъ его жизни, причемъ послѣднія страницы рукописи носятъ всѣ признаки предсмертныхъ его страданій, слова не всегда дописаны и потому рукопись разбирается съ трудомъ, послѣдняя фраза „Дневника“ осталась даже не дописанной.

Онъ доставленъ былъ вдовою Николая Ивановича Александрой Антоновной Пироговой и ея сыновьями въ редакцію „Русской Старины“. „Дневникъ“ не дѣлится ни на части, ни на главы, но представляетъ одинъ сплошной текстъ.

Правда, этотъ дневникъ не является *педагогическимъ*, въ узкомъ смыслѣ этого слова, сочиненіемъ, но думаемъ, что онъ все же интересенъ и для педагога,

поскольку въ немъ находимъ автобіографію великаго педагога.

Разборомъ этого „Дневника“ мы и закончимъ наше изслѣдованіе.

Въ началѣ нашей книги помѣщенъ очень удачный портретъ Пирогова, заимствованный мною изъ „Русской Старины“.

Значеніе автобіографій.

„Отчего такъ мало автобіографій, отчего такъ мало къ нимъ довѣрія?“ спрашиваетъ Пироговъ. „Между тѣмъ нѣтъ предмета, болѣе достойнаго вниманія, какъ знакомство съ внутреннимъ бытомъ каждаго мыслящаго человѣка. Глубокій интересъ заключается для каждаго изъ насъ въ сравненіи собственнаго міровоззрѣнія со взглядами, руководившими другого, намъ подобнаго, но издавна *принято узнавать о другихъ черезъ другихъ*“.

„Собственные взгляды на самого себя мало внушаютъ почему-то довѣрія“.

При этомъ Пироговъ приводитъ въ примѣръ врача, который при діагнозѣ руководствуется не разказами больного, а объективными признаками, тѣмъ, что самъ видитъ, слышитъ и осязаетъ. „Моя автобіографія“, пишетъ Пироговъ, „должна разобрать мои дѣйствія, ихъ мотивы, мое міровоззрѣніе того времени, когда я дѣйствовалъ“. Однако бываетъ, что наши дѣйствія зачастую противорѣчатъ нашимъ собственнымъ міровоззрѣніямъ, вѣрованіямъ и убѣжденіямъ.

„Критическій анализъ собственныхъ дѣйствій и ихъ мотивовъ, столь трудный для насъ самихъ, неужели онъ доступнѣе для другихъ, вовсе незнакомыхъ съ нашимъ внутреннимъ бытомъ? Правда, прибавляетъ Пироговъ, что иногда посторонній намъ человѣкъ вѣрнѣе насъ самихъ можетъ угадать, почему мы въ данномъ случаѣ поступили такъ или иначе, правда, что мы не судьи самихъ себя. Но если принципъ

„никто не можетъ быть собственнымъ судьей“ и вѣренъ, то онъ относится только до правды *внѣшней*, юридической, но для *внутренней* правды нѣтъ другихъ болѣе вѣрныхъ и компетентныхъ судей, чѣмъ мы сами. Отдѣльные случаи лжи и притворства ничего не значать“.

„Въ извѣстные моменты лгунъ и притворщикъ дѣлаются болѣе способными сказать о себѣ слово правды, чѣмъ вполнѣ правдивые люди—такова, богатая противорѣчїями, наша жизнь“. „Но для чего“, спрашиваетъ Пироговъ, „пишу я все это? По совѣсти—въ эту минуту—только для самого себя. При этомъ, хотя я и рѣшился при жизни о себѣ ничего не издавать, я не прочь, чтобы мои записки читались, когда меня не будетъ на свѣтѣ, и другими и это не потому, чтобы я боялся при жизни подвергнуться критикѣ, осмѣянію или быть нечитаннымъ, хотя я не мало самолюбивъ“, замѣчаетъ о себѣ Пироговъ, „и не безразлично отношусь къ похвалѣ, но какъ „*самотѣ*“, какъ величалъ себя Пироговъ, „знаю, что нельзя быть совершенно откровеннымъ съ самимъ собою даже, когда живешь въ самомъ себѣ, такъ сказать нараспашку“.

Апостолъ Павелъ, пишетъ Пироговъ, уже давно замѣтилъ, что „не хочешь дѣлать зла, а дѣлаешь его, не желая“.

Цѣль Пирогова была для *самого себя* и *съ самимъ собою* разсмотрѣть свою жизнь, подвести итоги своимъ стремленїямъ и міровоззрѣнїямъ, („ихъ было нѣсколько“, по замѣчанію Пирогова), разобрать мотивы своихъ дѣйствїй. „Главное затрудненїе“, пишетъ Пироговъ, „заключается въ томъ, чтобы захватить главную черту, главную суть моего настоящаго міровоззрѣнїя. Это дѣло не легкое. Надо прослѣдить красную нить черезъ путаницу переплетенныхъ между собою сомнѣнїй и противорѣчїй, возникающую всякій разъ,

какъ только захочешь сдѣлать для себя руководящую нить болѣе ясною“.

Предисловіе къ этому „Дневнику“ составляетъ внутренній анализъ, который производитъ Пироговъ надъ своею личностью, надъ своими самыми сокровенными мыслями, надъ своимъ внутреннимъ „Я“, обнажая передъ читателемъ самыя сокровенныя тайны своей души и въ этомъ—весь интересъ этого „Дневника“. Мы видимъ, что содержаніе этого вступленія, которое онъ называетъ — „бесѣдою съ самимъ собою“ (отъ 1-й примѣрно до 88-й стр.), чисто философское, внѣ пространства и времени. Вначалѣ каждая отрывка помѣщены только метеорологическія наблюденія и свѣдѣнія о погодѣ и температурѣ даннаго дня, когда Пироговъ писалъ отрывокъ своего „Дневника“. Это—рядъ наблюденій надъ его внутреннимъ міромъ, тончайшій, беспощадный анализъ его міровоззрѣнія и вѣчныхъ его душевныхъ колебаній и сомнѣній;—все это самоиспытаніе основано на латинской мысли—„*cogito* или въ перифразѣ Пирогова *sentio ergo sum*“.

Дѣтство.

Пироговъ начинаетъ свою автобіографію съ момента рожденія, то-есть съ 13-го ноябрѣ 1810 года.

Воспоминанія о ранней молодости соединялись у Пирогова съ представленіемъ о какой-то громадной свѣтлой звѣздѣ. Вѣроятно, это была дѣтская галлюцинація, какъ слѣдствіе рассказовъ, слышанныхъ имъ еще ребенкомъ о кометѣ 1812 года, которую онъ дѣйствительно видѣлъ во время бѣгства его родителей изъ Москвы во Владимірѣ.

Когда ему было 4—6 лѣтъ, его родители жили въ Москвѣ. Научился онъ читать по военнымъ карриатурамъ, выходявшимъ послѣ войны 1812 года, когда ему было 6 лѣтъ—въ 1816 г. Это изученіе грамоты по карриатурамъ, разумѣется, не рекомендуется здра-

вой педагогикой, но эти памфлеты на Наполеона и Французовъ развили въ немъ патріотическое чувство съ раннихъ лѣтъ и дали ему извѣстное направленіе, оставшееся на всю жизнь.

Это патріотическое настроеніе не утратилось въ немъ и позднѣе, когда въ возрастѣ отъ 17 до 30 лѣтъ онъ жилъ среди чуждой ему народности въ Дерптѣ. Въ противномъ случаѣ, при отсутствіи этихъ патріотическихъ задатковъ, запавшихъ въ его душу въ исключительную патріотическую эпоху первой отечественной войны еще въ самые ранніе годы, Пироговъ по собственному призванію сталъ бы космополитомъ. У него, какъ онъ, пишетъ, „очень рано развилась вмѣстѣ съ сочувствіемъ къ родинѣ какая-то неодолимая брезгливость къ національному хвастовству, ухарству и шовинизму“. Эту черту мы замѣчаемъ очень наглядно и во всемъ его міровоззрѣніи впослѣдствіи, когда онъ писалъ свои педагогическія статьи.

Отецъ его служилъ казначеемъ въ Московскомъ казенномъ депо, былъ хорошимъ юристомъ, получалъ, по тогдашнему времени, хорошее содержаніе, жили они вообще не бѣдно.

Для исторіи развитія міровоззрѣнія весьма важны по мнѣнію Пирогова, воспоминанія дѣтства, нужно прослѣдить, какія преимущественно впечатлѣнія оставили наиболѣе сильныя слѣды въ памяти, какія занятія наиболѣе нравились, какія книги, какія происшествія наиболѣе интересовали, волновали, какъ дѣйствовала окружающая природа и общество окружающихъ людей и насколько все это производитъ въ настоящее время, на старости лѣтъ, другое впечатлѣніе?

„Съ годами“, пишетъ Пироговъ, „мы ясно чувствуемъ, что мы уже не тѣ, что были раньше“. Но что странно, замѣчаетъ Пироговъ, — „это удивительное

ощущеніе торжества нашего „я“ въ различныхъ нашихъ положеніяхъ, съ разными даже противоположными, чувствами, убѣжденіями и взглядами на себя, на жизнь, на все окружающее“.

„Дѣтство, пишетъ Пироговъ, оставило по себѣ одни пріятныя впечатлѣнія“.

Вниманіе въ дѣлѣ
образованія.

Пироговъ указываетъ на то, что нерѣдко самыя ничтожныя впечатлѣнія остаются въ памяти на всю жизнь, тогда какъ очень сильныя—совершенно пропадаютъ безслѣдно оттого, что мы не умѣли сосредоточить на нихъ вниманія. Поэтому такъ важно въ дѣлѣ образованія вниманіе. Большое мѣсто уделяетъ ему Пироговъ въ педагогикѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Пироговъ приходитъ къ кажущейся намъ оригинальной мысли,—что наглядность обученія сама по себѣ, безъ умѣнія обращаться съ нею, ничего не можетъ создать, вслѣдствіе отсутствія у насъ традицій образованія; у евреевъ же, у которыхъ вмѣстѣ съ традиціей существуетъ единеніе религіи съ грамотой,—наглядность обученія приноситъ замѣтные результаты. „Мы же, по мнѣнію Пирогова,—народъ, еще только вступающій на культурную почву“.

Пироговъ заявляетъ, что при его воспитаніи если бы обратили больше вниманія на развитіе въ немъ внимательности, онъ сдѣлался бы совершенно другимъ человекомъ. „Если эта внимательность въ раннемъ дѣтствѣ бываетъ заглушена беспорядочнымъ, „тумулярнымъ“ наплывомъ впечатлѣній, то ничего путнаго не выйдетъ“. Внимательность есть особое состояніе напряженія тѣхъ элементовъ мозга, которыми воспринимаются, приносимыя органами чувствъ, впечатлѣнія. Культура дѣлаетъ менѣе одностороннимъ это напряженіе. Довольно раннее обученіе грамотѣ при пособіяхъ *наглядности*—самое надежное средство къ правильному развитію внимательности. Это будетъ не

одностороннее развитие, при немъ въ одинаковой мѣрѣ участвуетъ и глазъ и ухо, и осязаніе, самое слово, пріобрѣтенныя этимъ способомъ впечатлѣнія и остаются у насъ на всю жизнь.

Пироговъ высказывается противъ Фребелевской системы, противъ насильнаго принужденія дѣтей играть въ опредѣленные часы въ опредѣленныя игры, противъ насильнаго осмысленія каждой игры,—что совершенно лишаетъ ребенка всякой самостоятельности, всякой свободы дѣйствій и это есть *немоць духа* по Пирогову, односторонность его стремленій на пути прогресса.

Самостоятельность
и немоць духа у
дѣтей.

Интересно замѣчаніе Пирогова по этому поводу: „конечно, общество, приготовляющее себя къ соціальному перерожденію, не можетъ не увлекаться воспитаніемъ, обѣщающимъ сдѣлать изъ людей манекеновъ свободы“.

Вездѣ, начиная *отъ моды* и доходя до *фанатизма*, мы находимся подъ вліяніемъ этой *немоци духа*. Мы не должды слишкомъ довѣрять нашему, всегда одностороннему, прогрессу. Надо помнить, что одно направление истины всегда смѣняется другимъ, нерѣдко совершенно противоположнымъ“.

„Реакція и въ политикѣ, и въ наукѣ, въ искусствѣ, и жизни,—всегда необходимое зло и неизбежное слѣдствіе *немоци духа*“. Пироговъ проживъ до 70 лѣтъ,—что составляетъ по его замѣчанію одинъ мигъ въ исторіи человѣческаго прогресса,—сколько пережилъ системъ въ дѣлѣ воспитанія и медицины! Каждое изъ этихъ проявленій односторонности ума волновало современниковъ, каждое изъ нихъ сходило со своего пьедестала, уступая свое мѣсто другому, такому же одностороннему“.

У насъ замѣчаетъ Пироговъ, у кого нѣтъ традицій воспитанія, нѣтъ и продолжительности въ какой

нибудь системъ воспитанія, не то у евреевъ и на западѣ. Вслѣдствіе отсутствія развитія внимательности въ дѣтскомъ возрастѣ у Пирогова, онъ, отъ природы любознательный и трудолюбивый, не приобрѣлъ тѣхъ знаній, которыя ему впослѣдствіи были крайне необходимы.

Впечатлѣнія дѣтства.

Всякое событіе, выходящее изъ ряда вонъ во время его ранней молодости, въ до—школьный періодъ оставляло на немъ глубокое впечатлѣніе и надолго. Такъ напр., въ своемъ „Дневникѣ“ онъ упоминаетъ объ игрѣ въ лѣкари въ подражаніе, посѣтившему его семью, доктору Мухину, извѣстному въ то время специалисту по внутреннимъ болѣзнямъ, вылѣчившему его больного брата. Эта игра, быть можетъ, впервые натолкнула Пирогова на сдѣлавшуюся впослѣдствіи знаменитую спеціальность врача. Впечатлѣніе неоднократно повторенное, было такъ глубоко, что послѣ излѣченія брата онъ сталъ продѣлывать всѣ манипуляціи доктора Мухина, ставшаго въ его воображеніи высокимъ идеаломъ, вылѣчившаго человѣческаго страданія, лѣкаря. Въ этомъ выражалось только дѣтское поклоненіе уважаемому лицу, но это является выдающеюся чертой дѣтской психологіи.

Также описываетъ Пироговъ, произведенное имъ у знакомыхъ, подражаніе камнесѣченія, при которомъ ему пришлось присутствовать въ клиникѣ. Эти подражательныя дѣйствія очень естественны въ юношескомъ возрастѣ, при возбужденномъ интересѣ къ опредѣленной спеціальности.

Пироговъ ставитъ ихъ въ параллель съ происходящими у католиковъ представленіями въ лицахъ изъ жизни Спасителя, съ различными сценами изъ библейской исторіи, до сихъ поръ разыгрываемыми евреями въ праздникъ Аммона.

Въ школѣ.

Онъ поступилъ въ школу 11—12 лѣтъ. Онъ поступилъ сначала въ одинъ частный пансіонъ. Учителя

были у него не плохіе, но онъ жалуется на чрезмѣрное количество преподававшихся ему одновременно предметовъ, что значительно мѣшало ему сосредоточиться на изученіи каждаго въ отдѣльности. Онъ замѣчаетъ, между прочимъ, что если бы ему не приходилось одновременно изучать извлеченіе корней и алгебру и геометрію, то онъ, какъ обладавшій математическою жилкой, могъ бы очень успѣвать въ математикѣ.

Въ особенности, по мнѣнію Пирогова, слѣдуетъ быть осторожнымъ съ преподаваніемъ алгебры—чисто отвлеченнаго предмета, не допускающаго воздѣйствія словомъ на внимательность ученика. Онъ указываетъ на цѣлый рядъ промаховъ въ преподаваніи различныхъ предметовъ въ этомъ пансіонѣ. Останавливаться на нихъ здѣсь нѣтъ никакой возможности, да они, разумѣется, и несущественны для характеристики міровоззрѣнія Пирогова.

Пироговъ наполняетъ, конечно, свой „Дневникъ“ воспоминаніями о пребываніи въ пансіонѣ Кряжова характеристикой различныхъ преподавателей, съ которыми ему приходилось имѣть дѣло. Этотъ пансіонъ посѣщали преимущественно дѣти состоятельныхъ родителей. Знаніе въ немъ новыхъ языковъ было выше средняго. По поводу преподаванія математики онъ считаетъ, что математика такая наука, склонность и способность къ которой не всегда развивается съ раннихъ лѣтъ; ея изученіе требуетъ особаго рода *внимательности*, поэтому разсѣянные дѣти съ трудомъ усваиваютъ уроки математики при массѣ самаго разнообразнаго учебнаго матерьяла въ младшихъ классахъ. Интересно одно наблюденіе, сдѣланное Пироговымъ. Извѣстно, что чувственная внимательность въ раннемъ возрастѣ естественно обращена на ближайшіе предметы, окружающіе ребенка, между тѣмъ, развивающееся воображеніе привлекаетъ его въ

отдаленное пространство и время, то-есть, въ недѣйствительность, такимъ образомъ происходитъ своего рода антагонизмъ между двумя влеченіями или токами вниманія.

Съ одной стороны привлекаетъ ребенка окружающій его міръ, съ другой стороны *слово* увлекаетъ его въ далекія страны и въ давно прошедшія времена—вонъ изъ окружающей его дѣйствительности.

Не слѣдуетъ чрезмѣрно напрягать его вниманіе ни въ одну изъ этихъ сторонъ въ этотъ періодъ его духовнаго роста—это значило бы мѣшать его естественному развитію. Вѣрно сказанное слово можетъ имѣть вліяніе на всю послѣдующую жизнь. По этому случаю Пироговъ приводитъ впечатлѣніе, вынесенное имъ изъ уроковъ литературы преподавателя Войцеховича.

Иностранные языки.

Интересенъ взглядъ Пирогова на разговорный иностранный языкъ въ младшемъ возрастѣ. Онъ считаетъ, что прямо нелѣпо научать дѣтей говорить, значить *мыслить* на иностранномъ языкѣ,—это мѣшаетъ развитію мысли на отечественномъ языкѣ.

„Мыслить, пишетъ Пироговъ, на винигретѣ двухъ или трехъ языковъ—для этого нужно знать эти языки съ пеленокъ, знать ихъ, какъ свой родной, какъ изучаешь языкъ нужный, какъ единственное средство къ приобрѣтенію необходимаго знанія или къ достиженію необходимой цѣли въ жизни. Это естественно бываетъ у жителей пограничныхъ областей, у дѣтей смѣшанныхъ браковъ, у евреевъ. У насъ же, русскихъ, совсѣмъ иныя бытовыя условія.

Наши дѣти учатся новымъ языкамъ отъ иностранныхъ боннъ, гувернеровъ. Между тѣмъ, едва ребенокъ начинаетъ лепетать русскія слова, тутъ то и происходитъ столкновеніе съ чужимъ языкомъ, столкновеніе, которсе не можетъ происходить безъ вреда для про-

цесса мышленія на родномъ языкѣ. Тутъ неминуюемо одно изъ двухъ—либо ребенокъ будетъ только приискивать нужныя ему выраженія, заученныя имъ на иностранномъ языкѣ, для замѣны ими выраженія родного языка, значить приучаться останавливаться на одномъ виѣшнемъ, на формѣ слова, не обращая вниманія на содержаніе; это направленіе впоследствии можетъ сдѣлаться обычнымъ, а мышленіе поверхностнымъ и одностороннимъ, или же ребенокъ начнетъ думать на разныхъ языкахъ, вслѣдствіе чего кругозоръ его невольно сузится.

Исключенія представляютъ только геніальные люди, могущіе излагать свои мысли одинаково свободно на иностранномъ, чужомъ языкѣ, какъ на своемъ родномъ. Это превращеніе временнаго средства въ конечную цѣль лишило насъ классической и научной литературы, послужило вмѣстѣ съ тѣмъ препятствіемъ къ распространенію охоты къ чтенію на русскомъ языкѣ. Культурная часть нашего общества распалась на два слоя: верхній, обладавшій всѣми средствами, для прочнаго образованія, но по рожденію и положенію своему не призванный къ серьезному научному труду, не нуждающійся въ отечественной научной литературѣ, ни въ переводѣ на русскій языкъ иностранныхъ классическихъ произведеній; другой слой—нижній, почти исключительно состоящій изъ пролетаріата, безъ знанія европейскихъ языковъ, безъ всякихъ средствъ. Послѣ нелѣпой школьной подготовки, вступала молодежь этого слоя въ высшія учебныя заведенія и не находила ни одного порядочнаго руководства ни по какой специальности на русскомъ языкѣ.

„Въ этомъ высказалась, замѣчаетъ Пироговъ, вся нелѣпость нашей школьной системы“.

Родители Пирогова были люди весьма набожные, духъ благочестія и строгой церковности царилъ въ

Значеніе религіознаго воспитанія.

ихъ домашнемъ быту и, между тѣмъ, какъ разъ въ то время, когда ему было 12—14 лѣтъ, Пироговъ сталъ поддаваться впервые нахлынувшему на него настроенію нравственной распущенности, поддаваться соблазнительнымъ, возбуждающимъ чувственность разсказамъ, изображеніямъ, волнующимъ молодую кровь.

Начиналась неминуемая въ этомъ возрастѣ борьба зла съ добромъ съ переменнымъ успѣхомъ. Это злое начало называется Пироговымъ „ощущеніемъ“, увлекующимъ его изъ обыкновенной колеи, удовлетворяя внѣшнему влеченію, насилующему его, не безъ наслажденія. „Ощущеніе это какое то *внѣшнее*, поэтому на первыхъ порахъ оно кажется постороннимъ, извнѣ дѣйствующимъ. Наша фантазія придаетъ потомъ этому „ощущенію“ странный видъ, хотя и человѣческое свойство; мы, обманутые ощущеніемъ внѣшности, чувствуемъ его внутри себя. Отсюда изрѣченіе апостола Павла: „я не хочу творить зло, а тѣмъ не менѣе его творю“.

Зло это—зло органическое, поэтому и борьба съ нимъ—борьба съ организмомъ. Помогать въ этомъ случаѣ можетъ религіозное воспитаніе,—не обрядное, а болѣе задушевное. Оно одно можетъ, по мнѣнію Пирогова: „держатъ верхъ надъ развившеюся чувственностью“. Христіанская религія вліяетъ на нравственность дѣтей, вселяя въ ребенкѣ искреннюю любовь къ Богу, страхъ Божій. „Развитіе этого благодатнаго чувства въ душѣ ребенка не зависитъ, замѣчаетъ Пироговъ, отъ догматовъ и исповѣданій той или другой религіи“. „Рѣшающую роль въ нашемъ воспитаніи играютъ *индивидуальность и жизнь*. То воспитаніе обѣщаетъ наибольшій успѣхъ, въ которомъ воспитатель сумѣетъ приспособиться къ индивидуальности своего воспитанника и его самого къ жизни“.

Пироговъ подробно разсматриваетъ постепенные фазисы, черезъ которые проходили въ своемъ развитіи

его религіозныя убѣжденія до его религіознаго міровоззрѣнія на старости лѣтъ, какимъ колебаніямъ они подвергались въ теченіе всего этого времени.

Пироговъ раздѣляетъ всѣхъ людей въ отношеніи религіозныхъ убѣжденій на три категоріи: къ первой принадлежатъ искренно вѣрующіе, соблюдающіе всѣ церковныя обряды, въ числѣ ихъ есть между прочимъ извѣстные математики, среди іезуитовъ. Ко второму разряду относятся тѣ, которые стараются свои научныя вѣрованія примирить съ религіозными убѣжденіями; по достиженіи этого примиренія, они обыкновенно переходятъ въ третью категорію—ни во что невѣрующихъ, къ которымъ охотно примыкаютъ только-что перешедшіе изъ средней школы.

Каждый человѣкъ науки, по мнѣнію Пирогова, *обязанъ* чистосердечно рѣшить главный вопросъ жизни: во что онъ вѣруетъ и что признаетъ?

Виланіе и нерѣшительность въ этомъ случаѣ совершенно неумѣстны и недопустимы—онѣ ведутъ къ нравственному убійству.

Важно для насъ съ точки зрѣнія автобіографіи Пирогова рѣшеніе имъ этого вопроса. Вотъ это рѣшеніе: „Изъ моего міровоззрѣнія, откровенно изложеннаго въ моемъ „Дневникѣ“, пишетъ Пироговъ, я заключаю, что существованіе Верховнаго Разума, а слѣдовательно, и верховной творческой силы я считаю *необходимымъ и неминуемымъ* (роковымъ) *требованіемъ* (постулатомъ) моего *собственнаго разума*, такъ что, если бы я и хотѣлъ теперь не признавать существованія Бога, то не могъ бы этого сдѣлать, не сойдя съ ума“. И къ этому выводу Пироговъ пришелъ послѣ долгихъ блужданій, къ семидесятымъ годамъ своей жизни.

Извѣстно, что Вольтеръ считалъ, что „если бы Бога не существовало, необходимо было бы его выдумать, изобрѣсти“.

По справедливому замѣчанію Пирогова, у Вольтера прокрадывается здѣсь мысль, что есть нѣкоторая возможность допустить несуществованіе Бога, даже является нѣкоторая вѣроятность этой мысли и въ этомъ заключается вся лживость и несообразность взгляда Вольтера.

Стремленіе къ безпредѣльной свободѣ, къ отсутствію всякаго обязательнаго подчиненія какому бы то ни было внѣшнему или внутреннему закону такъ сильно въ современной молодежи, по словамъ Пирогова, что онъ знаетъ молодыхъ людей, задающихъ не въ шутку даже такіе вопросы: почему намъ необходимо принимать, что $2 \times 2 = 4$, почему мы не свободны думать иначе?“. .

Опытъ жизни и примѣры большинства могутъ еще обуздывать этотъ разгулъ свободы разума. Но стремленія, не терпящія никакого стѣсненія, современнаго ума двигаются все далѣе и далѣе и находятся въ зависимости отъ того, которое изъ двухъ направленій беретъ перевѣсъ, какъ рѣшается главный вопросъ жизни, вопросъ о Богѣ, который рѣшается въ большинствѣ случаевъ, по мнѣнію Пирогова, *умомъ*, а не вѣрою.

Пироговъ подробно разсматриваетъ вопросъ о роли случая „въ судьбахъ человѣчества“. Считаю лишнимъ здѣсь входить въ разсмотрѣніе его аргументовъ; для насъ интересенъ лишь выводъ: „думать, что случай все рѣшаетъ въ жизни — нелѣпость, но нелѣпо также убѣжденіе, что и маловажныя событія могутъ имѣть роковыя послѣдствія“.

Для Пирогова, по его собственному признанію, существованіе Верховнаго Разума и Верховной Воли сдѣлалось такою-же необходимостью, какъ его собственное умственное и нравственное существованіе. Для его нравственнаго быта былъ необходимъ близкій ему

человѣческой идеаль. Входя глубже въ себя во время различныхъ испытаній жизни, онъ понялъ, почему культурныя племена такъ нуждаются въ идеалѣ Богочеловѣка. Слабость духа и тѣла, болѣзнь, горе считаются, по словамъ Пирогова, главными разсадниками вѣры. Но не они одни приводятъ насъ къ Богу. Когда душа наша торжествуетъ, она всегда находитъ причину радости, причину сближенія съ другимъ непременно высшимъ, сочувствующимъ ей, существомъ. Это сочувствіе намъ дѣлается потребностью нашего духа, соединяетъ насъ съ непостижимымъ для насъ абсолютъ“. Я здѣсь значительно сокращаю умозаключенія Пирогова.

Очень характеренъ для его автобіографіи взглядъ Пирогова на значеніе христіанства.

Значеніе христіанства.

Онъ ищетъ въ христіанствѣ мира и утѣшенія. „Самъ Спаситель ничего не оставилъ намъ документальнаго въ научно-историческомъ смыслѣ“, пишетъ Пироговъ, такъ что не историческая сторона представляетъ для насъ интересъ; она требуетъ, какъ всякая наука, научныхъ приемовъ, слѣдовательно, по убѣжденію Пирогова,—полную свободу изслѣдованія. „Мы узнаемъ о Его жизни и ученіи ихъ книгъ, написанныхъ Его послѣдователями. Но черезъ какую тьму вѣковъ дошли до насъ эти письмена, черезъ язычество, варварство, сектанство, фанатизмъ; какъ и кто тутъ рѣшитъ, что является тутъ апокриомъ, что нѣтъ; безъ строгой исторической критики никакая исторія теперь немислима, даже и священная“.

Главное для Пирогова въ христіанствѣ, и это очень важно для насъ въ цѣляхъ выясненія его нравственной личности, была недостижимая высота и освящающая душу чистота идеала вѣры, „отъ которой въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ отпадали тьма, неистовства и всякія страсти“.

„Христiанинъ, несмотря ни на что, ни на какія историческiя изслѣдованiя, долженъ утверждать то, до чего никому изъ смертныхъ невозможно было додуматься, а еще менѣе дойти, а именно, ту высоту и чистоту нравственнаго чувства и жизни, которыя содержатся въ ученiи Христа, ученiе это—не отъ мiра сего“.

„Это *не мораль*, какъ хотятъ утверждать желающiе отвергнуть Божественную натуру Учителя“.

„Мораль зависитъ отъ нравовъ (*mos, mores*), а нравы мѣняются со временемъ“.

Пироговъ отвергаетъ протестанское ультра—рационалистическое ученiе съ его послѣдователями, между прочимъ Ренаномъ, для которыхъ Евангелiе—*только мораль*.

Для Пирогова признанiе божественной натуры Спасителя должно быть *краеугольнымъ камнемъ* его вѣры. Положительнаго единаго нравственнаго кодекса, неизмѣннаго для всѣхъ, для всего человѣчества—нѣтъ и онъ явится только тогда, когда будетъ „едино стадо и одинъ пастырь“. „Тутъ глубокое различiе между *научной истиной*, которая добывается путемъ научнаго изслѣдованiя, путемъ *только критики*, и *благодатной истиной*, осѣняющей человѣка путемъ *одной только вѣры*, но не убѣжденiя.

Недосыгаемая высота и чистота идеала христiанской вѣры дѣлаетъ его истинно *благодатнымъ*“.

Пироговъ считаетъ догматизмъ и доктринерство несовмѣстимыми съ духомъ христiанскаго ученiя. Принудительная догма должна была явиться *только вмѣстѣ съ возникновенiемъ государственной церкви*.

Въ университетѣ.

Вернемся къ его автобиографiи. Изъ частнаго пансіона Пироговъ попалъ прямо въ университетъ, благодаря вмѣшательству въ это дѣло и поддержкѣ того же доктора Мухина, о которомъ мы уже упо-

минали. Онъ въ то время находился еще подъ сильнымъ впечатлѣніемъ дѣтскихъ сказокъ, подъ вліяніемъ которыхъ онъ развивался всю свою молодость. Онъ отличался еще крайней наивностью. Большое на него вліяніе имѣла его старая няня, питавшая ко всей ихъ семьѣ безпредѣльную преданность. Достаточно было ей сказать молодому Пирогову: „Богъ не велитъ такъ дѣлать, не дѣлай этого — грѣшно!“ и юноша слушался ея безъ оговорокъ. Поступилъ Пироговъ въ университетъ въ сентябрѣ 1824 года, 13-ти лѣтъ отъ роду! Въ его автобіографіи онъ подробно передаетъ о вліяніи, произведенномъ на него товарищеской обстановкой общежитія, въ которомъ онъ поселился въ то время со студентами медиками. Это общеніе со студентами совершенно измѣнило его натуру, все его міровоззрѣніе, обратило его въ атеиста. Помогали этому эти безконечные, полные содержанія, но ни къ какимъ выводамъ не приводящіе споры, о которыхъ Пироговъ, между прочимъ, совершенно вѣрно замѣчаетъ: „Двумъ мало-мальски образованнымъ русскимъ нельзя сойтись вмѣстѣ, чтобы не заговорить тотчасъ-же объ отвлеченныхъ предметахъ. Это, должно быть, признакъ молодости нашей культуры“. Тогда-же онъ подпалъ подъ вліяніе идеи о неизбѣжности предопредѣленія въ судьбахъ человѣка. Сначала предопредѣленіе ему представлялось въ видѣ нравственнаго тезиса, впоследствии оно сдѣлалось роковымъ, логическимъ выводомъ.

Его умъ былъ въ высшей степени послѣдовательнымъ, отсюда его взглядъ на предопредѣленіе, какъ на результатъ непрерывной и безконечной связи зависящихъ другъ отъ друга причинъ и слѣдствій. Обрядность и внѣшнее богопочитаніе сохранялись въ немъ отчасти по привычкѣ, отчасти изъ страха. Основные его религіозные устои тѣмъ не менѣе уже сильно

пошатнулись, все сводилось къ огульному отрицанію, ничто не избѣгало критики.

Въ этомъ огульномъ отрицаніи воспитывались цѣлыя поколѣнія. Подобное направленіе, конечно, не могло не оставить глубокихъ слѣдовъ на молодомъ поколѣніи. По мнѣнію Пирогова, эта молодежь, несмотря на духъ отрицанія, дала очень хорошій контингентъ добросовѣстныхъ медиковъ, хорошихъ отцовъ семействъ, консервативнаго образа мыслей, совершенно иного склада ума, чѣмъ тотъ, который можно было отъ нихъ ожидать; „молодежи, пишетъ Пироговъ, нужно перебѣситься, только каждая національность бѣсится по-своему“. Въ то время не было ни попечителя, ни инспекціи въ университетѣ. Экзаменовъ въ то время тоже не было, ни курсовыхъ, ни полукурсовыхъ, зато существовали въ началѣ лекціи перекличка и частыя репетиціи. Университетской полиціи тоже не было. Городская полиція не имѣла права вмѣшиваться въ университетскія дѣла. Между тѣмъ, время было тревожное: Аракчеевщина была въ полномъ ходу. Общественная жизнь не была еще въ то время, какъ говоритъ Пироговъ, „взбаламученнымъ моремъ“, какъ теперь. Культурный слой заботился только о себѣ, что, собственно говоря, дѣлается и до сихъ поръ, но тогда люди были откровеннѣе и, заботясь о себѣ, не толковали о меньшей братіи. „Все-свѣтное“ горе не волновало еще умы и не было еще моднымъ занятіемъ для праздныхъ людей. Конечно, молодежь, всегда чутко отзывающаяся на новыя теченія, на новыя соціальныя ученія, не могла оказаться глухою и къ этимъ стремленіямъ.

Событіе 1-го марта застало Пирогова попечителемъ въ Одессѣ. Онъ посвящаетъ ему много страницъ своего „Дневника“. Между ними есть страницы захватывающаго интереса. Все это оказало на него, конечно,

удручающее впечатлѣніе, которое выступаетъ въ его воспоминаніяхъ объ этомъ ужасномъ событіи—1-го марта, роковымъ образомъ измѣнившимъ всю новѣйшую исторію Россіи.

Онъ пишетъ, что иностранецъ не затруднился бы объяснить причину этихъ, столь часто повторяющихся, покушеній на Александра II. Онъ приписалъ-бы ихъ, не долго думая, слишкомъ опоздавшему и съ нетерпѣніемъ ожидавшемуся освобожденію крестьянъ, которое осуществилось слишкомъ поздно, послѣ Крымской и Турецкой компаніи съ ихъ неудачными мирами, послѣ крайняго напряженія административнаго произвола, всеобщаго броженія умовъ въ Европѣ, при выдающихся политическихъ событіяхъ на западѣ (освобожденіе Италіи, Польское возстаніе, междоусобныя войны въ Америкѣ). „Мы—русскіе, пишетъ Пироговъ, такими объясненіями не можемъ удовлетвориться. Мы знаемъ о значительномъ количествѣ евреевъ, принимавшихъ участіе въ движеніи“.

Какъ извѣстно, было много противниковъ освободительныхъ реформъ Александра II и въ частности эмансипаціи.

Пироговъ всегда оставался поборникомъ ея. На него посыпались доносы изъ Мин-ства Вн. Дѣлъ (при Министрѣ Ланскомъ) и изъ Мин. Нар. Пр. (при Министрѣ Ковалевскомъ). Въ то время Пироговъ перешелъ на постъ попечителя Кіевскаго учебнаго округа. На него посыпались обвиненія со стороны польскихъ помѣщиковъ, жаловавшихся на студентовъ и на хохломановъ.

Кіевскій Генераль-Губернаторъ князь Васильчиковъ также жаловался на него, какъ на мѣстнаго предсѣдателя цензурнаго комитета. Пироговъ подробно описываетъ свой пріѣздъ въ Петербургъ на

съѣздъ попечителей. Здѣсь онъ засталъ полный хаосъ. Запрещались самыя скромныя статьи и рядомъ съ этимъ разрѣшались совершенно безалаберныя, ярко революціонныя статьи и отзывы, какъ выраженія общественнаго мнѣнія. Нельзя было разобратся, слѣдуетъ ли радоваться тому, что предстоитъ, или сторониться отъ всего и только рукой махнуть,—до того все было туманно и неопредѣленно.

За крѣпостное право были, конечно, завязаны крѣпостники по принципу и изъ-за личныхъ интересовъ, а также и нѣкоторые идейные люди, опасавшіеся уничтоженія крѣпостной связи, существовавшей еще въ то время между народомъ и дворянствомъ. Наконецъ, многіе придерживались формулы, — „Сначала нужно образовать, а потомъ уже освобождать!“ Нѣкоторые даже крестьяне юго-западнаго края не стояли за освобожденіе, они говорили: „Нехайъ будетъ попрежнему, чтобы еще горше не было“. Эти слова слышалъ отъ нихъ самъ Пироговъ. За освобожденіе стояли, конечно, всѣ ученые, вся учащаяся молодежь, всѣ передовые люди 40-хъ годовъ, вся интеллигенція. Возникало какое-то смутное представленіе о какомъ-то „мужицкомъ царствѣ“, идея о которомъ пущена была славянофильскими фантазерами, о немъ много говорилось въ Петербургскихъ салонахъ въ началѣ 60-хъ годовъ. На западѣ, и преимущественно во Франціи, на смѣну аристократіи явился уже вполнѣ готовый классъ — третье сословіе. У насъ-же духовенство, мѣщанство и купечество, — не связанные между собой никакими внутренними связями, не обладало никакими данными, для управленія освобожденнымъ отъ крѣпостной зависимости народомъ, который управлялся до сихъ поръ, такъ сказать, *механически*, черезъ администрацію и привилегированное сословіе. „Но, пишетъ Пироговъ, для проведенія своей реформы Правительство само

нуждалось въ демократически настроенныхъ дѣятеляхъ въ лицѣ мировыхъ посредниковъ, различныхъ чиновниковъ въ присутствіяхъ по крестьянскимъ дѣламъ, при запретѣ принимать въ западныхъ губерніяхъ на службу лицъ польскаго происхожденія. Большинство этихъ служащихъ проникнуто было ненавистью и злобою къ большимъ помѣстьямъ, къ крупнымъ землевладельцамъ. Перечислять здѣсь отдѣльные примѣры совершенно лишнее. Укажу только на одинъ примѣръ, приведенный Пироговымъ: одинъ изъ смѣненныхъ председателей мирового съѣзда писалъ ему изъ Винницы: я занялъ 25 рублей на выѣздъ, а меня оклеветали во взяточничествѣ. Я отнялъ у помѣщиковъ Винницкаго уѣзда слишкомъ 15,000 десятинъ въ пользу крестьянъ и все еще не угодилъ краснымъ, засѣдающимъ въ Кіевѣ“.

Этотъ же самый субъектъ выражалъ мнѣніе, что для правительства было бы выгоднѣе „отдать помѣщичьи земли чиновникамъ, а помѣщиковъ сдѣлать чиновниками“.

„Въ дѣйствительности такъ и случилось: имѣнія конфисковались, помѣщики административно выслались изъ юго-западнаго края, а чиновники и начальники края надѣлялись. Такіе же демогогическіе слои чиновниковъ проникали и въ земскую и судебную сферу того времени. Создалась нежелательная смѣсь новыхъ учрежденій съ еще не вполне отжившими и не вполне устраненными старыми порядками, при отсутствіи строгой, опредѣленной программы власти и происходящихъ отъ этого вѣчныхъ колебаній“. Таковъ общій взглядъ Пирогова на предшествовавшія 1861 году—освобожденію крестьянъ—событія.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Пироговъ замѣчаетъ, что за послѣдніе годы произошла замѣтная разница въ настроеніи молодежи. Существовавшая уже вначалѣ въ

зачаточномъ видѣ оппозиція у учащейся молодежи, развивалась теперь въ сильной степени и онъ удивлялся той затаенной, необъяснимой злобѣ, которую встрѣчалъ въ современной ему молодежи. Не такъ давно это были еще юношескія вспышки среди его товарищей по 10-му № общежитія въ Москвѣ, гдѣ они поселились. Выступало теперь небывалое до тѣхъ поръ стремленіе тогдашней интеллигентной молодежи къ сближенію съ меньшею братією, проявившееся въ дѣлѣ Петрашевскаго.

Это стремленіе, эта злоба развивались со временемъ, помѣръ развитія идеи освобожденія крестьянъ.

Правительство, между, тѣмъ, то поощряло новыя вѣянія, то подавляло имъ же вызванныя стремленія. Ареною борьбы между правительствомъ и интеллигенціей служило освобожденное, но еще не свободное крестьянство. Власть стремилась укрѣпить за собою освобожденное ею крестьянство, представителемъ котораго являлась интеллигентная молодежь. Борьба была не равная, такъ какъ на сторонѣ власти были: администрація и земскія и судебныя учрежденія. На ея сторонѣ было обаяніе власти, тогда еще не поколебленное и военная сила. На сторонѣ же общественнаго мнѣнія вся сила была въ молодомъ, не знающемъ удержу, увлеченіи.

Пироговъ сравниваетъ тогдашнее настроеніе общества съ положеніемъ вещей, которое создалось бы, если бы выпущены были одновременно всѣ умалишенные, солидарные въ своей *idée fixe*. Борьба усложнялась еще тѣмъ обстоятельствомъ, что она происходила тайно, такъ сказать, подземно, подпольно. Къ числу недовольныхъ присоединились сыновья духовныхъ лицъ, насильно привлекаемые съ 1866 г. въ Духовныя Семинаріи, съ запретомъ поступать въ Университеты.

Чигиринское дѣло, по мнѣнію Пирогова, доказываетъ, какъ крестьянство легко поддавалось кривымъ толкамъ.

Главную ошибку Пироговъ видитъ въ томъ обстоятельстве, что у насъ не было настоящаго культурнаго сословія. Наша культурная молодежь, которая послѣ освобожденія крестьянъ должна была бы представлять самый надежный оплотъ для образованія интеллигентнаго сословія, сама свернула въ сторону и старается слить свои интересы съ интересами крестьянъ. „Сами же крестьяне, замѣчаетъ Пироговъ, далеко не такъ довольны происшедшей реформой, какъ это можно было ожидать. Съ нихъ стали взимать деньги на новыя міровыя учрежденія, на рекрута, на волость. Конечно, это вызывало неудовольствіе“. По мнѣнію Пирогова, необходимы мѣры, ослабляющія централизацию, различныя льготы самоуправленію, земству и т. д. Однимъ словомъ, онъ рекомендуетъ мѣры чисто либеральныя, въ чемъ мы еще разъ видимъ проявленіе его политическихъ взглядовъ, отнюдь не консервативныхъ.

Весь тогдашній хаосъ Пироговъ объяснялъ распространившимся во всей Россіи неудовольствомъ въ 1877—78 гг., послѣ неудачнаго мира (Берлинскаго Конгресса), закончившаго собою Турецкую компанію. Всѣ происходившія постоянно покушенія естественно вызывали послѣ себя репрессіи, а въ результатъ—общество не знало, кого ему больше ненавидѣть, стать ли ему за произволъ и насиліе, крамолу или администрацію? Пироговъ объясняетъ все происшедшее за послѣдніе 35 лѣтъ спертой атмосферой, въ которой пребывало все это время общество, выпущенное внезапно на свободу и тотчасъ же проявившее свою дѣятельность въ борьбѣ съ властью, набросившись на нее, какъ сорвавшаяся съ аркана степная, табунная лошадь. Общее стрем-

леніе молодежи того времени, настоящимъ знаменіемъ времени, было—слиться съ крестьянскимъ бытомъ, съ младшею братьею. Въ этомъ стремленіи находить Пироговъ со стороны интеллигенціи много напускного, дутаго, дѣланнаго.

Онъ наблюдалъ за этимъ движеніемъ въ Кіевѣ. Возникли въ то время въ юго-западномъ краѣ воскресныя школы, казавшіяся сначала весьма полезными и дѣльными. Тутъ происходило сближеніе интеллигенціи съ народомъ, принявшее весьма скоро уродливое направленіе.

Всѣ законы, которые являлись выгодными для крестьянъ, по мѣткому замѣчанію Пирогова, сознательно признавались ими *царскими*; всѣ же невыгодные для нихъ законы сразу подпадали у нихъ подъ сомнѣніе—это, конечно, выражало безграничное довѣріе къ царской власти.

Но въ этомъ же фактѣ таился поводъ ко всѣмъ аграрнымъ смутамъ и волненіямъ. Вся бѣда, по его мнѣнію, произошла оттого, что, только — что эмансипированнымъ крестьянамъ тотчасъ-же дали самоуправленіе, выбранныхъ судей и всякихъ должностныхъ лицъ, выбранныхъ мировыхъ посредниковъ и. т. д. Чисто, какъ мы видимъ, на этотъ разъ консервативный взглядъ того же либеральнаго Пирогова.

Всѣ эти старосты, старшины, сельскіе писаря начали брать взятки, пьянствовать и оказывались, по своей частой безграмотности весьма плохими руководителями народа. Это освобожденное крестьянство, со своимъ отдѣльнымъ отъ прочихъ сословій строемъ, со своими бытовыми особенностями являлось какимъ-то *status in statu*», по мнѣнію Пирогова.

Крестьянство въ юго-западномъ краѣ оказалось въ плохихъ рукахъ. При этомъ происходила постоянная смѣна губернаторовъ въ краѣ и даже генераль—гу-

бернаторовъ ¹⁾, изъ которыхъ каждый являлся со своей программой, не согласованной съ программой его предшественника и при этомъ наша молодежь ищетъ сближенія съ крестьянствомъ, для распространенія соціальныхъ идей.

Всюду распространяется пропаганда.

Въ его „Дневникѣ“ есть много интересныхъ страницъ, посвященныхъ размышленіямъ Пирогова о революціи, о насильственныхъ переворотахъ и ихъ общечеловѣческомъ значеніи. Принципы международнаго права допускаютъ въ данномъ случаѣ, терпятъ и косвенно прикрываютъ вопіющія нарушенія челоѣческаго и нравственнаго права. „Что считается безнравственнымъ въ жизни частнаго челоѣка, то нисколько не безнравственно въ политикѣ“ замѣчаетъ Пироговъ. Какъ все это примѣнимо, къ сожалѣнію, и къ современнымъ намъ событіямъ въ охватившую насъ чудовищную войну! Пироговъ въ одномъ мѣстѣ замѣчаетъ, что древнее рабство военноплѣнныхъ, древнее „*Vae victis*“ исчезло подъ вліяніемъ христіанскаго ученія и какъ бы взамѣнъ древняго безчелоѣчія водрузился Красный Крестъ, какъ символъ христіанства въ международныхъ отношеніяхъ“. Между тѣмъ мы теперь видимъ, что и Красный Крестъ, нисколько не является священнымъ для нѣмцевъ въ настоящую войну. „Да и та страна“, замѣчаетъ Пироговъ, „которая прославилась инициативою учрежденія „Краснаго Креста“, служитъ главнымъ притономъ и разсадникомъ самого губительнаго для общечеловѣческой нравственности, заговора убійць и крамольниковъ“ Пироговъ объясняетъ общее, всюду наблюдаемое неудовольствіе тѣмъ, что „ни одно изъ преобразованій прошлаго царствованія не было ведено въ томъ духѣ и направ-

Мысли о революціонныхъ переворотахъ.

¹⁾ Въ теченіе 20 лѣтъ перемѣнилось 6 генераль-губернаторовъ.

леніи, какое было придано этимъ реформамъ въ началѣ ихъ появленія. Всѣ онѣ обѣщали иное, лучшее, чѣмъ дали въ дѣйствительности“. Такъ было прежде всего съ крестьянской реформой. Послѣ десяти лѣтъ многіе крестьяне (болѣе милліона) прикрѣплены еще къ землѣ, которая не разверстана отъ помѣщичьихъ владѣній, при существованіи во многихъ мѣстахъ еще сервитутовъ. Самый значительный доходъ Государства основанъ еще на водочной монополіи. Главные принципы, вложенные въ земство при его основаніи,—все-сословное представительство, самоуправленіе и гласность сильно поколеблены, вслѣдствіе охватившаго ихъ бюрократизма, придавшаго имъ совершенно иное направленіе.

Тоже замѣчается, по мнѣнію Пирогова, и въ судебной реформѣ и въ проведеніи устава объ общей воинской повинности. Объясняетъ онъ это пзмѣненіемъ, происшедшимъ во взглядахъ Императора Александра II-го со времени проведенія реформъ, задуманныхъ подъ благотворнымъ вліяніемъ его воспитателя — поэта Жуковскаго, а „ложныя и обманутыя надежды“, замѣчаетъ Пироговъ, „гораздо болѣе, чѣмъ всякій гнетъ и насилія возбуждаютъ неудовольствіе и раздражаютъ незрѣлый умъ“.

Занятія медициной.

Пироговъ былъ студентомъ Московскаго Университета. Семья его въ это время терпѣла крайнюю нужду. Ему не было еще 17-ти лѣтъ. Онъ передаетъ о комическомъ элементѣ, вносимомъ многими его тогдашними профессорами. Лекціи читались по устарѣлымъ учебникамъ еще XVIII столѣтія. Студенты-медики никогда не упражнялись на трупахъ, никогда не вскрывали ихъ и только впослѣдствіи, будучи уже профессоромъ Дерптскаго Университета, Пироговъ впервые занялся анатоміей и всѣми, примыкающими къ ней, науками. Студенты шли въ то время

еще дальше въ своемъ невѣжествѣ. Были въ то время и такіе, которые ни разу не держали въ рукахъ термометра, а видали его только издали, такъ же, какъ не видали въ натурѣ ни одного химическаго препарата, ограничиваясь черченіемъ его на доскѣ.

Онъ приводитъ въ примѣръ профессора-химика Рейсъ, читавшаго химію по своимъ тетрадамъ—„ученіе о міровомъ эфирѣ“ на латинскомъ языкѣ. Онъ былъ самого высокаго мнѣнія о самомъ себѣ и говорилъ о себѣ: „Primus deus, secundus—Rheus, tertius-adjunctus meus“.

Всѣ эти анекдоты могутъ представлять интересъ, главнымъ образомъ, для студентовъ—медиковъ, поэтому я ихъ здѣсь пропускаю.

Впрочемъ надо сказать, что то было время, когда въ Казани при попечителѣ Магницкомъ анатомическіе музеи хоронились на кладбищѣ съ отпѣваніемъ, а въ Мин-ствѣ Нар. Пр. подымался вопросъ о томъ, чтобы при чтеніи анатомическихъ лекцій обходиться безъ труповъ.

Пироговъ такъ и окончилъ курсъ, не сдѣлавъ ни одной операціи, даже на трупѣ. Онъ передаетъ, какъ были введены мундиры для студентовъ,—это было уже въ царствованіе Императора Николая I, случайно посѣтившаго Университетъ и нашедшаго подъ тюфякомъ студента стихи Полежаева, который за это угодилъ въ солдаты.

Въ 1827 году впервые вышло распоряженіе (проектъ академика Баррота) о командировкѣ молодыхъ ученыхъ за-границу, которымъ пришлось воспользоваться и Пирогову, выбравшему своей спеціальностью хирургію. Цѣль поѣздки была—приготовленіе въ члены профессорскаго института. Но до командировки за-границу Пироговъ былъ еще назначенъ въ Дерптъ профессоромъ. По отношенію къ религіозному вѣро-

Въ Дерптѣ.

ванію Пирогова произошла за это время значительная перемѣна и поколебленная до тѣхъ поръ вѣра въ обрядную религію, въ которой онъ до того времени воспитывался, была уже совершенно утрачена и не была замѣнена ничѣмъ лучшимъ; внесено было въ область наивной, до-толѣ непоколебленной вѣры начало отрицанія, постоянно расширявшагося, границы котораго уже нельзя было опредѣлить. Полное невѣріе и, какъ слѣдствіе его, атеизмъ уже начали охватывать его душу, но спасло его чувство невозможности для него отвергать Божество въ минуты счастья и прибѣгать къ нему только въ минуты горя. Молодой его умъ, по мѣткому выраженію Пирогова, съ тѣхъ поръ „началь бродить по всѣмъ закоулкамъ отрицанія“. Какъ показатель нравственнаго чувства, нравственнаго міровоззрѣнія Пирогова въ то время приведу его взглядъ, выраженный въ одномъ мѣстѣ его „Дневника“. „Какая нравственность возможна безъ идеала? „Наша бѣда именно въ томъ и состояла и состоитъ, что отцы наши не успѣли и не сумѣли вынести на свѣтъ какой либо руководящій идеаль, передъ которымъ необходимо было бы остановиться съ глубокимъ уваженіемъ“.

У Пирогова въ самое опасное время—къ 18 годамъ, когда страсти и чувственность начинали заявлять свои права, не было ни положительной религіи, ни охраняющаго его идеала, а 16-ти лѣтъ, передъ отъѣздомъ его въ Дерптъ, онъ былъ платонически влюбленъ въ дочь крестнаго отца, старше его годами. Онъ въ то время съ грѣхомъ пополамъ зачитывался „Ars amandi“ Овидія. Чтобы ухаживать за предметомъ своей страсти, Пироговъ долженъ былъ пѣшкомъ въ свободное время совершать путешествія черезъ всю Москву, изъ Кудрина на Басманную, завивъ себѣ предварительно волосы барашками. Скоро

пришлось ему отправиться въ Петербургъ. Ъхаль онъ вмѣстѣ съ бывшимъ впоследствии ректоромъ Университета, Рѣдькинымъ.

Пироговъ неодобрительно отзывается о своемъ пребываніи въ Дерптѣ. Онъ находитъ, что къ нему примѣнима извѣстная пословица, только взятая наоборотъ: „что нѣмцу здорово, то русскому смерть“. Студенты-нѣмцы только кутили, дрались на дуэляхъ, на первыхъ курсахъ не брали книги въ руки, зато на послѣднихъ курсахъ принимались очень усидчиво за работу и заканчивали курсъ очень прилежно. Профессорскіе кандидаты, въ числѣ которыхъ находился Пироговъ, назывались въ Дерптѣ: „professur-Embrjonen“, не сходились ни съ однимъ изъ студенческихъ кружковъ. Самъ Пироговъ цопалъ всего разъ на коммершъ, уже по окончаніи курса. Онъ тѣмъ не менѣе отдаетъ должное особенностямъ Дерптскаго строя студентовъ. Такъ, онъ хвалитъ даже установленіе и обычаи постоянныхъ дуелей между студентами, заставляющихъ ихъ придерживаться вѣжливыхъ отношеній между собой, что составляло яркій контрастъ съ отношеніями между собой русскихъ студентовъ въ русскихъ университетахъ, гдѣ въ его время господствовали крайне грубые нравы и даже прямо кулачный бой. „Впрочемъ надо замѣтить, добавляетъ Пироговъ, что съ увеличеніемъ строгости противъ обычныхъ студенческихъ дуелей, увеличивались болѣе опасныя дуэли на пистолетахъ“. Пироговъ подробно описываетъ свои медицинскія занятія въ Дерптѣ и входитъ въ такія подробности, передавать которыя считаю здѣсь совершенно лишнимъ, какъ чисто медицинскія.

Въ Дерптѣ Пироговъ пробылъ 5 лѣтъ съ 1827 по 1832 г. Онъ считаетъ корпоративное устройство студенчества невысказаннымъ въ Русскихъ Универси-

татахъ; въ Дерптѣ и на Западѣ—это дѣло традиціонное, у насъ же для него нѣтъ почвы, но тѣмъ не менѣе Пироговъ твердо убѣжденъ, что пока у насъ въ Университетахъ не будетъ учреждено студенческаго, правильно организованнаго представительства, Университетское начальство никогда не можетъ рассчитывать на вліяніе и воздѣйствіе на учащуюся молодежь. „Разъ этого нѣтъ, остается, пишетъ Пироговъ, одно средство—это вводить въ Университетъ обыкновенную полицію и подчинить весь Университетскій строй ея вліянію, а это—конецъ всякаго нравственно-научнаго значенія Университета; тогда начальство Университета ректоръ и профессора—сами по себѣ и студенты—сами по себѣ и тогда немислимы тѣ воспоминанія, которыми дорожатъ старые студенты и которыя по прошествіи 50 лѣтъ связываютъ ихъ съ ихъ пребываніемъ въ Университетѣ, немислимы воспоминанія о лучшемъ времени интеллектуальной жизни. Эта связь имѣетъ неотразимое вліяніе на всю послѣдующую жизнь, на весь нашъ внутренній бытъ, на все общечеловѣческое въ насъ“.

Пироговъ указываетъ, что въ 1820 и 30 г.г. въ студенчество, какъ въ Германіи, такъ, значитъ, и въ Дерптѣ начинала проникать политика и хотя она не была столь радикальною, какъ впоследствии, но уже начала принимать болѣе рѣзкій, соціальный характеръ, послѣ происшедшихъ на Западѣ въ это время политическихъ убійствъ, хотя еще сохранились и чисто нравственныя корпораціи, вродѣ Tugendbund'a. Происходили постоянные аресты, заключенія въ крѣпости и тюрьмы. Правительство даже потворствовало созданію этихъ корпорацій, какъ отвлекающихъ молодежь отъ политическихъ интересовъ и приковывающихъ ее къ злобамъ дня. Интересенъ по этому поводу взглядъ Пирогова на созданіе корпорацій, взглядъ — сильно

разнящійся даже отъ взгляда нашего современнаго Министерства.

Пироговъ полагаетъ, что если бы, при созданіи студенческаго представительства, положить въ основаніе его дѣйствительныя нужды студенческой трудовой жизни и такимъ образомъ, внести въ студенческую организацію практическую, дѣловую, жизненную дѣятельность, то и большинство студентовъ примкнуло бы къ нему и перестало даромъ терять время въ безплодныхъ партійныхъ преніяхъ.

Мысль эта не лишена основанія, но характеризуетъ Пирогова опять-таки, даже и по сравненію съ условіями нынѣшняго времени, какъ администратора съ передовыми убѣжденіями, отнюдь не какъ узкаго консерватора. Мы видѣли, что эти передовые взгляды уживались у него съ непоколебимыми требованіями дисциплины и порядка, предъявляемыми имъ, какъ педагогомъ-администраторомъ.

Пребываніе, хотя и не очень продолжительное, Пирогова въ Дерптѣ оказало на все его послѣдующее міровоззрѣніе, на его вкусы и вообще на весь складъ его ума громадное вліяніе и придало ему даже особый, такъ сказать, отпечатокъ; мы видѣли, какъ сказывалось въ немъ это пристрастіе къ нѣмецкой наукѣ, къ нѣмецкой педагогикѣ, когда онъ занималъ постъ педагога-администратора въ двухъ учебныхъ округахъ— въ Одессѣ и въ Кіевѣ. Это вліяніе обнаруживалось также постоянно впослѣдствіи въ его педагогическихъ сочиненіяхъ, подробно нами разобранныхъ въ нашей настоящей работѣ.

Нѣмецкая философія не могла не наложить своей печати на весь складъ его ума. Онъ оставался русскимъ въ душѣ, но всегда относился съ уваженіемъ къ нѣмецкой культурѣ, всегда находился подъ ея обояніемъ.

Мы видѣли, какъ культура эта рѣзко измѣнилась за послѣднее время нынѣшней міровой войны.

За-границей.

Въ 1833 г. Пироговъ защищаетъ свою докторскую диссертацию. Въ томъ же году онъ впервые выѣзжаетъ за границу въ Берлинъ. Засталъ онъ науку въ Берлинѣ въ переходномъ состояніи. То было время затишья въ философской наукѣ послѣ Гегеля и созданнаго имъ въ научномъ мірѣ гегелианства.

Надвигался постепенный переходъ къ реализму. Анатомія и физиологія, какъ науки, тогда еще не существовали. Тогдашніе, даже знаменитые хирурги ихъ не знали, какъ напр. Грефе или Диффенбахъ. Патологическая анатомія тоже еще не существовала.

Эта часть его „Дневника“ содержитъ несомнѣнно весьма интересныя подробности только для врача, поэтому я ихъ пропущу, какъ мнѣ кажется, безъ ущерба.

На кафедрѣ хирургіи.

Пироговъ рассчитывалъ получить кафедру хирургіи въ Москвѣ, но получилъ ее въ Дерптѣ по выборамъ.

Курьезны свѣдѣнія, сообщаемыя Пироговымъ о новомъ Попечителѣ Дерптскаго Университета генераль-майорѣ Крафтштремѣ. Онъ такъ его аттестуетъ: „оказался онъ не худымъ человѣкомъ, могъ быть гораздо хуже, поступивъ съ сѣдла на Попечительство. По его мнѣнію, наука была трехъ сортовъ: полезная до известной степени, вредная—если не унять, то, пожалуй, и очень вредная, и годная и даже, пожалуй необходимая для препровожденія времени и для забавы людей со средствами“.

Интересны рассказы Пирогова о посѣщеніяхъ, которыя онъ дѣлалъ въ Петербургскихъ лѣчебницахъ, преимущественно Обуховской и св. Магдалины. Въ то время онъ чувствовалъ всю недостаточность своей научной подготовки къ занятію кафедры хирургіи. Для этого ему не хватало знанія, опытности и самообладанія. „Всѣ эти качества необходимы, пишетъ онъ,

чтобы получить право на жизнь и смерть другого и на передачу этого права другим—своимъ слушателямъ“.

„При возникновеніи такихъ обстоятельствъ очень трудно бываетъ рѣшить, пишетъ Пироговъ, что служить главнымъ мотивомъ моихъ дѣйствій—суетность или истинное желаніе помочь и облегчить страданія? Это тѣмъ болѣе трудно рѣшить для человѣка, преданнаго своему искусству душой—искусству облегчать людскія страданія. Несмотря на малое вѣроятіе успѣха операціи, несмотря на всю опасность этой операціи для жизни больного, на полную невозможность совершенно безпристрастно опредѣлить шансы успѣха или гибели, молодой операторъ, всецѣло преданный своему искусству, всегда способенъ жертвовать всѣмъ для испытанія себя въ трудной операціи во славу науки. Между тѣмъ слѣдуетъ поступать какъ разъ наоборотъ, но это значитъ подчинить интересъ науки и искусства всецѣло высшему нравственному чувству. Этому, въ свою очередь препятствуютъ сотни „сомнительныхъ случаевъ“. Рѣшить вопросъ можетъ только голосъ собственной совѣсти и, конечно, для cadaго она рѣшить его по своему. Но дѣло въ томъ, что хирургъ не всегда можетъ полагаться на собственную совѣсть. Научныя занятія, пристрастіе и любовь къ своему искусству дѣйствуютъ и на совѣсть, склоняя ее на свою сторону, и совѣсть становится на сторону научнаго предубѣжденія“.

Результатомъ всѣхъ колебаній для Пирогова было непреклонное рѣшеніе, при первомъ же вступленіи его на кафедру, ничего не скрывать отъ своихъ учениковъ и не медля открывать передъ ними сдѣланную имъ ошибку въ діагнозѣ-ли или въ лѣченіи болѣзни.

Руководствуясь этимъ принципомъ и были написаны его „Клиническіе анналы“, озаглавленные имъ

„Хирургическая анатомія“, въ которыхъ имъ описаны всѣ промахи и ошибки, допущенные имъ при постели больного. Черезъ годъ послѣ выхода первыхъ выпусковъ его „Хирургической анатоміи“, Пироговъ былъ избранъ въ ординарные профессора. Въ 1837 г. Пироговъ отправился въ Парижъ, командированный Министерствомъ. Онъ ѣхалъ 13 дней въ экипажѣ до Парижа изъ Дерпта. Изъ всѣхъ видѣнныхъ Пироговымъ хирурговъ въ Парижѣ всего болѣе ему понравился Вельпо, очень польстившій его самолюбію. Когда онъ отрекомендовася ему, какъ русскій врачъ, тотъ спросилъ его, не знакомъ ли онъ съ проф. изъ Дерпта Пироговымъ, и когда послѣдній заявилъ ему, что онъ и есть Пироговъ, тотъ несказанно обрадовался и сталъ его чрезвычайно хвалить за его направленіе въ хирургіи. Онъ подробно описываетъ все видѣнное имъ въ Парижѣ, свое знакомство съ мѣстными профессорами, преимущественно хирургами, и т. д.

При проѣздѣ черезъ Москву Пироговъ побывалъ у тамошняго попечителя графа Строганова, который сильно ему не понравился своей надменностью. Надо, впрочемъ, добавить, что его описаніе графа Строганова какъ-то не вяжется съ опредѣленнымъ, составившимся о немъ, представленіемъ. Въ концѣ своего „Дневника“ Пироговъ описываетъ, происшедшую при графѣ Клейнмихелѣ, реформу военно-медицинской Академіи. Его пригласили занять въ ней кафедру хирургіи,—онъ отказался. Графъ Клейнмихель не допускалъ въ Академію *не казеннокошныхъ* студентовъ и приглашалъ въ Академію семинаристовъ; послѣдствія этой административной мѣры скоро дали себя чувствовать. Для подготовки-же къ поступленію въ Академію совершенно безграмотныхъ семинаристовъ Клейнмихель открылъ приготовительный классъ, для обученія ихъ грамматикѣ, ариѳметикѣ и закону Божію.

По проекту Пирогова, учреждена въ Академіи кафедра госпитальной хирургіи, оказавшаяся весьма полезной для молодыхъ врачей. „Дневникъ“ кончается повѣствованіемъ о первой женитьбѣ Пирогова; здоровье его уже сильно пошатнулось. „Дневникъ“ рѣзко обрывается почти наканунѣ его смерти, мысль не закончена, что указываетъ на наступившія сильныя страданія, сведшія, его въ могилу.

Я привелъ такимъ образомъ выдающіяся мѣста изъ „Посмертныхъ записокъ“ Пирогова, указывающія и рисующія часто очень оригинальныя его мысли, свидѣтельствующія о его выдающемся умѣ и о весьма мѣняющихся его политическихъ взглядахъ, за частыми колебаніями которыхъ я старался подробно слѣдить въ настоящемъ своемъ трудѣ, съ цѣлью ближе подойти къ его политическому міровоззрѣнію, что и составляло главную мою задачу.

Можетъ быть, здѣсь не вездѣ соблюдена хронологическая послѣдовательность, но это объясняется отсутствіемъ этой послѣдовательности и въ самомъ „Дневникѣ“, гдѣ Н. И. Пироговъ по поводу того или другого событія часто подолгу останавливается на тѣхъ или другихъ своихъ воспоминаніяхъ о прежде бывшемъ.

ГЛАВА VIII.

Женскій вопросъ.

Характеристика педагогическаго міровоззрѣнія Пирогова была бы не полна, если бы мы не коснулись его взгляда на женское призваніе. Мы почерпаемъ эти свѣдѣнія изъ статьи, озаглавленной „Н. И. Пироговъ о любви, о призваніи женщины-матери и пр.“, написанной имъ по поводу неизданныхъ писемъ къ не-вѣстѣ ¹⁾).

Эти письма были писаны Пироговымъ баронессѣ Александрѣ Антоновнѣ Бистромъ, впослѣдствіи его второй женѣ. Онѣ относятся къ началу 50-хъ гг. прошлаго столѣтія и пополняютъ собою ощущавшійся замѣтный пробѣлъ въ матеріалѣ, касающемся характеристики Пирогова за время, предшествующее его выступленію на педагогическомъ поприщѣ въ должности Попечителя, сначала Одесскаго учебнаго округа, а затѣмъ и Кіевскаго. Безъ этихъ свѣдѣній остается для насъ неясною его принципиальная педагогическая точка зрѣнія, нашедшая себѣ выраженіе въ его знаменитыхъ „Вопросахъ жизни“, самомъ выдающемся его педагогическомъ сочиненіи, явившемся такимъ „новымъ словомъ“ въ тогдашней педагогикѣ, послѣ котораго былъ немислимъ возвратъ къ прежнему, къ старому порядку вещей. Статья эта, какъ мы видѣли, была крайне жизненная. Она бичевала недостатки прежняго воспитанія, предъявляла совершенно новыя требованія, дѣйствовавшія на современное общество чисто ошеломляющимъ образомъ. Впервые выступающіе новые нравственные идеалы послужили впослѣдствіи предметомъ изслѣдованія специальныхъ очерковъ, какъ-то: Чернышевскаго и Добролюбова (1856 г.), Сокулина (1906 г.) и, наконецъ, въ послѣднее время Золотарева (1910 г.). Всѣ эти статьи говорятъ о зна-

¹⁾ См. Журналь „Голосъ минувшаго“ Май 1915 г.

ченіи „Вопросовъ жизни“. Онѣ выражаются о нихъ „какъ о чистой правдѣ, правдѣ очень серьезной и занимательной, не менѣе лучшаго поэтического вымысла, какъ объ источникѣ, отъ котораго вѣетъ духомъ правды, благородства и глубокаго убѣжденія, какъ о тепломъ лучѣ солнца въ затхломъ подвалѣ до-реформенной школы, какъ о первой ласточкѣ общественной весны“. Нѣкоторые критики отмѣчаютъ мистическій элементъ „Вопросовъ жизни“, причемъ объясняли этотъ элементъ достоинствомъ его, заключающимся въ его правдивости, искренности и глубокой любви къ молодому, подростающему поколѣнію. Письма его къ невѣстѣ цѣнны для насъ, какъ матерьяль для изслѣдованія того психологическаго процесса, который привелъ Пирогова на педагогическое поприще.

Еще до первой женитьбы Пирогова (1842 г.), во время его болѣзни, какъ сообщаетъ Пироговъ, явилась у него впервые мысль объ упованіи на Промыслъ Божій. Эта мысль сразу дала совершенно иное направленіе всему его міровоззрѣнію. Онъ сталъ задумываться надъ религіозно-философскими темами, а съ рожденіемъ сыновей—надъ мыслью о нравственномъ долгѣ родителей относительно будущности сыновей. Эти мысли вытекали изъ охватившаго его религіознаго настроенія, только еще усилившагося послѣ смерти его первой жены. Мысль, что его дѣти остаются безъ воспитательнаго воздѣйствія матери, сильно его волновала. Цитирую собственныя его слова: „Мнѣ нуженъ былъ отвлеченный, недостижимо-высокій идеаль вѣры“. Онъ принялся за Евангеліе, котораго раньше онъ никогда не читывалъ (ему было тогда 38 лѣтъ), и онъ нашелъ для себя этотъ идеаль. Онъ пишетъ своей невѣстѣ А. А. Бистромъ,—будущей его второй женѣ, 12 апрѣля 1850 г.: „послѣ сомнѣній, тревожившихъ душу, послѣ безутѣшнаго безвѣрія, наконецъ и

дай Богъ навсегда, я составилъ себѣ *идеальный взглядъ* на христіанское ученіе, *одинъ единственный*, который предохраняетъ меня отъ сомнѣній и безвѣрія“. Этотъ единственный взглядъ заключается въ томъ, чтобы „стараться по возможности и по крайнему разумѣнію подражать жизни земной Искупителя, не примѣшивая сюда обрядовой стороны религіи“.

Письма эти долго считались утерянными и только въ декабрѣ 1913 года сынъ Николая Ивановича, В. Н. Пироговъ, нынѣ покойный, нашелъ ихъ случайно въ Марсели въ ящикѣ вмѣстѣ съ разными старыми книгами. Теперь онѣ поступили въ собственность Академіи Наукъ. Эти письма даютъ намъ взглядъ Пирогова на воспитаніе женщины, и идеаль дѣвушки, въ нихъ нарисованный, соотвѣтствуетъ личности его невесты Бистромъ, которую онъ и имѣлъ въ виду.

Первое письмо, написанное 9 марта 1850 г., начинается вопросомъ, обращеннымъ къ Бистромъ, его невестѣ—кто онъ и кто она? Онъ указываетъ на то, что ихъ раздѣляетъ глубокая пропасть времени, они подали другъ другу руки надъ этой пропастью и нельзя никого перетянуть на свою сторону—можно упасть обоимъ.

Перейти ей—сдѣлать это *salto mortale*—ей страшно, и ему не легко, такъ какъ она ему не чужая. Надо сперва хорошенько узнать другъ друга, между тѣмъ дѣлать мостикъ черезъ эту пропасть и некогда и не вѣрно. Онъ дѣлаетъ далѣе подробную характеристику своей невесты, характеристику, какъ естественно для жениха, весьма пристрастную, вмѣстѣ съ тѣмъ онъ указываетъ, что она *обладаетъ способностью имѣть убѣжденія*, такъ какъ *только опытъ* даетъ намъ возможность убѣдиться въ томъ, обладаемъ ли мы убѣжденіями, но не имѣла она еще случая дѣлать *приложене* своихъ взглядовъ, что и является самымъ труднымъ

дѣломъ жизни. „Тутъ-то часто, замѣчаетъ Пироговъ, мы начинаемъ видѣть, что наши взгляды, наши убѣжденія были карточные домики“.

„У нея есть религія сердца, но не религія дѣль—вѣнецъ земной жизни человѣка—одна только высшая воля можетъ помочь намъ въ трудномъ исполненіи этой религіи“. Далѣе Пироговъ находитъ, что его невеста не любитъ роскоши, потому что въ ней не нуждается. „Мы обыкновенно, замѣчаетъ Пироговъ, не любимъ того, что имѣемъ, что намъ легко достается“. Онъ при этомъ дѣлаетъ весьма умное замѣчаніе. „Несравненно труднѣе найти бѣдняка, который-бы не любилъ роскоши, нежели богатаго, который былъ-бы къ ней привязанъ всей душой“. „Пусть женщина сохранить дѣтское простодушіе и чистоту души, еще не замаранной опытомъ. Чѣмъ долѣе она сохранить дѣтское простодушіе и чистоту души, чѣмъ позже выступить на поприще практической жизни, тѣмъ лучше“. Ему хочется, чтобы его жена судила во 1-хъ, по инстинкту—это ея неотъемлемая принадлежность, какъ женщины. Но тутъ нужно быть осторожнымъ. „Часто мы думаемъ, что нашъ взглядъ основанъ на этомъ внутреннемъ, необъяснимомъ, произвольномъ, неподвластномъ разсудку убѣжденіи, которое онъ называетъ нравственнымъ инстинктомъ, между тѣмъ, разсмотрѣвъ его пристальнѣе, мы открываемъ, что это было не внутреннее убѣжденіе, а пріобрѣтенное наслышкой *предубѣжденіе*. Во 2-хъ, онъ желалъ бы, чтобы его жена, — не слишкомъ бы заботилась о снисканіи этого матерьяла *внѣ ея семейнаго круга*. Она должна видѣть въ своемъ мужѣ *авторитетъ*, такъ какъ она безусловно должна питать къ нему полное довѣріе, вѣря, что онъ для самого же себя, а слѣдовательно и для нея будетъ заботиться замѣнить своей опытностью ея недостатки въ опытѣ“. Пироговъ прибав-

ляетъ, что пусть она назоветъ это, пожалуй, эгоизмомъ, пусть не соглашается съ этимъ, но пусть тогда и не выходитъ замужъ за того, которому опытъ наблюденія и долгое, безпристрастное изученіе самого себя и свѣта даютъ право на первенство въ этомъ отношеніи. „Что бы ни твердили приверженцы эмансипаціи и люди, не знающіе ничего лучше своего „я“, *авторитетъ долженъ быть на землѣ*,—безъ него не существуетъ никакой нравственной связи между наставникомъ и ученикомъ, между отцомъ и сыномъ, между мужемъ и женой. „Если ученикъ не имѣетъ ко мнѣ этого довѣрія,—я больше не учитель, пишетъ Пироговъ; если мой сынъ перестанетъ вѣрить въ справедливость моихъ наставленій, я ему болѣе не отецъ; если жена не вѣритъ въ справедливость моихъ взглядовъ и убѣжденій,—я ей болѣе не мужъ“. Пироговъ принимаетъ въ этомъ случаѣ слова: учитель и ученикъ, отецъ и сынъ, мужъ и жена въ полномъ нравственномъ значеніи этихъ обязанностей. Можно быть ученикомъ, пишетъ Пироговъ, заключивъ контрактъ на выучку съ учителемъ, не имѣя достаточнаго матерьяла, доставляемаго опытомъ и лѣтами жизни для сужденія, и тогда, узнавъ отъ него, что нужно, и заплативъ ему деньги по уговору, оба квиты. Можно сына своего на 8-мъ году отдать въ учебное заведеніе, на попеченіе гувернантки или даже въ воспитательный домъ и также считать себя квитымъ и т. д.“.

Жена должна быть *другомъ* мужа и, слѣдовательно, *равною* ему“. „Но эта самая дружба, по мнѣнію Пирогова, основана съ одной стороны на увѣренности жены въ авторитетъ мужа (въ непогрѣшимости его)—*infaillibilité*“, а съ другой стороны—она основана на любви и уваженіи къ добродѣтели благочестія (*piété*), отличающей жену. Эта добродѣтель является самую неразрывною, самую святою и ненарушимою

связью, соединяющею жену съ мужемъ. Поручкою въ этомъ служить Священное Писаніе и законы благоустроеннаго общества. То же самое въ отношеніяхъ отца къ сыну и наставника къ ученику.

Пироговъ далѣе развиваетъ свою мысль: отецъ вручаетъ воспитаніе своихъ дѣтей женѣ своей—ихъ матери, отсюда естественно его желанія, чтобы его нравственныя убѣжденія, его религія были переданы его дѣтямъ, а это возможно только тогда, если она всецѣло раздѣляетъ религіозныя убѣжденія мужа.

Поэтому и онъ не долженъ скрывать отъ нея своихъ недостатковъ, которые въ свою очередь не должны служить для нея предметомъ упрековъ или критики. И это не есть такъ называемый „домашній деспотизмъ“. — Это необходимое условіе счастливой, гармоничной, совмѣстной семейной жизни. Онъ предупреждаетъ ее, что съ нимъ ей въ особенности нужно быть осторожной. Вначалѣ супружества онъ бываетъ особенно нервенъ и раздражителенъ (это былъ его второй бракъ), и въ такое время всякая неосторожная ошибка, самое ничтожное обстоятельство, которое въ другое время не произвело-бы на него никакого впечатлѣнія, вызываетъ въ немъ цѣлый рядъ самыхъ черныхъ мыслей. Происходитъ это потому, что онъ постоянно наблюдаетъ за самимъ собой—отъ этого происходитъ большое напряженіе его вниманія и, какъ слѣдствіе его,—напряженное состояніе его чувства и духа. Если она (жена его) подчинится этому настроенію, покажетъ ему постоянное довѣріе его взглядамъ и убѣжденіямъ,—несомнѣнно она побѣдитъ его этимъ довѣріемъ и онъ въ свою очередь вполне подчинится ей—это лучшее средство для гармоніи съ нимъ въ семейной жизни. Онъ по характеру своему крайне неуживчивъ и необщителенъ. У него нѣтъ друзей, онъ совершенно одинокъ на свѣтѣ,

такъ какъ однихъ онъ слишкомъ мало уважаетъ, другихъ почти презираетъ.

Чтобы быть его другомъ, заслужить полную довѣренность, нужно многое, чего онъ ни въ одномъ изъ своихъ пріятелей не находитъ. Если онъ дѣлаетъ, на примѣръ, пожертвованіе, это онъ дѣлаетъ совсѣмъ не изъ любви къ людямъ, а только потому, что это ему самому пріятно.“ „Онъ держитъ на ключѣ храмъ своего внутренняго быта; туда заглядываетъ только онъ одинъ и до сихъ поръ только женѣ позволялъ онъ туда входить, открывая для нея запертую дверь“.

Мы видимъ, что эти письма къ невѣстѣ ничто иное, какъ собственная характеристика Пирогова, откровенная исповѣдь его души, въ которой вполнѣ правдиво обрисована его нравственная личность, безъ всякихъ прикрасъ.

Въ своей перепискѣ съ невѣстой Пироговъ откровенно сознается ей, что онъ женится на ней рѣшительно „безкорыстно“. За четыре года вдовства, послѣ смерти первой жены, онъ многое передумалъ.

„Сначала онъ было думалъ не иначе вновь жениться, какъ взявъ капиталъ за женою, причемъ онъ разсуждалъ слѣдующимъ образомъ: нѣтъ никакой гарантіи, что его жена, по выходѣ за него замужъ, не измѣнитъ существеннымъ образомъ свой характеръ.

„Бракъ весьма часто измѣняетъ нравъ женщины. Если его будущая жена будетъ отъ него требовать, чтобы онъ удовлетворялъ ея капризы, а у него на это не хватитъ средствъ, создастся невыносимое бремя. То немногое, что онъ уже пріобрѣлъ, принадлежитъ его дѣтямъ отъ перваго брака, многого же онъ никогда не пріобрѣтетъ, не имѣя къ тому ни малѣйшей склонности“. Поэтому ему необходимо было выбрать жену, которая принесла-бы съ собой то, что

она считала для себя необходимой потребностью. Дважды ему представлялась возможность довольно выгодной женитьбы, но онъ не рѣшался.

Въ другой разъ онъ уже почти рѣшилъ жениться на одной дѣвушкѣ, но она испугала его пристрастіемъ къ свѣтской жизни, къ выѣздамъ, ставшимъ для нея необходимыми. Сватаясь наконецъ за баронессу Бистромъ, онъ окончательно оставилъ всѣ мысли о корысти. „Онъ искалъ только матери для своихъ дѣтей, которая сумѣетъ ихъ одушевить непоколебимой вѣрой на цѣлую ихъ жизнь, которая будетъ ему истинной женой по душѣ и по чувству.“

Онъ считаетъ необходимымъ познакомить жену съ прозаической стороною жизни, съ имѣющимися у него матеріальными средствами. Онѣ были въ то время незначительны. Онъ высчитываетъ даже, сколько у нея будутъ послѣ его смерти въ видѣ пенсіи“. Онъ умоляетъ ее привязать его къ жизни, поддержать въ немъ вдохновеніе участіемъ, собственнымъ вдохновеніемъ и любовью къ идеальному, укрѣпить его въ его занятіяхъ наукой и искусствами и передать это направление его дѣтямъ“.

Его тревожитъ одна только мысль, которая тяготѣла надъ нимъ и прежде въ теченіе его болѣзни въ первое его супружество—это мысль о томъ, что непредвидѣнный недугъ можетъ лишить его и его семью средствъ къ спокойному существованію.

„Но, утѣшаетъ себя Пироговъ, будь воля Господня надъ нами, тревожиться мыслями о будущемъ ни къ чему не ведетъ и запрещено Откровеніемъ“.

Трогательно его обращеніе къ женѣ: „Старайся, пишетъ онъ, когда замѣтишь во мнѣ эти тревожныя мысли, уничтожить ихъ твоею вѣрою и твоимъ вдохновеніемъ. Не пугайся меня въ минуты моихъ сомнѣній, когда сердце мое холодѣетъ, когда чувство прячется

въ глубину, когда безмолвіемъ и сумрачнымъ взглядомъ выражается тоска и грусть души.

„Знай, что нѣжность твоя всегда будетъ въ силахъ расшевелить эту грустную душу, разсѣять мракъ, одушевить, согрѣть и осѣнить меня. Я это знаю, я это чувствую. Не забудь, что въ твоихъ рукахъ теперь лежитъ все, что привязываетъ меня еще къ здѣшной жизни“.

„И въ уединеніи и въ обществѣ не оставляй нашихъ общихъ думъ, которыя насъ связываютъ теперь *навсегда* и несмотря на пространство, раздѣляющее насъ, соединяетъ сочувствіемъ наши души“. Онъ подписываетъ это письмо: „твой другъ, твой мужъ по душѣ и чувству“.

Письмо это писано 10 марта 1850 г. Мы привели, кажется, достаточно отрывковъ изъ его переписки съ его невѣстой, Бистромъ, его будущей женой, чтобы охарактеризовать настроеніе Пирогова и его нравственное міровоззрѣніе, наканунѣ занятія имъ административнаго поста, наканунѣ выхода его на педагогическое поприще.

Мы привели здѣсь эту переписку, какъ показатель его тогдашняго настроенія.

Она какъ-бы рисуешь намъ закулисную сторону его нравственной личности, его душевную атмосферу, которая не могла не отразиться и на его служебной дѣятельности. Въ этой его интимной, задушевной атмосферѣ нужно искать загадку его глубоко гуманной точки зрѣнія, которая красною нитью проходитъ черезъ всю его педагогическую дѣятельность и которая такъ ярко отѣнялась на мрачномъ фонѣ современной ему эпохи. Онъ являлся почти *единственнымъ* въ своемъ родѣ, среди своихъ современниковъ.

Память о немъ сохранится во всякомъ случаѣ надолго въ анналахъ русской педагогіи, чѣмъ и объ-

ясняется выборъ нами этой темы. Пироговъ является и останется надолго выдающимся и крайне интереснымъ представителемъ педагогической мысли въ Россіи, въ особенности же въ современную намъ глухую пору ея крайняго безлюдія и безплодія.

Вчитываясь въ его мысли, прямо отдыхаешь отъ современнаго намъ отсутствія творчества и высокихъ идеаловъ въ этой самой важной отрасли интеллектуальной жизни Россіи.

Какъ ни безотрадно современное намъ положеніе русской педагогіи и вообще русскаго просвѣщенія, при современномъ отношеніи къ нему нынѣшняго Министерства Народнаго Просвѣщенія и даваемомъ имъ направленіи, подрывающемъ въ корнѣ среднюю школу въ Россіи и твердые устои просвѣщенія, хочется вѣрить, что этимъ не завершится исторія педагогіи у насъ. Будемъ надѣяться, что еще когда нибудь появится на ея умственномъ небосклонѣ новая звѣзда, которая своимъ блескомъ и проливаемымъ свѣтомъ озаритъ нашу педагогическую ниву и возобновитъ культурную, благотворную дѣятельность незабвеннаго Н. И. Пирогова, для пользы многострадальной русской педагогіи и всего русскаго просвѣщенія. Пока же приходится оплакивать его безвременную кончину. Пироговыхъ у насъ уже болѣе нѣтъ!

Послѣсловіе.

Считаемъ долгомъ заявить здѣсь, что личность Н. И. Пирогова, какъ педагога, далеко нами вполне еще не исчерпана въ выходящей нынѣ статьѣ нашей.

Произошло это, вслѣдствіе громаднаго матеріала, которымъ слѣдовало-бы воспользоваться, но который оказался въ сильной степени разбросаннымъ по раз-

личнымъ старымъ журналамъ и журнальнымъ статьямъ, отыскать который въ настоящее время представляется почти невозможнымъ.

Ни въ одномъ изъ вышедшихъ до настоящаго времени изданій сочиненій Пирогова не собранъ еще весь, имѣющійся о немъ, матеріалъ; тѣмъ не менѣе намъ представляется, что и въ нашей настоящей статьѣ Пироговъ достаточно ярко очерченъ, какъ педагогъ. Мы старались выдвинуть на первый планъ его педагогическое міровоззрѣніе, столь рѣзко выдѣляющее его на тускломъ, современномъ ему педагогическомъ фонѣ, мало того—столь рѣзко отличающее его даже и отъ современныхъ намъ дѣятелей на педагогическомъ поприщѣ.

Пироговъ былъ прежде всего убѣжденный педагогъ, всецѣло проникнутый педагогическими интересами, *а за симъ уже*—политико-общественный дѣятель того или другаго направленія, о чемъ можно, конечно, судить только при разсмотрѣніи всей данной политической обстановки, въ связи съ современнымъ положеніемъ общества въ данную эпоху и его культуру.

Педагогическіе принципы, высказанные Пироговымъ въ его циркулярахъ и проведенные имъ въ жизнь въ теченіе его непродолжительной педагогической дѣятельности, какъ Попечителя въ Одессѣ и въ Кіевѣ, останутся навсегда памятными у насъ въ Россіи, какъ выдающійся успѣхъ нашей Русской школьной педагогіи, послѣ котораго, надо, къ сожалѣнію, признаться, очень мало сдѣлано въ педагогическомъ отношеніи для средней школы, тѣмъ болѣе цѣнны результаты, добытые Пироговымъ.

Его взгляды, какъ мы видѣли, на университетъ и его автономію, на педагогическую корпорацію и ея роль, на систему интернатовъ, не потеряли своего

значеніе и до настоящаго времени, а нѣкоторые изъ нихъ—даже опередили современные намъ взгляды, какъ-то, на примѣръ: его отношенія къ учащейся молодежи, проникнутыя любовью къ ней и пониманіемъ ея и истинною, не дѣланною гуманностью, умѣющею и любить молодежь, сознательно къ ней относиться и въ силу этого—предъявлять къ ней справедливыя и разумныя требованія.

Проникаясь этими высокими идеалами Пирогова, нельзя не сознаться, что, только ставя ихъ въ основаніе своей педагогической дѣятельности, Министерство Народнаго Просвѣщенія можетъ съ успѣхомъ, разумно воздѣйствовать на нашу молодежь, приучая ее къ повседневному, упорному труду, можетъ подготовить будущихъ дѣятелей Россіи на различныхъ поприщахъ государственной и общественной службы и такимъ образомъ выполнить свою священную обязанность.

Остановился я на этой темѣ, на изслѣдованіи педагогическаго значенія Пирогова, потому, что въ переживаемую нами тяжелую годину невольно задумываешься надъ судьбой нашей учащейся молодежи, совершенно сбитой со своего нормальнаго, правильнаго пути.

Современная чудовищная война отвлекла естественно всѣхъ и вся. Вопросы педагогическіе отступили на второй, если не на послѣдній планъ.

Между тѣмъ Министерство Народнаго Просвѣщенія, вмѣсто того, чтобы удерживать за собою рѣшеніе важнѣйшихъ педагогическихъ вопросовъ, что составляло его прямую обязанность, какъ вѣдомства, основной задачей котораго—не только распространять просвѣщеніе, но и непремѣнно воспитывать молодое поколѣніе, выпустило это рѣшеніе изъ рукъ, уступило эту задачу другимъ; вмѣсто того, чтобъ сохранить предъявлявшіяся до сихъ поръ требованія учащейся молодежи, по крайней мѣрѣ, на прежнемъ уровнѣ, Министерство

идеть на встрѣчу всякимъ послабленіямъ, всякимъ поспѣшнымъ пожеланіямъ, вносящимъ часто полную дезорганизацію въ уже безъ того расшатанную у насъ школу, какъ-то: отмѣною экзаменовъ, даже выпускныхъ, и отмѣтокъ, широкимъ приѣмомъ евреевъ въ высшія учебныя заведенія, обладающихъ совершенно чуждою намъ этикой, и участіемъ родительскихъ комитетовъ въ рѣшеніи важнѣйшихъ учебныхъ и воспитательныхъ вопросовъ школы, предоставленіемъ педагогическимъ совѣтамъ рѣшеніе даже вопроса объ объемѣ школьной программы, такъ что въ каждомъ учебномъ заведеніи, даже казенномъ, можетъ быть иная программа и т. д.

Все это заставляетъ серьезно задумываться надъ ожидающей нашу школу судьбой, надъ тѣмъ, чѣмъ выйдеть изъ нашей расшатанной школы, по окончаніи войны, наша молодежь—вся наша надежда на лучшее будущее Россіи, тѣ будущіе дѣятели Россіи на всевозможныхъ служебныхъ и общественныхъ поприщахъ, которые и замѣнятъ насъ въ будущемъ строительствѣ нашей Родины.

— Невольно обращаешься мыслями къ тому педагогу, который полвѣка назадъ такъ чутко понялъ душу русскаго юноши, его насущныя, умственныя потребности, который такъ умѣло направлялъ его своимъ нравственнымъ авторитетомъ, который любилъ его, заботился о его правильномъ развитіи, а не шель только на встрѣчу всякимъ общественнымъ пожеланіямъ, не ограничивался только облегченіями и попустительствомъ, столь пагубно всегда дѣйствующими на чуткую молодежь.

Вступивъ на этотъ путь облегченія *во чтобы то ни стало* задачи образованія и воспитанія, на этотъ скользкій путь ложнаго либерализма, Министерству легко дойти и до полной разрухи школы, но каковы будутъ послѣдствія для многихъ поколѣній, для будущаго состоянія образованія Россіи?

Вѣдь ослабить требованія и идти на встрѣчу всякимъ пожеланіямъ, не опирающимся на выработкѣ стойкости и сознаніи долга молодыхъ поколѣній, на выработкѣ привычки къ труду, а основывающимся на преходящихъ вкусахъ не отдающихъ себѣ отчета, родителей—очень легко; гораздо труднѣе и менѣе благодарна роль воспитателя, предъявляющаго серьезныя и неизбѣжно иногда тяжелыя, для ихъ выполненія, требованія. Широкое общественное мнѣніе всегда будетъ на сторонѣ подобныхъ школьныхъ реформъ и проводящихъ эти реформы Министерствъ; которымъ въ этомъ случаѣ навсегда обеспечена поддержка общественнаго мнѣнія.

Но правительство, имѣющее въ виду дѣйствительныя нужды просвѣщенія, не должно этимъ увлекаться.

Для него важна польза подрастающаго поколѣнія, а не погоня за популярностью и сочувствіемъ общественныхъ круговъ, а польза дѣла воспитанія несомнѣнно требуетъ—приучать молодежь къ систематическому, умственному труду, въ которомъ закаляется воля и характеръ юноши, развить въ немъ любовь къ своей Родинѣ и къ ея историческому прошлому.

Въ настоящее тяжелое, переживаемое нами, время, русскій юноша долженъ пройти черезъ серьезную трудную, *національную* школу, чтобъ быть полезнымъ своему Царю и своей Родинѣ, и къ этому обязательно должно было стремиться наше Министерство Народнаго Просвѣщенія всегда, а тѣмъ болѣе въ настоящее время.

Въ чемъ должно заключаться это *національное* образованіе, подробно изложено мною въ другой моей статьѣ—„Значеніе средне-образовательной школы въ Россіи“.

Графъ А. Мусинъ-Пушкинъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

СТРАН.

Глава I 3

Основная мысль.—Основы воспитанія. — Ранняя спеціализація.—Реальныя условія.—Роль учителя.—Наказанія, нравственное вліяніе личности учителя.—Интернаты для учениковъ.—Воспитательное значеніе науки.—Удаленіе изъ учебнаго заведенія.—„Знаніе“, а не „развитіе“.—Пироговъ и нынѣшніе попечители.

Глава II 28

Государственное и частное образованіе. — Классическая школа.—„Легкая“ школа.—Задача школьнаго образованія.

Глава III 33

Университетъ.—Реформа университета. — Университетскіе уставы.—Гонораръ.—Партійность.—Коллегіальность.—Автономія.—Права коллегіи.—Отношеніе попечителя къ университету. — Съѣзды профессоровъ.—Публичныя лекціи.—Доцентура.—Ученыя степени.—Освобожденіе отъ платы.—Избраніе профессоровъ. — Студенчество. — Экзамены. — Реальное образованіе и университетъ.—Семинаріи.—Лекціи богословія. — Богословскіе факультеты. — Университетская полиція.—Судъ.—Студенческіе беспорядки.—Pietas, erga graesertores.—Сходки.—Традиціи.—Научная работа.—Отношеніе университета къ государству и обществу.—„Письма изъ Гейдельберга“.—Гуманизмъ университетской науки.—Уваженіе молодости.—Убѣжденіе, а не приказаніе.

Глава IV 57

Административная дѣятельность Пирогова. „Школа и жизнь“.—„Быть и казаться“.—Циркуляры.—Методы преподаванія. — Педагогическіе совѣты. — Посѣщеніе уроковъ педагогами.—Внѣшкольное руководство.—Экзамены.—Отраженіе личности Пирогова въ его педагогической дѣятельности. — Современное общество. — Педагогическія распоряженія Пирогова и дѣйствительность. — Программы. — Баллы.—„Главные“ предметы.

Глава V 72

Еврейскій вопросъ. — Преподаваніе еврейскаго Закона.—Обученіе евреевъ въ казенныхъ заведеніяхъ.—Расколъ въ еврейской средѣ. — Обязательно ли обученіе евреевъ? —

Домашнее воспитаніе евреевъ. — Виѣшнее противорѣчіе
взглядовъ Пирогова.

Глава VI. 81

Итогъ сказанному о педагогическомъ значеніи Пирогова. — Оцѣнка его заслугъ современниками. — Отзывы учениковъ. — Отзывы педагоговъ. — Идеи Пирогова и общество. — Критика Добролюбова. — Еще о розгахъ. — Корпоративное начало. — Попечитель „миссіонеръ“. — Миръ ребенка. — Отношеніе Пирогова къ современному обществу. — Педагогическая система Н. И. Пирогова.

Глава VII. 97

„Дневникъ стараго врача“. Значеніе автобіографій. Дѣтство. — Вниманіе въ дѣлѣ образованія. — Самостоятельность и немощь духа у дѣтей. — Впечатлѣнія дѣтства. — Въ школѣ. Иностранные языки. — Значеніе религіознаго воспитанія. — Религіозныя идеи Н. И. Пирогова. — Значеніе христіанства. — Въ университетѣ. — Политическія событія и отношеніе къ нимъ. Мысли о революціонныхъ переворотахъ. — Занятія медициной. — Въ Дерптѣ, За-границей. — На кафедрѣ хирургіи.

Глава VIII. Женскій вопросъ 132

Послѣсловіе. 141

Сочиненія графа А. А. Мусинъ-Пушкина.

1) Сборникъ статей по вопросамъ школьнаго образованія на западѣ и въ Россіи. (По личнымъ наблюденіямъ). Томъ I. 415 стр. Ц. 1 р. Спб. 1912 г.

2) Сборникъ статей по вопросамъ школьнаго образованія на западѣ и въ Россіи. (По личнымъ наблюденіямъ). Томъ II. 414 стр. Ц. 1 р. Спб. 1912 г.

3) Къ вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ семьи и школы въ педагогической литературѣ и школьной практикѣ у насъ и на западѣ. Пг. 1914 г. Ц. 1 р.

4) Нѣкоторыя общія соображенія по вопросу «о задачахъ низшаго, средняго и высшаго образованія». Пг. 1914 г. Ц. 30 к.

5) Къ вопросу объ университетскомъ преподаваніи. Ц. 25 в.

6) Обще-образовательная школа въ Россіи и ея значеніе. 1915 г. Ц. 1 р.

Книжный магазинъ Т-ва А. С. Суворина. Пг. Невскій, 49.